Михаил БАРУ

ВО ВСЯКИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ

(Продолжение. Начало см.: Волга. 2026. № 3-4)

В самой середине девятнадцатого века

В самой середине девятнадцатого века в новостях из Сольвычегодска можно прочесть о том, что секретаря Сольвычегодского уездного суда Кочерина перевели из губернских в коллежские секретари; что наследников «скоропостижно умершей в Горбачевском сельском обществе женщины, сказывавшейся крестьянскою вдовой Сольвычегодского уезда Заболотской волости Шудинского сельского общества, Пелагею Федоровою Ростегаевою» просят явиться в уездный суд «для получения оставшихся после нея денег три рубля серебром»; что уволенного из инвалидной команды прапорщика Лежнева определили смотрителем городского тюремного замка, с переименованием в коллежские регистраторы; что «Вологодское губернское правление, вследствие рапорта Сольвычегодского земского суда публикует об отыскании хозяев якоря, найденного в реке Двине близ острова Шермокурского, крестьянином Сольвычегодского уезда деревни Шилова Семеном Штинниковым, и если таковые окажутся, то обратились бы о сем в Сольвычегодский Земский Суд». И это не все. Еще бывший уездный землемер Швиль за выслугу лет произведен из коллежских секретарей в надворные советники, еще умерли рядовой резервной бригады первой пехотной дивизии Иван Опякин из удельных крестьян Сольвычегодского уезда деревни Клестовской, рядовой Гренадерского Короля Прусского полка Андрей Суворов из крестьян Сольвычегодского уезда…

Оставим новости о наследстве в три рубля, о потерянном якоре, о ценах на перевоз через Вычегду лошади без упряжи в половодье, о производстве бывшего уездного землемера в надворные советники и обратимся к скучной статистике. Поговорим с покрытыми толстым слоем пыли и давно высохшими, как зимние мухи между рамами, цифрами в руках о том, к чему пришел Сольвычегодск к половине позапрошлого века.

Губернские статистики подсчитали, что к тому времени в Сольвычегодске имелось 37 улиц и переулков, семь площадей, три деревянных моста и один фашинный, 139 колодцев при домах, один общественный сад, «содержимый в удовлетворительном порядке», четырнадцать церквей и один мужской монастырь. 192 дома, из них три каменных. Мужчин к январю 1847 года проживало в городе 561, а женщин на четыре больше. Итого получается 1126 человек. Купцы в Сольвычегодске были только третьей гильдии, и проживало их шесть десятков, а вместе с семьями немногим больше сотни. Мещан и посадских чуть больше трети от общего числа жителей. Остальные две трети – это дворяне, военные, чиновники, нижние воинские чины, солдатские дети, казенные крестьяне, дворовые при господах, духовенство, дети духовенства и четыре монаха. В 1846 году в городе было заключено четырнадцать браков. Родилось тридцать мальчиков и десять девочек. В том числе четверо незаконнорожденных мальчиков и три незаконнорожденных девочки.

В 1846 году жители города съели 396 быков и коров, 228 баранов и овец, 254 теленка, что составило 4050 пудов мяса, да сверх того в зимние месяцы на рынках Сольвычегодска его жители приобрели 4295 пудов мороженой говядины и свинины. В пересчете на каждого жителя выходит по семь с лишним пудов мяса в год на каждого горожанина, или почти по десять килограммов в месяц, если, конечно, губернские статистики нигде не ошиблись в расчетах. И это при том, что солдатские дети и крестьяне уж точно ели мяса меньше, чем

чиновники или штаб-офицеры. Ржаной муки сольвычегодцы потребили за год 897 кулей, что в переводе на наши меры веса с учетом того, что в куле ржаной муки 7,25 пуда, выходит 104 тонны на город или по 92 килограмма на человека в год, или по 7,68 кг в месяц. Получается, что сольвычегодцы не голодали. По крайней мере, недостатка в хлебе и мясе не испытывали. Это еще без учета потребленных 7,78 тонн крупитчатой муки, 750 кулей ячной муки, что составляет 87 тонн, разных круп, рыбы, молока, яиц, масла...

Все эти продукты и промышленные товары продавались в лавках, которых к середине позапрошлого века насчитывалось: «с красным товаром 6, москательных 5, с разным товаром 4, с солью 3, с кожевенным товаром 1, с мелочным 11, рыбных 6, мясных 13, погребов с виноградным вином 3». Что касается промышленности города и уезда, то из «Перечня заводов и фабрик Вологодской губернии», опубликованном в губернских ведомостях в 1848 году, можно узнать, что «В уездном городе Сольвычегодске имеется: а) завод для окраски холста в кубовую краску, при нем один мастер; его годичное производство ограничивается ценностью во сто рублей, и б) завод салотопенный, при котором один мастер, а производимое заводом изделие ценится в 465 рублей. В уезде сего города считается: а) два завода салотопенных, при них три мастера, а их общее производство не превышало в 1847 году суммы в 178 рублей; и б) шесть заводов кожевенных, производящих юфть и дублен, ценою все вообще на 722 рубля; так что вся заводская промышленность этого уезда в 1847 году не превышала суммы 1456 рублей». Не бог весть какие суммы, что и говорить. «Прежде было еще три завода мыловаренных, которые ныне уничтожились, в следствие упадка состояний заводчиков».

Доходы города в 1847 году были более чем скромными – 1846 рублей 52 ¾ копеек серебром, а расходы 1937 рублей 48 ¼ копеек, но бюджет был бездефицитный, поскольку с прошлого года оставалось 138 рублей 61 копейка, и потому к концу года в городском кармане оставалось еще целых 47 рублей серебром с копейками. В следующем, 1848 году, доходы города составили 2058 рублей 53 ¾ копейки серебром, а расходы 2050 рублей 94 ¾ копейки. Доходная часть выросла на двести с лишним рублей. Какой-никакой, а все же рост. Посмотрим, из чего же складывались эти доходы.

Самая большая доходная статья, составлявшая 700 рублей, была из так называемых вспомогательных доходов – казенных денег, которые платил военный комиссариат за содержание и лечение в городской больнице нижних вспомогательных чинов. На втором месте – сборы за аренду городского гостиного двора – 250 рублей. На третьем – 90 рублей сборов с купеческих капиталов. Вслед за ними идут 89 рублей сборов с городских весов, а дальше 55 рублей с принадлежащих городу сенокосов, 51 рубль с питейного откупа, 30 рублей с ярмарочных балаганов, 25 рублей «с городских лавок и подвижных прилавков, занимаемых продажею говядины и рыбы»,15 рублей с перевоза через Вычегду, семь рублей с калачного ряда, три рубля с салотопенного завода и даже три рубля за сдачу в аренду прорубей.

Теперь о некоторых статьях расходов. Самая затратная статья – это 691 рубль на «содержание Градской Больницы вообще с отоплением и освещением, жалованьем Городовому Врачу и содержанием при оной служителей». На жалованье, провиант и амуницию полицейским было израсходовано 200 рублей. 142 рубля уходило на жалованье секретарю городского магистрата и столько же на жалованье секретарю городской думы, 70 рублей на жалованье писцу Сиротского суда, 60 рублей тратилось на отопление и освещение тюрьмы. На жалованье писцу городского магистрата 50 рублей, на выписку сенатских и губернских ведомостей для чиновников городского управления 15 рублей. Губернские ведомости выписывали отдельно для восьми городских церквей, и стоило это 24 рубля. Наем брандмейстера обошелся городу в 30 рублей. 10 рублей израсходовали на отопление и освещение полицейского участка. В 9 рублей обошлось годовое обслуживание двух фонарей и очистка дымовых печных труб в казенных и общественных домах. Содержание дома городничего стоило 12 рублей. 10 рублей стоило устройство балдахина для водоосвящения, а на поддержание в должном состоянии «состоящих в черте городской

дорог и гатей» город отпустил в два раза меньше. Можно себе представить, в каком состоянии они были при таком, с позволения сказать, бюджете. 5 рублей в год город расходовал на «очистку ретирадных мест при присутственных местах» и иллюминацию городских домов в праздничные дни. Зато на починку шести мостов в черте города истратили 20 рублей. На «поправку и содержание бульвара» выделялось три рубля, на ремонт крытых прилавков, с которых продавали рыбу и говядину – четыре. На ремонт здания хлебного магазина, в котором помещалась инвалидная команда – три. Содержание кладбищенской церкви обходилось городу в 16 рублей в год. Самой маленькой статьей расходов была помощь заведениям губернского Приказа общественного призрения. В Вологду на помощь народным школам, госпиталям, приютами для больных и умалишённых, больницам, богадельням и тюрьмам Сольвычегодск отсылал один рубль, но рубль серебром, а не ассигнациями.

И еще. Вологодские губернские ведомости сообщили, что на столичной выставке сельских произведений в 1850 году, из представленных Вологодской губернией государственными крестьянами изделий, крестьянке Сольвычегодского уезда Березонаволоцкой волости Марфе Петровой дали бронзовую медаль «за хороший кушак».

Малоизвестный в настоящее время

Третья четверть девятнадцатого века в истории Сольвычегодска и его уезда, если исключить приезд в город первого политического ссыльного и оптовую продажу икон Благовещенского собора, была похожа на вторую как две капли воды. Из Москвы или из Ярославля, или даже из губернской Вологды, до которой из уездного Сольвычегодска и в двадцать первом веке более пятисот с лишним верст, а тогда хоть три года скачи и ни до какого государства не доедешь, различия между этими каплями найти сложно. Неприятель до Сольвычегодска, слава Богу, не доходил, новых соборов, подобных Благовещенскому или Введенскому строить было некому, императоры через город не проезжали… (Правду говоря, и вологодские губернаторы в Сольвычегодске тоже не часто показывались.) Не происходило ровным счетом ничего из того, что так любят описывать историки и краеведы. Писатели-фантасты назвали бы это временной петлей причинности или гипотетическим поворотом в ткани пространства, при котором время становится петлей, из которой нет выхода, но где гипотетический поворот, а где Сольвычегодск, и потому мы все же попробуем описать что происходило в то время, когда не происходило ничего.

Возьмем, к примеру, 1851 год, в котором, если судить по сообщениям Вологодских губернских ведомостей, в Сольвычегодском уезде в двух пожарах погибли одна крестьянка и трое малолетних детей; были совершены три кражи – одна в городе и две в уезде; в уездном суде продавали «две сенокосные пожни Мартушиха и Сорока принадлежащие мещанину Владимиру Пьянкову за неплатеж им губернской секретарше Завариной 115 руб. серебром»; за выслугу лет Высочайшим приказом по гражданскому ведомству произведен в губернские секретари учитель Сольвычегодского уездного училища Иванов; в вологодском губернском правлении продавали серебряные вещи, принадлежащие сольвычегодскому мещанину Александру Жданову за неплатеж им Сольвычегодскому сиротскому суду 300 руб. серебром; по ведомству министерства внутренних дел из коллежских секретарей в титулярные советники произведен Сольвычегодский земский исправник Воронцов; из коллежских регистраторов в губернские секретари столоначальник Сольвычегодского земского суда Рупышев; повытчик Попов произведен в коллежские регистраторы Сольвычегодского уездного суда; журналиста Камкина произвели в коллежские регистраторы Сольвычегодского уездного казначейства; коллежскую асессоршу Анну Кузнецову вызвали в уездный суд для выслушания решения по делу о присвоении ею земли в деревнях Княгининской выставки и Алексине. Сюда прибавим одно самоубийство в уезде, смерть священника Сольвычегодского Введенского монастыря Федора Костылева и приезд из Вологды в Сольвычегодск частного пристава Черняева. Вот,

собственно, и все события, которыми отметились Сольвычегодск и его уезд в Вологодских губернских ведомостях в том году.

Немного скучной статистики. Справочная книжка для Вологодской губернии за 1853 год сообщает, что в 1852 году в Сольвычегодске проживало 462 мужчины и 580 женщин. В общей сложности немногим более тысячи. На это количество горожан приходилось 4 каменных дома и 184 деревянных, один мужской монастырь, одиннадцать каменных и две деревянных церкви. С количеством училищ все было куда скромнее – в городе было всего одно и в нем обучалось 56 учеников. Больница тоже была одна, на дюжину коек. Аптек в городе не было ни одной. Зато питейных домов и штофных лавочек имелось пять. Конечно, была и тюрьма. Как же без нее. Мещан в Сольвычегодске проживало 452 человека, а купцов всего 53. Капитал, объявленный этими купцами, составлял 24 000 рублей. На местных ярмарках, как сообщает памятная книжка, торговали они «шелковыми, бумажными, шерстяными, льняными, пеньковыми, металлическими и другими мануфактурными изделиями, холстом, кожами, салом, коровьим маслом, льном, разного рода зерновым хлебом и другими сырыми произведениями, рогатым скотом и лошадьми». Рогатый скот был настолько хорошего качества, что его через Архангельский порт продавали заграницу. Торговали конечно же и рыбой, выловленной в Вычегде и других реках и озерах, которых в этом краю довольно много. В Памятной книжке Вологодской губернии за 1862–1863 гг. написано: «Рыбы по водоему Вычегды бездна. Как река эта, так и озера, образовавшиеся из прежних ее течений, дают столько щук, лещей, язей, окуней, налимов и плотвы, что можно купить их иногда копейки за три, много за пять фунт. В Вычегде ловятся также семга и нельма – за продовольствием Сольвычегодска, отвозимые главным образом в Устюг, где платят за них самую красную цену – иногда копеек тридцать и даже сорок за фунт».

Строили на продажу лодки и барки, что неудивительно при таком количестве леса, а также сплавляли их, предварительно загрузив тут же распиленными сосновыми досками, по Вычегде и Северной Двине в Архангельск. Большей частью, правда, просто вязали в плоты и сплавляли по течению. Правда, Справочная книжка для Вологодской губернии на 1856 год сообщает, что судостроения в Сольвычегодске уже не существует. В западной части Сольвычегодского уезда занимались выкуриванием смолы из хвойных пород, и для этого устраивали скипидарные или пековаренные заводы, в которых получали собственно скипидар, канифоль и пек – он же сапожный вар, он же корабельная смола. В 1862 году в уезде добыли 85 000 ведер смолы, или чуть больше одного миллиона литров. Занимались скупкой по деревням и селам скота, излишков разного рода зерновых, смолы, дегтя и организацией сплава, как правило, зажиточные крестьяне.

О самом Сольвычегодске в Справочной книжке для Вологодской губернии за 1854 год было написано не то чтобы обидное, но печальное: «Сольвычегодск, мало известный в настоящее время, не процветающий ни промышленностью, ни торговлей, занимал некогда важное место в нашей древней северной торговле. <…> По удалении Строгановых, торговля сольвычегодская стала приходить в упадок и теперь он ничем не отличается от других уездных городов». Через семь лет тот же справочник пишет: «И в самом деле, довольно удивительно, что города наши, кроме Устюга, существующего уже более 600 лет, до сих пор почти ничего не усвоили городского – в них решительно не существует городской промышленности. Мы не говорим о Никольске, Устьсысольске, основанных только в 1780 году, но, например, в Тотьме, Вельске, Сольвычегодске <…> проживших не по одному столетию и проживших не без пользы не только для себя, но и для государства, служивших еще в начале столетия важными звеньями в сибирской торговле, прежде богатых и хорошо населенных, жители доныне продолжают заниматься хлебопашеством или на городских землях или же на собственных, в большом количестве разбросанных по Устюгскому, Никольскому, Сольвычегодскому и Яренскому уездам. Но Сольвычегодск, Яренск, Устьсысольск и их уезды в правах своих приравнены некоторым образом с городами сибирскими; здесь, например, лицам служащим по земской полиции считается выслуга пять лет за семь – здесь дозволено стрелять дичь круглый год и вот может быть по

этим-то причинам, может быть по предубеждению необоснованному, или просто по отдаленному положению этих городов, составилось чрезвычайно невыгодное мнение об их уездах в продовольственном отношении; мнение это применимо только к самым глухим местам, не принадлежащим к той полосе, которую мы рассматриваем. В самых городах и их окрестностях можно найти все необходимое для удовлетворения жизненных потребностей и даже иногда дешевле, чем в местах более близких к центру». Оно, конечно, так, но Вологодские губернские ведомости в 1861 году в обзоре цен на жизненные припасы по Вологодской губернии пишут, что в западной части Сольвычегодского уезда «не разводятся ни огурцы, ни тыквы, нет здесь ни яблони, ни орешника», а климат восточной, и самой обширной части уезда уже не годится для выращивания пшеницы, овса и ячменя. В северной части уезда «несмотря на тучность почвы, на луга с травою в рост человека, земледелие находится в крайне жалком положении. Поздние весенние утренники и ранние осенние заморозки решительно отбивают у земледельца охоту к борьбе с неблагодарным трудом, а потому он берет винтовку и идет в неизмеримые леса промышлять себе на насущный хлеб, подвозимый из более счастливых местностей и покупаемый за хорошие деньги».

В пятьдесят четвертом году вышел сенатский указ о восстановлении в Сольвычегодске городской богадельни. Деньги на ее содержание были завещаны купцом Ждановым. В империи ничего нельзя было сделать без ведома вышестоящего начальства, а потому, чтобы богадельня открылась, министр внутренних дел представил проект комитету министров, комитет министров поднес это проект на «Высочайшее благоусмотрение» государя императора, император приказал вологодскому губернатору, губернскому правлению и приказу общественного призрения исполнить. В тот год Крымская война была в полном разгаре – англичане с французами осадили Севастополь, и маленький Сольвычегодск, надо отдать ему должное, хоть и был за тридевять земель от театра боевых действий, в стороне от этих событий не остался. Как сообщили губернские ведомости, «Г. Министр Внутренних Дел уведомил Г. Исправлявшего должность Начальника Губернии, что Государь Император, по всеподданнейшему докладу о пожертвовании чиновниками и гражданами г. Сольвычегодска 203 руб. 40 ½ коп., собранных ими по добровольной подписке в пользу раненых, Высочайше повелеть соизволил: поблагодарить за это пожертвование, а деньги причислить к особому военному капиталу». После окончания Крымской войны император «в ознаменование особого благоволения к городскому обществу, за оказанное им в минувшую войну, при исполнении правительственных распоряжений, усердие, Всемилостивейше изволил 15 октября пожаловать сольвычегодскому городскому голове купцу третьей гильдии Хаминову серебряную медаль для ношения на шее на Станиславской ленте». В скобках заметим, что городским головам других уездных городов Вологодской губернии – Грязовца и Вельска дали по золотой медали для ношения на Андреевской и Станиславской лентах, но… лучше серебряная, чем никакая.

Город и уезд жили небогато, о чем хотя и косвенно, но вполне красноречиво свидетельствуют объявления Сольвычегодского уездного суда о продаже самого различного имущества, регулярно печатавшиеся в губернских ведомостях. К примеру, в июле 1856 года в уездном суде был объявлен торг на продажу пустых из-под пороха 40 дубовых бочонков, 66 мочальных веревок и 66 ветхих рогожек, оцененных в 1 руб. 59 коп. серебром. Вместе с мочальными веревками и ветхими рогожками продавался железный багор, «оцененный в 31 копейку серебром, найденный при обыске у крестьянина Матвея Матонина, судимого вместе с прочими за кражу у разных лиц разного имения и денег, по неотысканию хозяев оного». В марте 1857 года в уездном суде продавали «медный самовар и кран, оцененные в 1 руб. 20 коп. серебром, принадлежащие государственному крестьянину Сольвычегодского уезда Матвею Колотову, судимому за захват принадлежащих Сольвычегодскому Акцизно-откупному Комиссионерству, во время служения его в Зиновской временной выставке, вырученных за вверенные ему для продажи

вина и питья денег 20 руб. 34 коп. серебром. В пополнение присужденного с него взыскания в пользу откупа», а в августе того же года снова в продаже порожние из-под пороха дубовые бочки, ветхие рогожки и ветхие концы мочальных веревок, оцененные в 2 руб. 5 коп. Кто-то все эти ветхие рогожки, концы мочальных веревок, железные багры и самовары с кранами покупал, приспосабливал в хозяйстве и радовался, что купил задешево. В июле 1862 года уездный суд и вовсе объявил торги на продажу «железной сечки, неизвестно кому принадлежащей, найденной в амбаре сольвычегодского мещанина Бояркина, при осмотре повреждения онаго, из которого сделана кража имущества у Бояркина, оцененной в две копейки серебром». Сольвычегодский земский суд от уездного не отставал – он устраивал торги даже на продажу архивных дел, предназначенных на уничтожение. Так в конце декабря 1857 года в уездном земском суде продавались предназначенные для уничтожения архивные дела весом в 62 пуда, то есть почти в тонну.

Сольвычегодские уездный и земский суды являлись одними из основных поставщиков новостей из города и уезда в Вологодские губернские ведомости. Порой эти новости с нашей, конечно, точки зрения, были довольно курьезными. Как, например, вот эта, опубликованная в середине февраля 1858 года: «Решением Сольвычегодского уездного суда, жена рядового Сольвычегодской Инвалидной Команды Наталья Карпова Ширейка, подвергнута денежному взысканию за хождение в чулан с зажженною лучиною, 55 коп. серебром, на составление особаго капитала для улучшения содержания существующих и устройство новых мест заключения. Губернское правление публикует об этом во всеобщее известие». Такие решения уездного суда были не единичными. Так государственного крестьянина Метлинской волости деревни Каменка Василия Топорова за разжигание огня в общественной мельнице, отчего она сгорела, оштрафовали на полтора рубля, и эти деньги пошли на те же самые нужды, что и в предыдущем случае.

Кстати, об улучшении содержания мест заключения. В Сольвычегодске работало Уездное отделение общества попечительного о тюрьмах, которое в мае 1857 года назначило «торг с узаконенной через три дня переторжкою, на постройку для арестантов тюремных нижеозначенных вещей, а именно: для мужчин: рубах и портов 93 пары, шапок сермяжных зимних 31, кафтанов сермяжных с таковыми же к ним поясами, полушубков овчинных 31, рукавиц кожаных с варегами 31 пара, сапог 62 пары, котов 62 пары, онуч суконных 62 пары, холстинных 62 пары, халатов тиковых 31, халатов детских сермяжных 3, для женщин: рубах 27, каптуров суконных с ушами 9, кафтанов сермяжных с таковыми же поясами 9, юбок из неваляного сукна 9, юбок холстинных 9, платков холстинных 18, полушубков 9, рукавиц суконных 18 пар, котов 18 пар, онуч суконных 18 пар, холстинных 18 пар, войлоков 40, наволок пестрядинных для постелей 40, наволок тиковых для подушек 80, одеял сермяжных 80, скатертей 12, полотенец 40; для больницы мужских рубах и подштанников из русского холста 6, колпаков из холста 6, наволок на подушки верхних, больших и меньших 12, из тику наволок на тюфяки нижних 3, наволок на тюфяки верхних из русского посконного холста 3, платков носовых из холста 6, простынь постельных 6, одеял тиковых 4, одеял суконных 3, халатов тиковых 4, халатов сермяжного сукна 3, чулок посконного холста 8 пар, утиральников 6, туфлей 6 пар, женских рубах 3, колпаков 3, наволок на подушки верхних больших и меньших 6, нижних 6, наволок на тюфяки верхних из русского посконного холста 3, нижних 3, платков носовых из холста 3, одеял тиков 2, халатов: тиковых 2, сермяжных 2, чулок посконного холста 4 пары, полотенец 3, туфлей 3 пары, тулуп овчинный 1, скатертей 3, покрывал ушатных и ведерных 3, покрывал на квашни 3, и фартуков 4. Желающие принять на себя эту поставку благоволят явиться в Тюремное отделение с надлежащими залогами, где будут представлены кондиции поставки и для образцов вещи». Из этого списка хорошо видно, что арестантов одеждой, обувью и постельными принадлежностями, пусть из самого дешевого полотна, обеспечивали сполна. Им полагались даже скатерти, носовые платки и утиральники. Правда, присутствие в списке трех детских сермяжных халатов наводит на невеселые мысли.

Отдельный раздел представляли собой объявления Сольвычегодского уездного полицейского управления о розыске пропавших крестьян, описания найденных утопленников и пойманных бродяг. Они интересны не только сами по себе, но и подробным описанием одежды пропавших, найденных и пойманных, поскольку по этим описаниям можно составить представление о том, как одевались жители Сольвычегодского уезда. Приведем несколько таких описаний, опубликованных губернскими ведомостями в третьей четверти девятнадцатого века.

«Вологодское губернское правление вследствие рапорта Вологодского Городского Полицейского Управления, от 31 декабря 1867 г. за № 12904, разыскивает государственного крестьянина Березонаволоцкой волости, деревни Константиновской Филиппа Иванова Малахова 28 сентября 1867 г. из дому своего отлучившегося в лес для звериных промыслов на расстоянии от дому сто верст и оттуда домой не возвратившегося. Приметами Малахов: от роду 27 лет <…> одет он был в сукманник[53], на голове суконный картуз, на ногах сапоги кожаные, рукавицы из овечьей шерсти белые, опоясан кушаком, холщовые: рубашка и порты, на шее платок бумажный поношенный и медный крест на холщовом гайтане.

Сольвычегодское полицейское уездное управление разыскивает крестьянскую девку Березонаволоцкой волости деревни Чупровской Настасью Антонову Заозерскую, имевшую отроду 23 года, одежда на ней была следующая: на голове бумажный обленялый платок, холщовая рубашка, крашеный сарафан и шерстяной сукманный на холщовой подкладке, на шее медный крест на холщовом гайтане, босая, роста среднего, волосы русые, глаза серые, нос, рот и подбородок умеренные, лицо чистое.

Сольвычегодское полицейское уездное управление публикует о разыскании общества или сословия, к которым бы принадлежал найденный 12 числа минувшего мая месяца на левой стороне реки Двины в удельной Верхотоемской нижней даче, близ весеннего перевоза, существующего под Верхотоемским погостом, Сольвычегодского уезда, мертвым неизвестный человек мужеского пола. Приметами он был: от роду, по-видимому, около 40 лет <…> одежда на нем: рубаха и порты белые холщовые, опоясан кожаным ремнем, на шее медный крест и таковая же пуговица на холщовом плетеном гайтане и шерстяной пестрый галстук. Сверх сего при нем находятся: сукманный пониток, полушубок и шапка овчинные, рукавицы суконные, с холщовыми заплатами и небольшой холщовый мешочек.

Сольвычегодское полицейское уездное управление публикует о разыскании общества к которому принадлежит найденный вблизи г. Красноборска мертвым неизвестный человек, которого смерть последовала, как видно из судебно-медицинского осмотра, утвержденного Врачебным отделением Губернского правления от апоплексии мозга и легких, произошедшей от сильного холода. Приметы его следующие: <…> от роду лет около 25, одет в следующем платье: ветхий, крашеный, синий, летний казакин, синюю пестрядинную рубашку, серые сукманные штаны с заплатами, на ногах кожаные коты и суконные онучи, на голове серая, круглая, ветхая шапка, на руках вязаные шерстяные рукавицы, в кармане платок белый, гарусный с вышитыми красной бумагой литерами А. Л.

Сольвычегодское полицейское уездное управление публикует о разыскании общества неизвестной женщины, найденной мертвою в реке Вычегде 25 числа июня в одной версте ниже города Сольвычегодска. Приметы которой следующие: от роду, по-видимому, от 30 до 35 лет, одета в крестьянское ситцевое полосатое платье, сверху оного фуфайка синего цвета, на шее бумажный белый платок, фартук ситцевый палевого цвета, под платьем пестрядинная юбка и белая холщовая рубаха, медный крест на тесьме, на ногах кожаные башмаки на босую ногу, в кармане платья небольшой бумажный мешочек и в нем четыре рубля денег кредитными билетами рублевого и трехрублевого достоинств и небольшая берестяная табакерка с зеркалом, знаков насилия на теле не найдено.

Сольвычегодское полицейское уездное управление публикует о разыскании общества неизвестного человека, найденного мертвым 20 июня против г. Сольвычегодска, около берега реки Вычегды. Приметы которого следующие: от роду, по-видимому, от 20 до

25 лет, одет в крестьянское платье серого сукна троеклинок, на шее бумажный платок по белой земле, на ногах кожаные сапоги, жилет черного сукна со стеклянными пуговицами, в правом кармане оного медный крест и маленький клетчатый бумажный платок, опоясан по троеклинку бумажным кушаком, а по рубашке шерстяным поясом с небольшими кистями, в кармане троеклинка трубка деревянная с таковым же чубуком, огниво, два кремня и кусочек трута, положенные в небольшой бумажный мешочек и жестяная спичешница, под верхней одеждой две рубашки, одна кумачная, красная, а другая белая, холщовая, двои штаны, верхние нанковые, а нижние белые холщовые, на ногах, кроме сапог, крашенинные портянки, на теле знаков насилия не замечено.

От Никольского Земского Суда объявляется, не принадлежит ли к какому-либо обществу или владельцу пойманный в тамошнем уезде бродяга, называющий себя Семеном Ивановым Пановым Сольвычегодского уезда, Метлинской волости и общества, деревни Креж, государственным крестьянином. Приметы его: от роду 19 лет <…> Одежда на нем: два кафтана изорванные и дырявые домашнего сукна, один черный, другой серый, рубашка белая поношенная домашнего толстого полотна, таковые ж порты, на ногах березовые лапти с портянками, на голове картуз черного сукна поношенный без козырька. Особых примет не имеет».

При внимательном чтении описаний одежды можно заметить, что все их объединяют прилагательные ветхий, поношенный, босая, облинялый, существительное заплаты и медные кресты на холщовых шнурках.

В начале каждого года Сольвычегодская городская дума назначала торги на все, что требовалось для обеспечения городского хозяйства, и на конкурсной основе сдавала в аренду все то, что могло принести городу доход. В течение третьей четверти девятнадцатого века список необходимого практически не менялся, а потому мы ограничимся примером таких торгов за 1861 год, когда городская дума предлагала желающим брать подряды на отопление и освещение думы, магистрата, Сиротского и Словесного судов, помещения пожарных инструментов, квартиры городничего, городнического правления с арестантскими камерами, поскольку все это помещалось в одном и том же здании, казармы, занимаемой нижними чинами, мостовой будки и караульни при провиантском магазине; на отдачу участка в аренду на три года, удобного для добывания глины для выделки кирпича, на отдачу участка земли под пастьбу скота, на отдачу в аренду на три года городских весов, на поставку провианта и обмундировочных вещей для нижних чинов полицейской и пожарной команд, на исправление и заведение пожарных инструментов и смазку колес, на постройку и уборку временных ярмарочных балаганов, устройство Иордана, очистку дымовых труб и отхожих мест в городских домах, на ремонт двух тулупов и пошив, или, как тогда говорили, постройку четырех пар теплой обуви для открытых воинских постов, на ремонт в городской скотобойне, на отдачу ее в аренду, на ремонт городского дома, занимаемого городскими присутственными местами, лавочек калачного ряда, городских весов и мер, на взятие в оброчное трехлетнее содержание пары лошадей при пожарных инструментах, на отдачу в оброчное содержание удобных мест под складку товаров при нагрузке и выгрузке судов. Кроме того, в аренду или в оброчное содержание отдавали перевоз через Вычегду под городом, а также водопойные и платьемойные проруби. Отдача в аренду водопойных и платьемойных прорубей не должна нас удивлять – сводить концы с концами городу удавалось с трудом, и потому городская дума искала любые возможности пополнить городской бюджет. Если же посмотреть на городские доходы, например, 1871 года, то можно видеть, что с заведений промышленности, за отсутствием таковых, Сольвычегодск не получал ни копейки на протяжении целого ряда лет. Самый большой вклад в городской бюджет вносила сдача в аренду гостиного двора (чуть более четырехсот рублей), за ней сборы с местных и иногородних купцов всех гильдий (на пятнадцать рублей меньше), за ней деньги за аренду земли внутри городской черты под хлебопашество (полтораста рублей), за ними сборы с разных лиц, торгующих по свидетельствам на мелочный торг. Далее идут суммы меньше

ста рублей – за аренду земли под хлебопашество вне городской черты, с городских весов и мер, с земли, занимаемой во время ярмарок и торжков. За аренду ларей и столов для торговли мясом город получал полсотни рублей. Меньше этих денег были суммы, получаемые с контрактов и договоров, с городской скотобойни, с трактирных заведений, за аренду сенокосов, земель под огороды и под выпас скота. За аренду земли, застроенной питейным домом рядового Григорьева, город получал двенадцать рублей. Все остальные статьи доходов не дотягивали даже до десяти рублей – аренда угодий для рыбных и звериных ловель, мест для добывания глины и выделки кирпича, калачного ряда, мест под складирование товаров при погрузке и выгрузке судов, сборы с мастеровых и ремесленников, постоялых дворов и ренсковых погребов, в которых торговали алкоголем навынос. Сборы с мастеровых ремесленников составляли, например, в 1859 году два рубля с копейками, а в 1871 году три рубля с копейками. Да и как им быть больше, если самих мастеров и ремесленников в городе и уезде было раз-два и обчелся. К 1875 году в Сольвычегодске по данным губернского статистического комитета было четыре сапожника, два мясника, столько же булочников, портных, башмачников, столяров, переплетчиков, кузнецов и печников; по одному пряничнику, шляпнику, меднику, лудильщику, обойщику и цирюльнику. Не много, что и говорить, но есть и шляпник, и башмачники, а не только сапожники, есть цирюльник, есть переплетчик и даже пряничник, но... нет ни одного серебряных и золотых дел мастера, а ведь были, и какие...

Последними статьями доходов были штрафные деньги – рублевый штраф за просрочку чиновниками отпусков, такой же штраф за самовольную порубку леса в городской даче и пятирублевый штраф за бродящий по улицам скот. Три статьи в бюджете города были неприкосновенными – пенсионный капитал, составлявший чуть более ста пятидесяти рублей, тысячерублевый капитал с процентами, пожертвованный городу иркутским купцом Дмитрием Чирковым, и трехтысячный капитал, пожертвованный иркутским городским головой и купцом первой гильдии Иваном Степановичем Хаминовым, уроженцем Сольвычегодска.

18 января 1869 года, как сообщали Вологодские епархиальные ведомости, «после водосвятного молебствия, отправленного клиром тамошнего Благовещенского собора, положено было начало работам по укреплению берега р. Вычегды против соборной церкви, ежегодно подмывавшегося весенним разливом воды и наконец угрожавшего явной опасностью самому собору. Это укрепление, состоящее из свайного обруба на протяжении семидесяти девяти с половиною сажен, к весне было окончено и совершенно предохранило берег от дальнейшего повреждения. По этому обстоятельству 8 числа минувшего Мая, 11 часов утра, после Божественной литургии, духовенством Благовещенского собора совершен был крестный ход на р. Вычегду, к месту новоустроенного укрепления, и было отправлено благодарственное Господу Богу молебствие с водоосвящением, при великом множестве всякого народа всякого звания пола и возраста. Жители Сольвычегодска надеются, что, с Божией помощью, древний соборный храм их, величественный остаток эпохи Строгановых, при надлежащей поддержке и, если нужно, усилении и распространении сделанного берегового укрепления, сохранится у них от враждующей водной стихии еще на долгое время».

Посмотрим на уголовную хронику города и уезда третьей четверти позапрошлого века. Не касаясь обычных случаев грабежей, краж, поджогов, драк и смертей от пьянства[54], которых в Сольвычегодске и уезде было ничуть не больше, чем в других городах и уездах Вологодской губернии и которыми теперь удивить трудно, обратимся к преступлениям, в наше время почти или даже совсем не встречающимся – к случаям убийства новорожденных собственными матерями. Они появляются в уголовной хронике города и уезда не один и не два раза.

Февраль 1869 года. Как писали в разделе «Происшествия в губернии» губернские ведомости, «Сольвычегодский мещанин Николай Михайлов Коротанов, явившись в 12-м часу ночи 9 февраля в квартиру помощника местного исправника, объявил ему, что

проживавшая в его семействе дочь его девица Анна, после обычных занятий в 6 часу вечера того дня, неизвестно куда из дома отлучилась. Прождав часа два, он начал отыскивать ее, но несмотря на все поиски около дома и расспросы у родственников, не мог ее найти. Вследствие сего по распоряжению помощника исправника, командированы были для розысков девицы Коротановой дежурный полицейский служитель с ночными патрульными, которые уже во 2-м часу за полночь заметили на протоке реки Вычегды катаники и платок Коротановой, о чем и известили помощника исправника. Этот последний, по прибытии на реку Вычегду, в проруби ее нашел девицу Коротанову мертвою. По осмотре ее никаких признаков насильственной смерти на ней не замечено, а по вскрытии ее трупа она оказалась беременною младенцем мужского пола почти вполне уже развившимся. Обстоятельство это, а равно то, что около проруби найдены крест, платок и катаники Коротановой, заставляет думать, что она сама решилась утопиться. При всем том сделано распоряжение к производству формального следствия об этом событии».

В июне того же года г. Сольвычегодске «на берегу полоя реки Вычегды вблизи Благовещенского собора, против первого ледореза найдено полусгнившее тело младенца с черепом головы раздробленным на части. В близи тела найдены тряпки и веревка, а немного далее правая ножка младенца. Об этом производится следствие».

Февраль 1875 года. «В деревне Ивашевской рядовым Лобановым противу дома соседа своего, крестьянина Суворова нечаянно с помощью бывшей при нем собаки, найден в снегу мертвый младенец женского пола. В рождении этого младенца обвиняется солдатская жена Суворова, 28 лет».

В августе того же года «крестьянская девица деревни Харитоновской Дарья Ефимова Щеколдина 32 лет в доме крестьянина Сидора Щеколдина родила девочку, которой священник в тот же день дал обычную молитву. После того, чрез девять дней, Щеколдина отправилась с младенцем для крещения его в Кивокурскую церковь, но дорогою младенец ее будто бы помер, почему она в лесу у толоконной горы, находящейся между селениями Устьегородским и Кривокурским, вырыв в песке ямку, положила в нее труп, а сама ушла в Кивокурское селение и не объявив о том никому, проживала там у разных лиц до 6 сентября, когда сделалось известным об исчезновении ребенка. После того Щеколдину стали разыскивать, и она скрывалась до 10 числа, но наконец была найдена и указала место, где был схоронен ее младенец. Дознание об этом передано полицией судебному следователю».

От тем печальных и, прямо скажем, неприятных перейдем к приятным – к награждениям орденами и медалями, денежным премиям и повышениям по службе. Сразу нужно сказать, что сольвычегодцев всем этим не баловали. Даже когда в Вологде или в других уездных городах кому-то давали ордена первой степени, сольвычегодцам, как правило, давали третьей или четвертой. За четверть века награждений орденами случилось всего три – в 1867 году сольвычегодский уездный казначей, коллежский асессор Попов стал кавалером ордена Св. Станислава 3 ст.; в 1873 году кавалером ордена Св. Владимира 4 ст. за тридцатипятилетнюю беспорочную службу стал исправляющий должность судебного следователя первого участка Сольвычегодского уезда надворный советник Фотиев, и в том же году орден Св. Анны 2 ст. пожалован сольвычегодскому исправнику коллежскому советнику Кульчинскому. Прибавим сюда серебряную медаль для ношения на Станиславской ленте, которой наградили городского голову Хаминова, две серебряные медали с надписью «за спасение погибавших» для ношения на груди на Владимирской ленте, которыми наградили государственных крестьян Сольвычегодского уезда Антона Кулижникова и Якова Епихова, за спасение ими в апреле 1864 года утопавших в реке Уфтюге пяти человек, прибавим две премии в 75 и 70 рублей, которыми в разные годы императором «по удостоению кабинета министров был награжден за отлично усердную службу и особые труды» учитель Сольвычегодского уездного училища Николай Щербаков, не забудем про две премии по пяти рублей серебром, выданные комитетом вологодской сельскохозяйственной выставки, проходившей в октябре 1858 года, государственным крестьянам Сольвычегодского уезда Михаилу Кобылину и Ивану Харитонову за

представленные образцы льна и… все за двадцать пять лет. Зато регулярно, почти каждый год, губернское начальство благодарило через газету волостных старшин, их помощников, сельских старост, членов городской думы за своевременный, бездоимочный сбор и внесение в уездное казначейство податей и других денежных сборов с крестьян и мещан города и уезда. (Вряд ли их за это благодарили крестьяне и мещане, но кто спрашивал крестьян и мещан...) В январе 1863 года вологодский губернатор изъявил благодарность «Сольвычегодскому Градскому Голове за внесение им собственных денег для очищения податей и повинностей, следовавших с мещан г. Сольвычегодска за истекший год, с возвратом денег по взыскании их с лиц неоплативших».

Прежде чем перейти к событиям культурной жизни, прочтем объявление, напечатанное в губернских ведомостях в феврале 1865 года: «Вызывается в Сольвычегодский уездный суд для выслушания решения жена губернского секретаря Андриана Соколова – Марья Васильева Соколова, – по делу о двух пасквильных письмах, относящихся к чести семейства вышеозначенного Соколова». Три раза Марью Васильевну вызывали в суд и три раза он не являлась. Только представьте себе, какой огромный клубок сплетен, какие пересуды, какие косые взгляды… Почему в суд вызывали жену губернского секретаря Соколова, а не его самого… что было написано в этих пасквильных письмах… почему была затронута честь… почему жена Соколова не являлась в суд… что под большим секретом рассказала жена одного из заседателей уездного суда жене уездного землемера, чем все это кончилось… и все это в крошечном Сольвычегодске, где и сейчас каждая собака знает все, а если и не знает, то догадывается…

О событиях культурной жизни города и уезда, произошедших в третьей четверти девятнадцатого века. Их было не так уж и много. Если честно, то их не было совсем, если под культурными событиями иметь ввиду любительские спектакли или гастроли заезжих театральных трупп, открытие библиотек или музеев, выход в свет новых книг, написанных сольвычегодцами, или строительство планетария[55], но культурная жизнь все же была, и к ней с полным правом можно отнести съезд учителей Вологодской губернии, проходивший в Сольвычегодске неделю в августе 1872 года. В городе на время работы съезда была устроена образцовая школа «для наглядного ознакомления учителей и учительниц, живущих в глуши Вологодской губернии, с толково устроенной школой». Мировой посредник Сольвычегодского уезда Савваитов, как писали губернские ведомости, «от всего городского общества заявил, что губернское земство поступило очень практично, назначив пунктом съезда г. Сольвычегодск, где не было ранее надлежащего сочувствия делу народного образования, так как посредством этого съезда граждане Сольвычегодска как бы наглядно убедились в важности народного образования. Отныне заброшенное в этот край семя народного образования без сомнения будет расти и принесет плод. Губернское же земство, видя успешные результаты нынешнего съезда, вероятно не пожалеет средств на осуществление Второго съезда».

Правду говоря, дела с образованием в Сольвычегодском уезде обстояли не очень хорошо. Если судить по докладу, который представила Земская Управа Сольвычегодскому Уездному Собранию в сентябре 1870 года, в уезде существовало 7 сельских училищ, 35 приходских школ духовного ведомства и должно было вот-вот открыться одноклассное образцовое сельское училище[56]. Во всех сельских школах училось 350 мальчиков и 51 девочка. Обязанности учителей в этих школах исполняли церковные причты, то есть священники и дьячки, не получая при этом ни копейки за свои труды. В некоторых приходах крестьянские общины выделяли деньги на наем квартир для школ, на их отопление и освещение, а в некоторых… и школы тогда помещались в церковных трапезных и сторожках, или бесплатно в домах причта. С учебниками дело обстояло немногим лучше, чем с помещениями – те книги, которые выдавала уже не существующая к тому времени Плата Государственных имуществ, истрепались. Части школ и вовсе не выдавали никаких учебников, и потому дети учились по книгам, которые купили им родители или преподаватели за собственный счет. Во всех уездных школах никакой мебели

не было, кроме нескольких деревянных досок для черчения, да и эти доски были далеко не во всех школах. В шести волостях Сольвычегодского уезда школ не было совсем. Инспектор народных училищ Вологодской губернии, как сказано в докладе, «просил Управу представить Уездному Земскому Собранию: не найдет ли оно возможным содержать с будущего года двух стипендиатов в педагогических курсах при Вологодском уездном училище. Таким способом Земство через каждые два года получило бы двух, специально подготовленных, наставников для сельских училищ своего уезда, так как дети, хорошо окончившие курс в уездном училище и пробывшие два года в педагогических курсах, будут очень дельными и опытными наставниками». Земская управа на просьбу инспектора народных училищ откликнулась и выделила на жалованье учителям, на наем им квартир, на освещение и отопление, на жалованье сторожам, на содержание стипендиатов педагогических курсов при Вологодском уездном училище, на пособие вновь открываемому училищу, на помощь сольвычегодскому приготовительному классу, где помогали недостаточно обученным мальчикам выдержать экзамен в уездное училище, в общей сложности 2100 рублей. Для сольвычегодского земства деньги огромные, сопоставимые с городским бюджетом тех времен. К примеру, всех доходов города Сольвычегодска в 1872 году набралось на сумму в 1838 руб. 83 ½ коп.

В конце декабря 1871 года в селе Песчаницы было открыто первое начальное земское училище в Сольвычегодском уезде. Конечно, это событие не мирового, а уездного масштаба, и, наверное, можно было бы о нем и не упоминать в контексте истории города Сольвычегодска, но Павел Аристархович Красов, которого туда направил учителем сольвычегодский уездный училищный совет, оставил нам хотя и небольшой, но любопытный мемуар о начале своей работы, записанный им собственноручно.

На открытие училища, кроме учителя, приехали председатель училищного совета, мировой посредник и председатель земской управы. Отбор детей в училище происходил точно так же, как это делалось при отборе рекрутов, то есть если в семье было три или четыре мальчика, то в училище брался один, а если два или один, то они пользовались «льготой» и в учебу не отдавались. Всего в школу записали 28 детей. Всех школьных рекрутов собрали вместе с родителями для знакомства с учителем.

Павел Аристархович вспоминал, что «картина была торжественная и в то же время глубоко печальная». При его появлении мужики и бабы встали. На их лицах были слезы и испуг. Дети же до того перепугались при виде учителя, что часть из них бросилась прятаться. Большого труда стоило Красову уговорить рябят не бояться и выстроить их попарно, чтобы пойти в церковь к обедне. Как только процессия тронулась, «поднялось совсем светопреставление: бабы заревели и запричитали: “Куда-то вы наших голубков повели, не на радость им, а на мученье”». Мужики, конечно, не ревели, но «всхлипывали, да молча кулаками утирали слезы». В церкви оказалось, что будущие ученики… в церкви до этого случая не бывали. «Когда дьякон отворил царские врата, то некоторые из детей бросились туда, в алтарь». Из церкви пошли крестным ходом в училище, на молебен перед началом занятий. Священники шли с церковными песнопениями, а бабы, рыдая, «причитали по своим детям, словно по покойникам» …Павел Аристархович Красов прослужил в Песчанском земском училище тридцать пять лет.

Земство играло в жизни города и уезда огромную роль. Оно занималось не только образованием, но и здравоохранением. Сольвычегодское уездное земское собрание в 1873 году оплатило жалованье земскому врачу, фельдшерам и повивальной бабке. Выделило единовременные денежные пособия двадцати двум оспопрививателям... Не будем утомлять читателя суммами жалованья врачей, фельдшеров, акушерок, числом заболевших, выздоровевших и отдавших Богу душу, но обратим внимание на то, что уездное земство платило за обучение двух мальчиков, обучавшихся на малолетнем отделении Фельдшерской школы Императорского Московского воспитательного дома. Кроме того, за счет уездной земской управы при городской больнице обучалось фельдшерскому искусству три мальчика, а еще один обучался в ветеринарной школе, и ему выдавались деньги на

проезд и питание. На обучение денег не жалели – в отчете о приходе, расходе и остатке сумм Сольвычегодской уездной земской управы за 1873 год написано: «Отослано садоводу Карлсону в Воронеж за высланные для обучения мальчиков при больнице семена разных растений и книгопродавцу Черкасову за высланные для обучения тех же мальчиков разные книги 36 руб. 66 коп.». Земство оплачивало покупку медикаментов для пополнения земской аптеки и сельских аптечек, содержание и обучение стипендиатки в повивальном институте. За счет земства в вологодский родильный дом решено было отправить двух девиц для обучения повивальному искусству, причем эти стипендиатки должны были быть выбраны земской управой из числа сирот. И это не все. Земство финансировало строительство флигеля при земской больнице, купило ей аппарат для переливания крови и, поскольку была жестокая нужда в фельдшерах, желающим поступить на службу в Сольвычегодский уезд, отдельно от жалованья, выдавались за счет земства подъемные.

О газетах, которые выписывали жители Сольвычегодска в 1859 году. Губернские ведомости, давая эту статистику по Вологодской губернии, писали: «Помещая эти сведения, мы думаем, что они могут быть для некоторых из наших читателей, как статистические данные для определения, если не образования, то, по крайней мере, любознательности и наклонности к чтению жителей нашей губернии. <…> Все сведения, представляемые здесь, собраны с возможной тщательностью и основаны преимущественно на показаниях Почтовых контор». В списке выписываемых в Сольвычегодске газет оказались «С.-Петербургские ведомости», «Северная пчела», «Русский инвалид» (официальная газета Военного министерства), «Газета лесоводства», «Труды Вольного Экономического Общества», «Воскресное чтение» (еженедельный общедоступный журнал Киевской духовной академии), «Ваза» (литературно-художественный журнал светских новостей, мод, домашнего хозяйства и рукоделья), «Русский Мир», «Журнал министерства народного просвещения», «Листок для всех», «Варшавская русская газета» – всех этих изданий сольвычегодцы выписывали по одному экземпляру. К ним прибавим по два экземпляра «Земледельческой газеты», «Духовной беседы», «Русской газеты» и три экземпляра «Сына Отечества». Всего получается 22 экземпляра, или один экземпляр на 47,4 жителя Сольвычегодска. По количеству экземпляров Сольвычегодск среди девяти уездных городов Вологодской губернии находился на предпоследнем месте – меньше выписывали только в Яренске. Первое место с большим отрывом от всех уездных городов занимал Великий Устюг – устюжане выписывали 108 экземпляров, но в пересчете на 7393 человека, которые тогда проживали в городе, выходит одно печатное издание на 68,4 человека. В Тотьме, которая выписывала 64 экземпляра печатных изданий, один экземпляр приходился на 49,2 человека, но Кадникову, с его одной газетой на 34,7 человека, Сольвычегодск уступал. Если же посчитать количество газет и журналов на душу населения во всех городах Вологодской губернии, то получится, что Сольвычегодск находится на четвертом месте в губернии, уступая Вельску, Кадникову и Никольску. Так что не такой уж и медвежий этот медвежий угол на берегу Вычегды. Интересно, что и по степени грамотности Сольвычегодск занимает то же самое четвертое место среди городов губернии, включая Вологду[57].

Через пятнадцать лет Вологодские губернские ведомости снова опубликовали данные о выписываемых печатных изданиях в уездных городах и уездах Вологодской губернии. К сожалению, данные давались по городу и уезду вместе, но общая картина, говорящая не просто о росте, а о бурном росте подписки на газеты и журналы, видна достаточно хорошо. В Сольвычегодск и его уезд в 1874 году высылалось всего периодических изданий 186 экз., в том числе: «Правительственного Вестника» 14, «Вологодских губернских ведомостей» 53, «Епархиальных ведомостей» 60, «Церковно-Общественного Вестника» 7, по 6 экз. «Нивы» и «Современника», 5 экз. «Мирского слова», по 4 экз. «Русских ведомостей», «Сына Отечества», «Гражданина», по 2 экз. «С.-Петербургской газеты», «С.-Петербургских ведомостей», «Новостей», «Иллюстрированной недели», «Недели», «Модного Света», по 1 экз. «Русского мира», «Биржевых ведомостей»,

«Вечерней газеты», «Голоса», «Иллюстрированного вестника», «Медицинского вестника», «Мирского вестника», «Русской старины», «Еженедельника», «Нового времени» и «Дела».

Снова о промышленности и торговле. В 1864 году в Сольвычегодске действовало три завода: салотопенный, принадлежавший купеческим братьям Андрею и Федору Хаминовым, кожевенный купеческого сына Александра Чевыкалова и кирпичный наследников мещанина Андреева Дорофеева. В уезде работало два салотопенных и восемь кожевенных заводов. В заштатном городе Красноборске, входившего в состав Сольвычегодского уезда имелись три красильни. Это, собственно, и все о промышленности города и уезда. В обзоре Вологодской губернии, напечатанном в 1872 году в журнале «Мирской вестник», написано, что «Главный промысел обывателей Сольвычегодска состоит в выделке кож; также занимаются они сканною работою. Делаемые жителями Сольвычегодска серебряные коробочки, солонки, вазы и ризы на иконы ценятся очень дорого».

Рассказ о торговле тоже много времени не займет. С торговлей было все по-старому – она продолжала хиреть. Вот что писали Вологодские губернские ведомости о сольвычегодских ярмарках в 1869 году: «В минувшем марте месяце в Сольвычегодском уезде были две ярмарки: Алексеевская в Сольвычегодске с 7 по 14 марта и Алексеевская же в заштатном городе Красноборске, с 15 по 23 марта. Первая из этих ярмарок существует по одному лишь названию. Обыкновенно на нее приезжает не более двух или трех иногородних купцов с красными товарами для сбыта их по преимуществу крестьянам. В нынешнюю ярмарку были только два устюжских купца с этими товарами и продали их на весьма незначительную сумму, не доходящую и до тысячи рублей; для покупок являются лишь подгородные крестьяне. Алексеевская же ярмарка в Красноборске бывает гораздо значительнее. В настоящем году на нее было привезено было: красных, бакалейных, москательных и других товаров на 80660 руб., кушаков местного производства на 2740 руб.; приведено лошадей 230 и рогатого скота 150 голов. <…> Заслуживает внимания то обстоятельство, что пьянства замечалось меньше и виноторговцы жаловались на плохой сбыт вина».

В конце семидесятых годов город занимал девятое место по количеству торговых лавок среди дюжины уездных центров Вологодской губернии. К примеру, в Устюге было 466 лавок, в Грязовце 179, а в Сольвычегодске… три десятка. Даже в заштатном Красноборске, приписанном к Сольвычегодскому уезду, имелась 121 лавка. В скобках заметим, что по количеству церквей и соборов, которых имелось тринадцать, Сольвычегодск занимал в 1873 году третье место в губернии, уступая лишь губернской Вологде и уездному, но очень богатому Устюгу. Что тут скажешь...

Начиная с 1868 года в Вологодских губернских ведомостях начинают появляться заметки, в которых так или иначе упоминаются ссыльнопоселенцы. Сольвычегодск и уезд стали местом ссылки, куда отправляли под надзор полиции. Нужно сказать, что не все ссыльные собирались полностью отбывать срок ссылки в Сольвычегодске, и при первой возможности… В июле 1872 года Сольвычегодское полицейское управление разыскивало «самовольно отлучившегося из г. Сольвычегодска неизвестно куда, состоящего под надзором полиции ссыльнопоселенца отставного поручика Сигизмунда Зайончковского, который приметами: от роду 43 лет, росту среднего, волосы на голове и усах черные, бороду бреет, глаза черные, нос и рот умеренные, лицо круглое чистое; одежда на нем: офицерский мундир с белыми петлицами, картуз военный с белым околышем, рубаха и порты холщовые, сапоги кожаные поношенные».

Заканчивая рассказ о жизни Сольвычегодска и уезда в третьей четверти девятнадцатого века, нельзя не процитировать Вологодские губернские ведомости от 22 июня 1868 года, с сообщением о том, что «Государь Император по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, 31 минувшего Мая, Высочайше соизволил на присвоение, согласно с ходатайством Сольвычегодского городского общества звание

почетного гражданина г. Сольвычегодска, генерал-адъютанту, генералу от кавалерии графу Строганову».

Одна модистка

Последняя четверть позапрошлого века в истории Сольвычегодска, попавшего во временную петлю, мало чем отличалась от предыдущей, но все же, если вглядеться в нее попристальней, некоторые отличия найти можно.

Начнем с сообщения о наступлении весны в Сольвычегодске, опубликованном в Вологодских губернских ведомостях 5 мая 1876 года. «Весна в текущем году наступает у нас весьма медленно. Погода часто и резко переменяется. Колебание воды в реке Вычегде удивительное. В начале апреля погода была очень переменная: то холодная, то теплая, то снежная и дождливая. Вода в реке Вычегде начала сильно прибывать и к 14 числу поднялась выше обыкновенного уровня аршина на четыре, так что все ожидали немедленного открытия ледохода. На таком уровне она простояла до 18 числа. В этот день выпал снег, лежавший два дня; вода же в Вычегде по случаю прохода льда по реке Северной Двине, протекающей в 20 верстах от города, начала быстро убывать и 19 числа спала аршин до трех, не повредив нисколько льда. С 21 числа началось было, впрочем, самое незначительное движение льда в некоторых местах, но задерживалось наступившей холодной погодой, доходившей до десяти градусов холода. Вследствие этого еще 2 числа мая в некоторых местах переходили реку по льду. Но с 5 мая река вскрылась от льда. Виды на урожай озимых хлебов еще не определились. Полевые работы не начались; трава только что стала показываться и то лишь на гористых местах».

Правду говоря, и в другие года весна в Сольвычегодске и уезде не была особенно легка на подъем. Для иллюстрации приведем выдержку из метеорологических наблюдений с 1-го октября 1883 г. по 1-е октября 1884 г. крестьянина Сольвычегодского уезда Черевковской волости Федора Мокиева, подавшего в Сольвычегодское Земское Собрание записку со своими заметками. С начала весны погода была холодная с северными ветрами без дождей – неблагоприятная для раннего посева яровых хлебов; в мае месяце было тепло лишь с 8 по 16 число – погода была удобная для посева, но в это время земледельцы успели засеять лишь землю, вспаханную осенью, а потом погода опять переменилась и дожди, перемежающиеся со снегом, задержали посевы. В июне месяце было всего три дождя небольших и холодные ветры, вместе с бездождием препятствовали росту хлеба, так что яровые начали зеленеть лишь к 24 июня к вечеру. В июле месяце начали перепадать дожди, 26 был сильный дождь, а 28 выпал первый иней, который препятствовал спелости кукурузы, гречихи, огурцов, гороху, табаку и медоносным растениям; с 29 по 31-е перепадали дожди каждодневно. С 1-го августа до 10-го стояла погода переменная, 10-го утром был в 2 градуса мороз, которым окончательно повредило все произрастения, с 21 до конца месяца погода была благоприятная, ясная. В сентябре с 3-го по 11-е погода стояла холодная, утрами было от 2 до 5-ти градусов, а 12-го было 10 градусов морозу, с 13-го числа до конца месяца была благоприятная погода и в полдень доходило до 12 градусов».

Нечего и говорить, что при таком климате с земледелием здесь всегда были трудности. Описывая экономический быт сельского населения Сольвычегодского уезда в 1879 году, губернские ведомости пишут: «Местные климатические условия, песчаная или болотная почва и отсутствие промыслов поставили Сольвычегодский уезд в самое неблагоприятное положение. Даже нередко были публицистические заявления о существовании голода в среде крестьянского населения в 1857, 1862, 1865 и 1867 годах; это грустное явление подтверждается и официальными фактами, а из сельскохозяйственного отчета местного земства видно, что с самого открытия его, то есть с 1871 года ни разу не было такого урожая, который бы вполне обеспечивал продовольствие крестьян. Крестьянские общества не могут пополнять числящейся на них недоимки по продовольственным ссудам, несмотря на всевозможные меры земства. <…> Из этих

данных можно видеть, во-первых, что в земельном отношении крестьяне Сольвычегодского уезда поставлены далеко в худшее положение в сравнении с крестьянами прочих уездов. Наделы их весьма ограничены, несмотря на обширность занимаемой территории. <…> Посевы крестьян малые. <…> Крайняя незначительность посевов объясняется отсутствием удобных для обработки земель. Кроме того, отведенные крестьянам земли состоят из бесплодных пространств, которые настолько недоброкачественны, что крестьяне не имеют возможности и средств обрабатывать их. <…> Не мудрено поэтому, если в хлебе нуждается все население уезда. Покупают хлеб, привозимый из Вятской губернии и из Вологды на рынках ближайших городов и на барках при сплаве к Архангельскому порту в зачет платы при найме в рабочие».

Для того чтобы этот хлеб покупать, и крестьянам Сольвычегодского уезда и гражданам города Сольвычегодска нужны были деньги. Тут мы переходим к вопросу о способах, которыми сольвычегодцы добывали себе пропитание. Попутно заметим, что почти шестьдесят процентов жителей Сольвычегодска принадлежало крестьянскому сословию, и такая ситуация была обычной для уездных городов Севера России того времени. Это были города со всеми атрибутами городов – городскими думами, уездными судами, казначействами, торговыми рядами и тюремными замками, но из-за их городских фасадов то тут, то там выглядывали деревни.

Большим подспорьем крестьянскому хозяйству служило скотоводство. Крестьяне придвинских волостей, а они составляли половину населения уезда, благодаря прекрасным пойменным лугам занимались откармливанием быков на убой. Мясо превращали в солонину и сбывали через Архангельский порт как внутри страны, так и на экспорт, а кожу, рога и копыта шли в переработку на заводы Вологодской губернии. Вырученными деньгами за продажу мяса крестьяне оплачивали лежащие на них подати и повинности. Скотоводство считалось настолько важным, что оценку состоятельности того или иного крестьянского дома определяли количеством выкормленных для продажи быков.

Еще одним доходным промыслом было льноводство, которым занимались крестьяне волостей, расположенных по течению реки Виледи – левого притока Вычегды. Вилегодский лен славился своим высоким качеством. Впрочем, дальше льна, как сырья для последующей переработки, дело не шло – в уезде не было ни одной ткацкой фабрики. Лен шел на фабрики Костромской, Ярославской и Московской губерний, а самый лучший его сорт поступал на фабрику архангельского купца Грибанова. Льняные ткани, произведенные на грибановской фабрике, продавались не только внутри империи, но и за границей – в начале прошлого века на всемирной выставке в Париже они были удостоены Гран-при, правда, упоминания о том, что они произведены из льна, выращенного в Сольвычегодском уезде…

На этом разговор о сельском хозяйстве уезда можно закончить и перейти к собственно промыслам. Сразу скажем, что промыслы эти, как писалось в статье об экономическом быте сельского населения Сольвычегодского уезда конца семидесятых годов позапрошлого века, «малодоходны и ничтожны». Тем не менее они были, и с их помощью крестьяне уезда добывали себе средства к существованию и оплачивали налоги. Основной промысел тех, кто не занимался день и ночь сельским хозяйством, заключался в отходничестве. Часть крестьян по весне отправлялись наниматься работниками при сплаве леса и барок к Архангельскому порту, часть уходила в другие деревни заниматься распилкой леса, часть устраивалась работать каменотесами и прислугой в Петербурге. Эти, как сказали бы сейчас, вахтовики посылали домой деньги из своих заработков семьям. Те, кто никуда не уходил, занимались охотой, рыболовством, смолокурением и плетением на продажу сетей. Сети, сплетенные из хорошо прочесанного льняного и конопляного волокна, сбывались в большом количестве в Архангельск, поморье Белого моря и Ледовитого океана, очень ценились за их отменное качество.

Жители северных волостей уезда занимались лесоповалом и сплавом леса для отпуска заграницу. Крестьяне, жившие вдоль трактов, промышляли ямщичеством и

извозом, а в заштатном городе Красноборске и расположенной неподалеку от него деревне Белая Слуда женская часть населения делала кушаки – в Красноборске, как правило, хлопчатобумажные, а в Белой Слуде – шерстяные. Белослудские кушаки славились своей прочностью, носились впятеро дольше фабричных и при ширине до полуметра были такими тонкими, что их легко протягивали через обручальное кольцо. Скупали кушаки Великоустюжские и Вятские купцы, чтобы сбывать на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, в Архангельске, Вологде, в Олонецкой и Вятской губерниях. Неподалеку от Сольвычегодска плели из сосновых корней корзинки разных форм, которые на Всероссийской Промышленно-художественной выставке 1881 года были даже награждены денежной премией, но экономическое значение этого промысла так невелико, что невооруженным глазом его и не разглядеть.

В самом же Сольвычегодске в начале девяностых годов девятнадцатого века никаких промыслов не имелось. Конечно, жили в нем ремесленники – два мясника, один булочник, три портных, пять сапожников, один башмачник, один печник, два столяра, два кузнеца, один слесарь, один цирюльник, один серебряных и золотых дел мастер и даже одна модистка. По количеству ремесленников Сольвычегодск занимал десятое место среди дюжины городов Вологодской губернии, опережая только крошечный заштатный Лальск и уездный Яренск. И это при том, что еще тридцать лет назад в Сольвычегодске проживало и работало в два раза больше ремесленников, а кроме мастеров были еще и ученики, которых к концу века не осталось вовсе. Изменилась не только численность, но и состав – не стало резчика, трубочиста, переплетчиков, часовщика и позолотчиков. Ни тебе кондитеров, как в Устюге, ни колбасников, как в Тотьме, ни пряничников, как в заштатном Лальске. И это при том, что четыре пятых населения города составляли не старики, а люди в возрасте до тридцати лет. Казалось бы, им и ~~колбасу с пряниками~~ карты в руки… но нет. Добывать пушнину на Алеутские острова никто не собирался, основывать новые торговые компании и строить новые заводы с фабриками тоже. Какие торговые компании, если к началу двадцатого века из трех ярмарок, каждый год проходивших в Сольвычегодске, умерло две, а обороты оставшейся Введенской не превышали десяти тысяч рублей, что и по тем временам было не бог весть какой суммой. Экономическое значение Сольвычегодска окончательно сошло на нет еще и потому, что начатые строительством в последнее пятилетие позапрошлого века железные дороги из Вологды в Архангельск, из Санкт-Петербурга в Архангельск и в Вятку прошли через Котлас. Какая уж тут торговля…

О промышленности долго рассказывать нечего. В Памятной книжке по Вологодской губернии за 1895 год промышленность города и уезда описана один предложением: «В г. Сольвычегодске нет ни фабрик, ни заводов, а в уезде всего одна спичечная фабрика близ деревни Наумцево Черевковской волости, принадлежащая крестьянину Спиридонову, с 15 рабочими, и производством в 3611 руб.». В год эта фабрика производила немногим более двух с половиной тысяч ящиков фосфорных спичек.

Любопытное свидетельство о жизни Сольвычегодска в самом конце прошлого века оставил художник Верещагин, затеявший в 1896 году с семьей путешествие на парусной яхте по Вычегде и Северной Двине. Началось это путешествие в Сольвычегодске, который, по словам художника, «<…> такой маленький город, что в нем почти ничего нельзя достать: якорь и паруса заказали в Устюге, печку купили на барке, развозящей произведения какого-то чугунного завода. <…> И в голову не могло, конечно, прийти, что в самую последнюю минуту нельзя будет достать картофеля, муки и тому подобных необходимейших вещей – их нет в городе в продаже иначе как в базарные дни. <…> Теперь в Сольвычегодске около тысячи человек жителей. На высоком месте, когда-то обнесенным высоким тыном, против собора, против строгановского дворца и служб – теперь маленькие домишки, в одном из которых мы жили. <…> Теперь даже теса нельзя достать в Сольвычегодске, и я <…> принужден был выпрашивать несколько досок у разных лиц. А ведь есть в Сольвычегодске и богатые люди, например наследники сибирского богача-филантропа Х-ва, но они держат свои процентные бумаги в сундуках, исправно отрезая купоны и издерживая из них малую

часть на проживание, остальное приобщают к капиталу. Один из этих Х. торгует вином, другой мелочью: леденцами, чаем, тарелками, горчицей, да и то спустя рукава, так что сплошь и рядом перловая крупа есть, а рисовой нет, стаканы есть, но блюдечек нет – «скоро будут» и т.п. Третий Х. только молится Богу – и то хорошо».

Благотворители

Сибирским богачом-филантропом был не кто иной, как уже знакомый нам уроженец Сольвычегодска иркутский городской голова, купец первой гильдии статский советник Иван Степанович Хаминов, не устававший помогать родному городу. В 1876 году Иван Степанович пожертвовал Министерству народного просвещения выстроенный им в Сольвычегодске каменный двухэтажный дом с необходимыми к нему деревянными постройками. Хаминов предполагал на втором этаже разместить сольвычегодское уездное училище, а на первом двухклассное женское училище с приготовительным классом и двухгодичным курсом во втором классе. На заведение училища для девочек иркутский городской голова пожертвовал восемнадцать тысяч рублей с тем, чтобы на проценты с этого капитала оно могло существовать. Условие у Ивана Степановича было одно – присвоить женскому училищу имя «статского советника Хаминова». Такие предложения министерству народного образования должен был одобрить император, что он и сделал, «изъявив Хаминову высочайшую благодарность за его пожертвование».

Училище открылось 8 ноября 1876 года. Сам Иван Степанович на открытии не присутствовал, но в Иркутск ему отправили поздравительную телеграмму в шестьдесят шесть слов от благодарных граждан Сольвычегодска. Вот что писал в губернских ведомостях о церемонии открытия училища имени Хаминова инспектор народных училищ Эраст Тимофеев: «8 ноября останется навсегда памятным для жителей города Сольвычегодска по случаю открытия в нем женского двухклассного училища имени статского советника Хаминова. Да, не явись столь истинный ревнитель народного образования, как Иван Степанович, долго, очень долго, а может быть и совсем бы не дождаться небогатым жителям города, лишенного промышленности и торговли, такого учебного заведения. Не мы только и наши дети, современные свидетели великого благодеяния Ивана Степановича, но и дети наших детей на многие поколения будут с благословением хранить в своих сердцах память о щедром благодетеле, виновнике их развития, образования, а вместе с тем и благосостояния. <…>». Мы не будем утомлять читателя подробным описанием церемонии открытия, включавшим литургию в Богородице-Рождественской церкви, крестный ход в здание училища, окропление его святой водой, пение гимна «Боже царя храни» и торжественной песни «Тебе, Бога хвалим», тосты за здоровье государя императора, министра народного просвещения и виновника торжества Ивана Степановича Хаминова, а только скажем, что уже через два дня после открытия училища в него записалось 43 девочки[58].

Через два года после открытия женского училища, в декабре 1878 года, Иван Степанович сделал городу еще один огромный в масштабе Сольвычегодска подарок – подарил двухэтажный каменный дом со службами под богадельню, а в придачу к дому капитал в размере пятнадцати тысяч рублей. Богадельне, конечно же с разрешения императора, присвоили имя Хаминова. Городская дума в июне 1879 года возбудила ходатайство «касательно испрошения г. Хаминову Высочайшей награды за пожертвование им дома для означенной богадельни и капитала на ее содержание» и разрешила городской управе потратить полсотни рублей из городских сумм на отопление здания богадельни, ее освещение и на выдачу жалованья сторожу. Хаминову пришлось еще не раз помогать подаренной городу богадельне – на его счет при богаделенном доме построили флигель для помещения болеющих призреваемых, которых с самого начала было одиннадцать, и даже была куплена посуда, поскольку у города со свободными деньгами... Городская дума нет-нет, да и залезала в капиталы, пожертвованные иркутскими купцами Чирковым и

Хаминовым на выдачу пособий бедным жителям Сольвычегодска[59], для покрытия неотложных расходов по городскому хозяйству – исправлению поврежденных береговых укреплений, которые постоянно подмывала неугомонная Вычегда, постройку мастерских, ремонту городских казарм, уплату городских долгов в казну или для выдачи отдельным гражданам под вексель небольших сумм. Городская дума строго следила, чтобы все деньги, взятые взаймы из пожертвованных городу капиталов, находившихся в ведении городского общественного управления, были возвращены. В губернских ведомостях за 1880 год можно прочесть объявление Сольвычегодского уездного полицейского управления о том, «что Присутствии оного 8 числа августа сего года назначен торг на продажу деревянного одноэтажного дома с пристройками и землею, оцененного в 90 руб. и принадлежащего Степану Иванову Дуракову, за неплатеж им денег по векселю 85 руб. Сольвычегодской Городской Управе в капитал Иркутского купца Хаминова».

Попасть в число тех, кому из богаделенных капиталов[60] выдавали пособия, или тех, кого принимали в число призреваемых в одну из двух городских богаделен, было непросто. Зачислить или не зачислить того или иного сольвычегодца лишь кандидатом на получение пособия или кандидатом на поступление в городскую богадельню, каждый раз решала городская дума, и отказы были нередки. Все это делалось публично, и о каждом вынесенном решении регулярно печатались сообщения в губернских ведомостях. Приведем лишь некоторые из таких сообщений периода с конца семидесятых и до начала девяностых годов девятнадцатого века, которые конечно же не дают нам общей картины повседневной жизни различных слоев населения города Сольвычегодска, но добавляют к ней несколько красноречивых штрихов.

«О помещении в Ждановскую богадельню мещанина Петра Милохина с женою и об отказе в просьбе о том же мещанину Жданову и солдатке Корзуновой. Об оставлении без уважения ходатайства вдовы коллежского регистратора Назариной относительно принятия ее в городскую богадельню. О помещении солдатки Ереминой в городскую богадельню. Об оставлении без уважения ходатайства вдовы коллежского регистратора Назариной относительно принятия ее в городскую богадельню. О прекращении выдачи мещанкам Ждановой и Верещагиной пособия из богадельного капитала и о помещении Верещагиной в городскую богадельню. О принятии мещанки Сташевской в городскую богадельню. О помещении крестьянки Паламодовой в городскую богадельню. Об оставлении без уважения просьбы вдовы коллежского секретаря Чуркиной относительно принятия ее в городскую богадельню. О продолжении выдачи мещанке Верещагиной пособия из капитала, принадлежащего богадельне купца Жданова в г. Сольвычегодске. Об отклонении ходатайства мещанки Левзиновой[61] относительно выдачи ей пособия из богаделенного капитала. О помещении мещанина Шабалина, чиновника Ильинского и солдатки Егоровой в городскую богадельню и о заведении новых одеял для призреваемых в этом заведении. Об отклонении ходатайства мещанки Михайловой относительно помещения ее увечной дочери в городскую богадельню. Об отклонении ходатайств вдовы почетного гражданина Лагуновой и солдатки Елфимовой о помещении их в городскую богадельню».

О том, как тратились деньги, пожертвованные благотворителями городу, сольвычегодские власти каждый год публично отчитывались буквально по каждому рублю и по каждой копейке. В качестве иллюстрации приведем две части из отчета о деятельности Сольвычегодской Городской Управы и подведомственных ей частей за 1891 год.

«О долгах на городе. 1891 году оставалось долгов на городе по векселю в капитал городской богадельни имени тайного советника Ивана Степановича Хаминова 225 руб., занятых в 1885 году на исправление казарменного здания, постройку мастерских и другие расходы по городскому хозяйству, которые и были уплачены в 1891 году, следовательно, к 1892 году долгов на городе нет.

По благотворительной и учебной части. Благотворительных и учебных заведений, содержимых, собственно, на средства города нет, а имеются состоящие в распоряжении города две каменные богадельни Жданова и Хаминова. На средства первой до 11 апреля

1891 года содержалось четыре, а в остальное время года три призреваемых, с получением по 1 руб. 50 коп. в месяц. По ветхости здания богадельни, призреваемые проживают на квартирах, в богадельне же Хаминова содержалось 10-12 человек призреваемых обоего пола. На содержание богаделен в 1891 году израсходовано: по первой – выдано призреваемым 59 руб., последней Хаминова – содержание призреваемых с отоплением и освещением 415 руб., жалованья эконому 120 руб., прислуге 93 руб. и другие расходы 18 руб. 85 коп. Сверх означенных капиталов находятся в распоряжении городского общества капиталы, пожертвованные: Чирковым 1000 руб., Хаминовым 3000 руб. и Михайловой 1000 руб. Проценты с этих капиталов, согласно воли жертвователей, раздаются в пособие бедным гражданам города на праздники Св. Пасхи, 24 июня, Рождества Пресвятой Богородицы и Рождества Христова. Из капитала Хаминова кроме того уплачиваются повинности за бедных мещан. В отчетном году выдано пособия бедным: по первому 33 руб. 20 коп., по второму 79 руб. 75 коп., уплачено повинностей и выдано на содержание и другие расходы 60 руб. 62 коп. и последнему 36 руб. 60 коп.».

Судьба богадельни, подаренной городу купцом Алексеем Косьмичом Ждановым, еще в восьмидесятых годах восемнадцатого века была непростой. К концу девятнадцатого века ее двухэтажное каменное строение обветшало настолько, что трое находившихся в ней призреваемых были оттуда в 1877 году выселены. Назначили им содержания по три рубля с полтиной в месяц из процентов с капитала, оставленного Ждановым, и приказали ни в чем себе не отказывать, а через два года сократили и это пособие до полутора рублей в месяц, «в видах увеличения капитала богадельни, дабы на проценты с оного возможно было ремонтировать означенный дом и содержать в нем четырех призреваемых, согласно Высочайше утвержденному 1 января 1854 г. положению о сей богадельне». Оставляя без комментариев это решение Вологодского губернского правления, скажем, что экономия шести рублей в месяц, отнятых у стариков и старух, и без того перебивавшихся с хлеба на квас, результата не дала, да и не могла дать, никакого. Полторы тысячи рублей, необходимых для ремонта здания, собрать не удалось. Расходовать на эту цель неприкосновенный капитал было нельзя, так как это нарушило бы волю умершего жертвователя, а средств на поддержание здания Жданов не оставил. Родственников его, кроме однофамильцев, найти не могли. Город средств на этот предмет, как и на многие другие предметы, не имел, и потому собрание уполномоченных Сольвычегодска, как сообщалось в губернских ведомостях, «не находя возможным ремонтировать здание богадельни Жданова, постановило: продать его с тем, чтобы торги были открыты с пяти тысяч рублей и вырученные от продажи деньги присоединены к остальной сумме, часть которой употребить на постройку деревянного дома на каменном фундаменте на месте, отведенном городом; дом этот именовать богадельней Алексея Косьмича Жданова, на проценты с остальной суммы содержать в ней четырех призреваемых и ремонтировать дом».

И последнее о сольвычегодских богадельнях и благотворителях последней четверти века. В октябре 1891 года Сольвычегодская Городская Дума приняла решение «Об отправлении ежегодно в определенные дни панихид по умершим купцам Чиркове и Жданове, пожертвовавших в ведение города капиталы на благотворительные цели»… Нет, не последнее. Все же нужно сказать о различных сборах денег сольвычегодцами по подпискам то в пользу Вологодского женского благотворительного общества, то в пользу общества подаяния помощи при кораблекрушениях, то в пользу славян Балканского полуострова, то на содержание Сольвычегодской кладбищенской церкви[62], то на приобретение морских судов добровольного флота, на сооружение православного храма в Актюбинском укреплении и даже на устройство училища имени писателя Гоголя.

Отдельно скажем о крестьянине Черевковской волости Иване Гусеве, который в 1885 году «проникнутый состраданием к населению Сольвычегодского уезда, пострадавшему от неурожая в минувшем году, пожертвовал в пользу нуждающихся деньгами 200 рублей и 500 пуд. муки; причем отправил в пострадавшие местности еще другие 500 пуд. муки, для продажи по удешевленной цене, каковая помощь своевременно

оказанная Гусевым, дала возможность местному населению, не имевшему хлеба, отправиться на лесные охотничьи промыслы, служащие для него одним из главнейших средств к существованию. Государь Император, по всеподданнейшему докладу г. Управляющего Министерством Внутренних Дел об означенной похвальной деятельности крестьянина Гусева, Всемилостивейше соизволил, в 24 день минувшего марта пожаловать его серебряной медалью с надписью “за усердие” для ношения на груди на Аннинской ленте».

И это не все. В 1887 году потомственный почетный гражданин Прокопий Васильевич Хаминов пожертвовал на Николаевско-Нюбскую церковно-приходскую школу Сольвычегодского уезда восемьсот рублей в неприкосновенный капитал, чтобы на проценты с этого капитала школа содержалась. Хаминовы денег для Сольвычегодска не жалели – в том же году Городская Дума благодарила сольвычегодского купеческого сына Прокопия Васильевича Хаминова, заявившего в собрании Думы о своей готовности пожертвовать городу пятьсот рублей и дать такую же сумму заимообразно без платежа процентов на перестройку городского гостиного двора.

В марте 1889 года, Вологодские губернские ведомости сообщали, что Сольвычегодское Уездное Земское Собрание пожертвовало «одну тысячу рублей для учреждения на проценты с этого капитала в Вологодском Александринском детском приюте стипендии для воспитания девочки семнадцатилетнего возраста, с присвоением капиталу наименования “в память чудесного избавления Императора Александра III и его Августейшей Семьи от угрожавшей опасности 17 октября 1888 г.”, а стипендии – наименования Августейшего Имени Государыни Императрицы Марии Федоровны». Не так-то просто отдать в Вологду из городских денег, которых и без того кот наплакал, тысячу рублей на благотворительность. По этому поводу Сольвычегодское Уездное Земское Собрание попросило вологодского губернатора отбить Александру Третьему телеграмму, в которой «повергало к стопам Его Императорского Величества свои верноподданнические чувства». В ответ на эту просьбу губернатор отвечал: «Душевно радуюсь столь достойному проявлению чувств Земского Собрания по поводу чудесному спасению Царя, Царицы и Августейшей семьи».

Отсутствие понятия о законности

От благотворительности перейдем к здравоохранению. Сольвычегодское уездное земство к началу последней четверти девятнадцатого века на весь уезд содержало одного уездного врача, одного особого больничного врача, от семи до девяти фельдшеров, одну акушерку, одну повивальную бабку и двадцать пять оспопрививателей. Городская земская больница имела два десятка кроватей. О здравоохранении в городе и уезде в обзоре здравоохранения Вологодской губернии за 1876 год сказано, что «В г. Сольвычегодске один врач, отличающийся особенно усердной деятельностью, благодаря которой санитарная часть приходит ныне в хорошее состояние; затем в уезде имеется 9 фельдшеров и 23 оспопрививателя. Городская земская больница находится в порядке, пища хорошего качества, содержание больных вообще удовлетворительно, больничные принадлежности имеются в достаточном количестве на штатное число кроватей. Но за всем тем больница эта не во всех отношениях безупречна, а именно комнаты довольно темны и не совсем удобны, вентиляция не удовлетворительна, в новых инструментах, нужных для диагностики и при врачевании замечается недостаток». К этому описанию прибавим, что единственная городская аптека помещалась в больнице, а других в городе не имелось. Уездное земство в 1877 году оплачивало обучение двух стипендиатов, обучавшихся фельдшерской науке в Вологде и двух стипендиаток, слушательниц акушерского курса.

Нужно сказать, что попасть в число городских стипендиаток, обучавшихся за счет земства повивальному искусству, было непросто по той же самой причине, что и устроиться в богадельни – средств у уездного земства было... Заявлений от сольвычегодских девиц в

уездное земское собрание поступало много. Ниже следуют тексты двух прошений, напечатанных в журнале Сольвычегодского Уездного Собрания за октябрь 1888 года. Первое – от дочери умершего надворного советника Софии Апличевой. «Имею честь покорнейше просить Уездное Земское Собрание, не найдет ли оно возможным отправить меня будущей весной в г. Вологду стипендиаткой земства, для обучения повивальному искусству, за что я обязываюсь по окончании курса прослужить земству в должности повивальной бабки назначенный срок».

Второе – от дочери бывшего сольвычегодского протоиерея Екатерины Кулаковой. «В прошлом 1887 г. я обращалась в Сольвычегодское Уездное Земское Собрание с прошением об отправке меня в г. Вологду для обучения повивальному искусству с обязательством по окончании курса, прослужить земству в должности бабки назначенный срок. На это прошение мое тогда Земское Собрание постановило иметь меня ввиду на будущее время, по случаю неимения в то время надобности в повивальных бабках, оставаясь до сих пор круглой сиротой и без всяких буквально средств к жизни я ныне вновь вынуждена и осмеливаюсь обратиться с той же просьбой в Земское собрание покорнейше прося об отправке меня весной 1889 г. на счет земства в г. Вологду для обучения повивальному искусству, ибо чрез получение должности бабки я была бы обеспечена, исполняя честно и энергично свою обязанность насущным куском хлеба добытым истинным трудом. При этом не лишним считаю заявить Собранию, что свободные вакансии на должности повивальных бабок предстояли и в текущем году, да ведь могут представиться и в будущее время, лишь бы была заместительница, чем искать последних в других уездах и обучение меня стоило бы земству не более 300 р., всего» [63].

Из медицинского отчета по Сольвычегодской Земской больнице с 1 сентября 1887 года по 1 сентября 1888 года ее главного врача можно узнать, чем болели жители города и уезда. Самой распространенной болезнью был сифилис, которым болело около тридцати процентов пациентов больницы. За сифилисом шли так называемые хирургические болезни, за ними болезни дыхательных органов и сердца, за которыми следовали инфекционные болезни, маразм, старческий антонов огонь, болезни брюшных органов и кишечника, ревматизм, болезни глаз и прочие болезни. Не станем перечислять количество операций, выписанных рецептов, амбулаторных больных, отпущенных лекарств и принятых родов, но не преминем заметить, что для пополнения больничной библиотеки выписывались журналы «Практическая медицина», «Новости терапии», «Медицинское обозрение», «Русская медицина» и для чтения больных «Воскресный день».

Из доклада членов Ревизионной комиссии Сольвычегодскому Уездному Собранию 24 октября 1888 года: «По осмотру земской больницы найдено там в исправности и самые больные отзывались, что они довольны пищею и уходом за ними, кроме лишь того, что сало, находящееся при больнице, находится у сторожей, а как нам известно, что его покупается весьма не мало, то по мнению нашему и следовало бы держать его вместе с другими припасами под заведыванием смотрителя больницы».

В уезде преобладали болезни пищеварительных и дыхательных органов, раны, ушибы, переломы, вывихи, воспаления суставов, перемежающаяся или болотная лихорадка, глисты и, конечно, дизентерия. В 1881 году с начала июня и до октября крестьян четырехсот селений разных волостей Сольвычегодского уезда изводил кровавый понос – как раз в то самое время, когда взрослые отправлялись на сенокосы, оставляя детей на руках дедушек и бабушек.

Антисанитария была везде – и среди не моющих руки крестьян, и, что самое печальное, среди фельдшеров. В годовом медицинском отчете с 1 сентября 1887 года по 1 сентября 1888 по Первому участку Сольвычегодского уезда исполняющий обязанности уездного земского врача Смирнов пишет, что «До настоящего времени фельдшера вытирали аптечную посуду чем попало под руку[64], или просили полотна у своих квартирных хозяек, если же ничего не находили, то вытирали посуду полою своего сюртука, что случилось раз при мне, но такой примитивный способ очистки аптечной

посуды немыслим, поэтому я осмеливаюсь просить Земское Собрание разрешить кредит в количестве четырех рублей на покупку полотенец для пяти аптечек, в каждую по четыре полотенца». Служба Смирнова легкой не была – больных он осматривал и в городской больнице, и в своей квартире, и, по приглашению, в квартирах больных. Отправляясь в уезд, он за три или четыре дня перед поездкой уведомлял об этом волостные правления, и в те места, где врач останавливался, заранее приходили больные, которых он осматривал, давал им врачебные советы и лекарства. Отдельно уездный врач ездил в уезд по приглашению к трудным больным. Только таких поездок в год он сделал три десятка.

Были в практике Смирнова и курьезные случаи, о которых он пишет в своем отчете. «В начале июня крестьяне Митинского общества деревни Большой Слуды заявили мне, что женщины их общества страдают болезнью порчи и, что вследствие этой болезни, они брешут как собаки. 10 июня я отправился в эту деревню, ко мне явилось около сорока женщин, которые повторили вышесказанное заявление крестьян. При медицинском исследовании оказалось, что каждая из женщин больна своей болезнью, например, одна пороком сердца, другая воспалением плевры, легких, катаром желудка и т.д. Мною всем выдано было лекарство по роду их болезней. Затем мною высказано было женщинам, что болезни порчи нет, что они кричат как собаки вследствие подражания одна другой под влиянием ложного страха. По прошествии двух недель, я снова был в Митинском обществе, но кликуш уже не было, и больные женщины просили меня лечить их от обыкновенных болезней».

Не будем удивляться дикости нравов и суевериям крестьянок деревни Белая Слуда. Крестьянки соседних уездов, в соседних и не в очень соседних губерниях империи в этом отношении мало чем отличались от сольвычегодских. Крестьяне, кстати, тоже. В те времена в уезде, как писал тогда же этнограф и краевед Николай Александрович Иваницкий в работе «Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность», крестьяне мужского пола носили на шее зашитый в мешочек порох, который по их представлениям предохранял от болезней. Там же написано, что в те времена крестьяне Сольвычегодского уезда подкладывали куриные яйца в вороньи гнезда с тем, чтобы ворона их высидела. Поскольку курица, выросшая из яйца, высиженного вороной, будет нестись чаще. Одно воронье яйцо из гнезда выбрасывается, а куриное, намазанное сажей, чтобы быть похожим на воронье, подкладывается. Больше одного яйца подменять нельзя, иначе ворона обман заметит. Время от времени в воронье гнездо лезут смотреть, не вылупился ли птенец, чтобы тотчас его забрать. В противном случае ворона птенца убьет.

Раз уж зашла речь о крестьянских нравах, то уместным будет привести напечатанное в 1882 году в губернских ведомостях извлечение доклада чиновника по крестьянским делам Сольвычегодского уезда.

«Все население уезда без исключений не только знакомо, но даже хорошо говорит по-русски и без труда понимает простую разговорную форму речи. Что касается понимания речи литературной, в особенности ораторской, преобладающей на судоговорении, то из личного моего знакомства с должностными лицами волостного и сельского управлений, а также из разговоров с многочисленными просителями, я совершенно убедился, что огромная масса, за самыми редкими исключениями, совершенно не понимает такой формы изложения ни словесной, ни письменной. <...> Форма короткого пунктуального предписания до сих пор остается единственно понятной для крестьян. Это относится одинаково как к большинству грамотных (которых, надо заметить, по уезду очень мало). Так и к неграмотным. Исключением является некоторое количество молодежи, окончившей курс в земских народных училищах, да и то только спустя недолгое время по окончании курса.

В связи с малым умственным развитием массы и нравственности народа не отличается достаточной чистотой. По всему уезду замечается отсутствие понятия о законности, о праве вообще. <...> Также малая степень развития нравственности проявляется и в общественном самоуправлении крестьян. Растраты общественных сумм

должностными лицами – явления нередкие по нашему уезду. Но, главное, интересно отношение выборщиков к выбираемому. Случалось, нередко, что должностное лицо, уличенное при учете в растрате, снова избиралось на ту же должность на следующий срок. Случаи выбора в должности и звания лиц заведомо порочных и даже судимых за разного рода преступления точно так же не исключительные. Продажа общественных должностей, земель и т.д. случается на каждом шагу. Все правосудие в волостных судах основано на взятке деньгами, водкой, услугами и т.п. Семейные раздоры на экономической почве, ведущие к многочисленным разделам, тоже не доказывают достаточной степени развития нравственности. Пьянство по уезду развито не менее, чем где-либо. Наконец, есть обычаи уже совсем не нравственные. Из рассказов крестьян я убедился, что к таким обычаям, не говоря о молодежи, даже отцы и матери относятся совершенно равнодушно.

Количество незаконнорожденных по уезду очень значительно[65]. Вообще можно сказать, что умственный и нравственный уровень народа настолько низок, что привлечение массы к исполнению обязанностей присяжных заседателей было бы положительно мерой преждевременной и вредно влияющей на интересы правосудия.

Население уезда преимущественно расположено по рекам: С. Двине, Вычегде, Виледи и другим их притокам, или в очень недальнем от них расстоянии, за исключением двух волостей Горковской и Гавриловской, которые от реки Двины находятся на расстоянии более двухсот верст. Но, несмотря на положение селений по берегам больших рек, жители поставлены в необходимость ездить в уездный город сухим путем. Причиною тому служит то обстоятельство, что по реке Двине нет не только срочного пароходства, но за мелководьем иногда оно вовсе прекращается на неопределенное время, по Вычегде же пароходы ходят не более двух-трех раз в год по весне, а в остальное время проезд не только пароходов, но даже больших лодок невозможен. Хотя по Двине и можно было бы ездить в город в лодках, но плавание против течения требовало бы более времени, чем по сухому пути. Сухопутные же сообщения требуют значительного времени. От ближайших к Сольвычегодску волостей <…> приходится употребить на проезд в хорошую погоду на двух лошадях от четверти часа до суток. Что касается более отдаленных волостей, то от них надо для проезда употребить от трех до пяти суток в один конец по хорошей дороге. Дороги, содержимые земством, хороши и почти во всякое время года, а обывательские только летом и зимой, весной же и осенью езда по ним довольно затруднительна. При этом следует заметить, что самое дурное сообщение существует для Гавриловской и Горковской волостей с рекой Двиной и торговым трактом к Сольвычегодску; некоторая часть пути (верст в двадцать пять) до того плоха, что проезд в весеннее, осеннее и даже летнее (если взять довольно сырое) время не только неудобен, но даже и не совсем безопасен, так как мостовая, расположенная на болоте, почти совершенно сгнила и, кроме того, по ней образовались ямы глубиной более аршина. Эта часть дороги во время таяния снегов и осенью во время дождей почти совершенно непроходима. Затем общее неудобство путей сообщения – весенние разливы рек на громадное расстояние (до пятнадцати и более верст). Из этого краткого очерка группировки населения и путей сообщения видно, что призыв крестьян к участию в Окружном Суде будет довольно обременителен для них, так как потребует отлучек от домашнего хозяйства на довольно продолжительное время, один путь в оба конца займет от двух дней до двух недель. Обременительность эта сделается еще яснее, если мы обратим внимание на распределение работ у крестьян. <…> Таким образом, если в связи с только что изложенным принять во внимание незначительность крестьянских семей, в которых большей частью по одному работнику – мужчине, то получится вывод, что большая часть мужского населения свободна от работ только с декабря по март – то есть всего три месяца.

Все вышесказанное приводит к следующему: народ мало развит умственно и нравственно; немногочисленное население разбросано на весьма значительной территории; разлитие весною рек и их замерзание затрудняют сообщения с городом почти на полтора

месяца; время, в которое крестьяне могли бы без особенного обременения отвлекаться от своих работ, не более трех – четырех зимних месяцев.

Если к полученным выводам прибавим, что население уезда довольно бедно вообще и что волостные судьи и бывшие старшины, которые по закону должны нести обязанности присяжных заседателей, за редкими исключениями составляют беднейшую часть крестьянства, а также то обстоятельство, что города Сольвычегодск и Красноборск не обладают значительным количеством лиц, имеющих право быть присяжными заседателями и могущих без ущерба для службы нести эту обязанность, то окажется, что введение Окружного Суда обременит самую бедную часть крестьянского населения и едва ли благодетельно отзовется на интересах правосудия».

Комментировать это извлечение из доклада, особенно в той его части, где говорится о том, что растраты общественных сумм явления нередки, а случаи выбора в должности и звания лиц заведомо порочных и даже судимых за разного рода преступления не исключение из правил, и все правосудие в судах основано на взятке – только портить, а потому мы этого делать не станем, а перейдем от греха подальше к образованию.

Значительная потребность в чтении

Образование города и уезда в последней четверти девятнадцатого века существенных изменений не претерпело. Собственно, и рассказывать особенно не о чем, кроме того, что в самом конце века, в городском женском двухклассном приходском училище, кроме обучения девочек различным женским рукоделиям, по инициативе заведующей училищем Неклюдовой с 1 октября 1896 года ввели обучение девочек башмачному ремеслу, под руководством и на ее же, Неклюдовой, средства. Самое удивительное, что первые ученические работы башмачниц оказались настолько неплохи, что в училище пришло довольно много заказов со стороны горожан. Большому количеству заказов способствовало и то, что в городе из обуви можно было купить в основном сапоги да валенки, а не башмаки. Как только заказы поступили, сразу же и выяснилось, что для их выполнения нужно закупать в больших количествах все то, из чего делают башмаки, и нанять специального педагога, то есть нужны деньги, которых, как всегда, не хватало. Директор народных училищ Вологодской губернии обратился в Сольвычегодскую Земскую Управу с просьбой возбудить перед уездным земским собранием ходатайство о ежегодном ассигновании, на содержание ремесленного класса при училище. Управа против не была, но докладывая об этой просьбе уездному земскому собранию прибавила от себя, что в начальных классах девочкам лучше учиться читать и писать, а не тачать башмаки. Управа и вообще полагала, что с просьбой о деньгах лучше обращаться не к земству, а к наследникам к тому времени уже покойного Ивана Степановича Хаминова, поскольку Сольвычегодское женское училище содержится на его средства, или же к городским властям, потребностям которого оно, главным образом, служит. Короче говоря, Земская Управа не горела желанием нужные средства доставать из кармана земства. Эта не очень красивая история тянулась около двух лет, пока Уездное Земское Собрание не постановило назначить на содержание рукодельного и ремесленного классов при Сольвычегодском женском двухклассном училище ежегодное пособие от земства.

К рассказу о девочках-башмачницах прибавим две цитаты: рапорт учителя Верхолальского начального училища Павла Потапова от 18 июня 1888 года в Сольвычегодский училищный совет и выдержку из протокола Губернского Земского Собрания от 22 января 1900 года, а потом перейдем от образования к событиям культурной жизни.

«Имею честь доложить уездному училищному совету, что находящийся при училище лес, в количестве 386 бревен гниет, трескается (колется) и вообще, неупотребляемый еще в дело, приходит в ветхость. Тогда как училище вследствие тесного своего помещения, мне кажется, необходимо нуждается в пристройке комнаты или флигеля

в настоящее время для ночлега учащихся, а в последствии для 2-й классной комнаты. Затем в надворной постройке, как-то: амбаре, дровеннике и бане. Последняя, может быть, покажется училищному совету прихотью учителя, но она необходима, вследствие малонаселенности села и отсутствия в нем такого рода построек. Так для восьми семейств, живущих в селе Верхолалье, существует только две бани. Приобретать же означенные надворные постройки самому учителю нет никакой возможности, так как училище находится на церковной земле».

«По ходатайству Сольвычегодского земского собрания о пособиях на общежития при городских училищах. Сольвычегодская Уездная Земская Управа в 1899 году представила два ходатайства Уездного Земского Собрания о пособиях из средств Губернского земства на содержание общежитий при Сольвычегодском и Красноборском городских училищах по триста рублей ежегодно на каждое. Гласный Ф. А. Балушкин, поддерживая ходатайство вместе с тем поделился тем впечатлением, какое он вынес, когда увидел в первый раз школьников в Сольвычегодске: полуголодные, полуодетые должны теперь идти в деревню, находящуюся от школы в семи и даже в пятнадцати верстах. Устройство общежитий для таких школьников необходимо».

Если исключить открытие женского училища имени Хаминова, то культурных событий в истории Сольвычегодска за последние двадцать пять лет позапрошлого века было… раз-два и обчелся. Вторым, и не менее важным, чем женское училище, открытием была библиотека. У этого открытия была своя предыстория в виде письма гласного очередного Земского Собрания Феодосия Ивановича Прозоровского в Сольвычегодское Уездное Земское Собрание в конце октября 1888 года под заголовком «Предложение об открытии при Земской Управе библиотеки». Письмо это не только об открытии библиотеки, а еще и о том, что народ, как сказано в докладе чиновника по крестьянским делам Сольвычегодского уезда, «мало развит умственно и нравственно», а потому процитируем его полностью.

«Всем гг. гласным Земского Собрания известно, что в среде населения Сольвычегодского уезда существует значительная потребность в чтении. Известная и немалая часть этого населения охотно прибегает к пользованию общеполезными и распространенными книгами, журналами и газетами, что особенно наглядно выражается в массе таких изданий, проходящих в население через земскую и казенную почты, пользуются чтением в городе и в деревне, светские и духовные лица, образованные люди, средний класс и многие из крестьян, словом потребность в пользовании литературными изданиями, является всеобщею, охватывает все слои населения.

При столь несомненном и широком стремлении к чтению, которое конечно свидетельствует о разнообразных потребностях духовной жизни, потребностях умственного и духовного развития, является вопрос, насколько или в какой мере это вполне естественное и законное стремление удовлетворяется в настоящее время. Не нужно обладать точными сведениями, чтобы ответить, что потребность в чтении, существующая в населении нашего уезда удовлетворяется далеко не в полной мере. Для людей, более обеспеченных материально и то не всегда возможно бывает выписывать[66] все желательные, или даже только необходимые издания, по их дороговизне, люди же среднего состояния и в особенности бедные, каковых конечно большинство, встречают в недостатке средств на выписку книг, журналов и газет непреодолимое препятствие к удовлетворению вполне законной потребности, как в приобретении путем чтения, полезных знаний и сведений, так и в общем развитии своих духовных и нравственных сил. К числу нуждающихся в полезном чтении и затрудняющихся по недостатку средств в приобретении книг и других изданий, принадлежат многие служащие самого нашего земства. Таковы учителя и учительницы наших школ, лица медицинского персонала и служащие в земской Управе. Для громаднейшего большинства из них не по средствам выписывать даже одну дешевую газету, не говоря уже о дорого стоящих книгах и журналах. Кроме земских служащих также не могут пользоваться необходимым чтением и многие служащие в других учреждениях и

состоящие по другим ведомствам, в городе и уезде. К числу их относятся городское и сельское духовенство, волостные и сельские писаря и пр.

Наконец есть еще и класс, и при том едва ли не самый многочисленный, это грамотное крестьянское население, которое почти поголовно лишено возможности читать чтобы то ни было, не имея средств на покупку книг и выписку других печатных изданий. Не следует также забывать, что кроме взрослого населения во всех указанных классах населения есть учащаяся и не учащаяся молодежь, дети обоего пола, которые по выходе из школы и не будучи в ней, также нуждаются в подходящем для них чтении и к крайнему сожалению, не имеют его. В других местах указанной всеобщей потребности населения в чтении удовлетворяют, между прочим, библиотеки особые и строящиеся при городских и сельских училищах. В нашем уезде ничего подобного нет и население поневоле глохнет в темноте и лишается всякой возможности удовлетворять одну из законнейших и важнейших потребностей человека – потребность духовного и умственного развития.

Ввиду всего этого, для нашего уезда, представляется положительно необходимым иметь хотя одну библиотеку, в которой находились бы книги, журналы и газеты для взрослых и детей. Такая библиотека даст возможность малоимущем людям пользоваться из нее печатными изданиями за небольшую необременительную ежемесячную или годовую плату; этим путем население может приобрести много полезных сведений, познакомится с лучшими нашими писателями, составляющими гордость и славу нашей родины, которые, однако, до сих пор остаются неведомыми для большинства сельских и даже городских жителей. Общий уровень образования населения, благодаря этому, несомненно, повысится, а это такой результат, к которому всегда стремилось и стремится и наше Правительство в своем попечении о народном благе и сами земства.

Открытие указанной мной библиотеки легче и скорее может осуществить Земское Собрание. Для этого потребуется ассигновать единовременно не более пятисот рублей в распоряжении Земской управы, которой вместе с тем поручить испросить надлежащим порядком разрешение г. Начальника губернии на открытие при ней земской библиотеки на тех основаниях, на каких подобные учреждения содержатся в других местах земствами и городами. На эти пятьсот рублей можно выписать полные сочинения лучших авторов по общей литературе, лучшие детские книги и журналы и достаточное количество современных изданий общедоступного характера. Заведывание библиотекой, без сомнения, возьмут на себя, без всякой платы постоянные служащие Земской Управы. Книги, журналы и газеты, как я уже сказал, могут выдаваться из библиотеки и высылаться желающим в уезд, за небольшую помесячную или годовую плату, назначенную Управой. В самой библиотеке может быть кабинет для чтения, открытый в известные дни и часы, в котором чтение газет может быть и бесплатно, для подписчиков на книги и журналы.

Из вырученной подписной суммы, за употреблением некоторой части на ежегодное приобретение недостающих и вновь появляющихся изданий, библиотека без сомнения в два-три года возвратит единовременно ассигнованные на нее деньги и потом может образовать особый фонд, который будет находиться в распоряжение Земского Собрания. Представляя обо всем этом на благоусмотрение Земского Собрания, я считаю своим долгом просить его войти в обсуждение моего предположения и принять его в том или другом виде, ассигновав на открытие при Земской Управе земской библиотеки с кабинетом для чтения необходимую сумму, каковым своим постановлением Собрание, затратив ничтожные средства, сделает, по моему мнению, большое и полезное дело, за которое его будут благодарить тысячи людей в настоящем и будущем».

Через полтора года после этого предложения, 7 мая 1890 года, Сольвычегодское Земское Собрание приняло решение об открытии в Сольвычегодске земской публичной библиотеки. Правда, пятьюстами рублей дело не обошлось – только на приобретение книг и журналов понадобилось 420 руб., а к ним еще 240 руб. на содержание библиотекаря и еще пять рублей на приобретение канцелярских принадлежностей. Помещалась библиотека в двух комнатах при здании Земской Управы. Имя первого сольвычегодского библиотекаря

мы не знаем. Нельзя сказать, чтобы в библиотеку, после ее открытия, горожане или жители уезда выстроились в очередь. Через двадцать один год после ее открытия, в 1911 году, в библиотеке было 73 читателя, из которых 37 читателей платных. Интересно отметить, что половина из общего количества читателей – политические ссыльные, в числе которых будущий лучший друг всех библиотекарей Иосиф Джугашвили.

Поскольку этими двумя по-настоящему значимыми для города и уезда событиями культурная жизнь исчерпана, то мы прибавим к ним те события, которые можно, с известными оговорками, отнести к культурным, хотя это, скорее, культмассовые мероприятия – визиты великих князей в Сольвычегодск.

В первый раз это был визит великого князя Владимира Александровича в июне 1885 года. Поскольку это был первый в истории города и уезда визит особы царствующего дома, то город готовился к нему заблаговременно. Еще в апреле городская дума утвердила программу чествования высокого гостя. Само собой, все подробности путешествия великого князя по Вологодской губернии подробно освещались в Вологодских губернских ведомостях. Невозможно пересказать своими словами этот репортаж, строчки которого слипаются от переложенного в них сахару, и потому мы его приводим здесь с очень небольшими сокращениями.

«Так как Сольвычегодск в продолжение своего долгого существования ни разу не был осчастливлен посещением Особы Царствующего Дома, то понятно, что радостная весть о приезде Великого Князя Владимира Александровича вызвала большое оживление среди местного населения; уже с 8 числа народ массами стал прибывать в город, причем некоторые крестьяне приходили почти за триста верст. И вскоре город до того переполнился народом, что не было свободного места даже в холодных постройках, и народ сотнями спал на площадях, бульваре, у пристани и в других местах.

Кровать в память о посещении

Наконец наступил давно ожидаемый день 10-го июня. С раннего утра народ двигался непрерывной цепью из города, разукрашенного флагами, к пристани и обратно, чтобы посмотреть на свободе на убранство пристани и триумфальных ворот. Все было готово к приезду Августейшего посетителя: на величавой Вычегде тихо качалось довольно большое судно, выкрашенное темно-красной краской, на котором и была устроена пристань; на носу и корме судна развевались флаги; легкий белый павильон пристани был украшен резьбой в русском вкусе, государственными гербами и разноцветными флагами; от пристани на пятьдесят шагов расстояния тянулись деревянные вымостки, заканчивающиеся лестницей в семь ступеней, ведущих на площадку триумфальных ворот; ворота эти состояли из двух белых четвероугольных колонн с прямой связью наверху; связь и верхние концы колонн украшены были тоже резьбою в русском вкусе; <…> основание колонн было выкрашено красной краской, имело голубой цоколь и белый низ, над всем же гордо возвышался и веял красный флаг с двусторонней золотой надписью “Боже царя храни”. От триумфальных ворот на протяжении семидесяти шагов, возвышающийся песчаный берег реки Вычегды был устлан дерном; почти по всему пути от пристани до конца дерна было разостлано красное сукно; все это вместе имело вид торжественно-привлекательный.

Так как приезд великого князя предполагался на 10 июня в 8 часов вечера, то в этот день уже с самого утра густые массы народа покрывали берег Вычегды у собора; веселый и живой говор стоял над рекой и разносился всюду; с шести часов стали съезжаться на пристань местные власти; говор народной массы сделался еще оживленнее и на всех лицах заметен был отпечаток неподдельной радости и ожидания. В 8 ¼ часов ударил вестовой колокол соборной колокольни и сердца огромной народной массы дрогнули... Веселый говор смолк и взоры всех обратились на Вычегду.

Едва заметное облачко дыма показалось издали и стало быстро приближаться к городу; вскоре на тихом и светлом зеркале реки обрисовался контур быстро идущего парохода; на соборной колокольне раздался звон, на который отозвались другие одиннадцать церквей города... Минута была в высшей степени торжественная... Народная масса стояла, как очарованная, с устремленными на пароход глазами и едва сдерживала свой восторг.

Между тем пароход убавил ход и ловко причалил к пристани; едва успели бросить трап, как народный восторг вырвался наружу, и задушевное “ура-ра!” разлилось в воздухе и далеко покатилось по синим водам реки. В это время Великий Князь появился на пристани, где Его ожидали с хлебом-солью местные – Городской Голова, Председатель Уездной Земской Управы, Городской Голова заштатного города Красноборска и прочие местные власти.

Городской Голова, Председатель Земской Управы и Голова Красноборска имели счастие поднести Его Высочеству хлеб-соль на серебряных блюдах прекрасной работы московского мастера Немирова-Колодкина; <…> у местного Городского Головы и Председателя Управы солонки были местной сканной работы и, хотя не отличались особым изяществом, но были замечательны как памятник исчезающего местного, древнего, сканного художества; солонка Красноборского Головы была в русском вкусе <…> от старшин уезда, у триумфальных ворот, Его Высочеству была поднесена хлеб-соль на круглом резном, деревянном блюде местной работы; <…> по полям правой стороны блюда вырезаны были употребляющиеся в уезде земледельческие орудия, а по полям левой стороны колосья произрастающих в уезде хлебных злаков; как хлеб-соль от старшин, так и поднесенная крестьянами живая семга, были милостивы приняты Его Высочеством, после чего Он изволил направиться пешком в Благовещенский собор; перед входом в церковь Великий Князь был встречен настоятелем собора и всем местным духовенством; приложившись ко Кресту, Его Высочество, предшествуемый духовенством, поющим тропарь “Днесь спасения нашего главизна”, стал подниматься по лестнице в самую церковь, где был встречен стройным пением “Спаси Господи люди Твоя” учеников и учениц местных училищ; после молебствия и провозглашения многолетия Его Высочество изволил осматривать замечательные древности Собора и церковную утварь, дары именитых людей Строгановых <…> затем, рассмотрев в ограде Собора древние – зимний и летний экипажи баронов Строгановых, Его Высочество изволил отправиться со свитой в 9 ч. 10 м. в дом купца Хаминова к обеденному столу, к которому удостоены были приглашением некоторые должностные лица. Как приближение Его Высочества на пароходе, так и весь путь следования, сопровождались колокольным звоном всех десяти городских церквей, а население, собравшееся приблизительно в количестве не одного десятка тысяч, неумолкаемо с восторгом сопровождало Его Высочество криками “ура”; во время обеда масса народа, разместившись на колокольне Покровской церкви, на крышах, в ограде и стоя стеной во всех направлениях по улицам и переулкам, постоянно заглушала воздух теми же восторженными кликами радостного привета; по окончании обеда, Великий Князь изволил отбыть на пароход для ночлега.

Северная ночь была прекрасна и до того светла, что не могло быть и речи об иллюминации; вскоре вокруг парохода воцарилась глубокая тишина, и только в вышине сияли лунным светом соборные кресты, как бы охраняя своей Божественной силой покой Августейшего Посетителя.

11 числа в 9 ч. 20 м. утра Его Высочество изволил отправиться с парохода на казарменную площадь, где выстроена была команда; произведя ей смотр, Великий князь изволил перейти для осмотра казарм, вновь выстроенных мастерских и кухни; оттуда Его Высочество изволил проследовать пешком в тюремный замок, где первоначально осматривал караульный дом и затем перешел в острог, где арестанты были выстроены в одну линию; Его Высочество, просмотрев у всех их билеты, изволил перейти в следственные одиночные камеры, после того, взойдя в кухню, изволил пробовать

арестантскую пищу и хлеб; затем осмотрев цейхгауз и женскую камеру, Его Высочество изволил посетить тюремную церковь, в которой был встречен священником Дмитриевским; приложившись к Св. Кресту, изволил подойти к представленному Начальником губернии церковному старосте – Директору тюремного отделения г. Смирнову и выразил ему милостивую благодарность за хороший порядок и устройство тюремной церкви; выйдя из тюремной церкви, Его Высочество перешел на выставку местных сельских и кустарных произведений, где был встречен Председателем Земской Управы; здесь, осматривая произведения второго отдела – льноводство и его продукты, Великий Князь изволил обратить особое внимание на крестьянские кушаки и женские костюмы, далее в третьем – на корзинки, выплетенные крестьянскими мальчиками из корней, на бурак из бересты в форме самовара; в первом отделе – на орудия, производимые из местной железной руды, косы, серпы и некоторые вещи из кухонной посуды; в пятом отделе Его Высочество изволил рассматривать древние деревянные вещи, а также серебряные и стальные цепочки к часам из мелких замочков, замки, отпираемые по буквам и другие вещи; в четвертом, лесном отделе, Его Высочество рассматривал выделываемые в уезде фосфорные и кабинетные спички и катальное из шерсти производство. Поблагодарив милостиво учредителей выставки, Его Высочество изволил отбыть в Управление Воинского Начальника, а после этого посетил местное уездное училище, помещающееся в каменном доме, пожертвованном покойным тайным советником Хаминовым; здесь Высокий посетитель был встречен народным гимном, стройно пропетым учениками; прослушав гимн и похвалив пение учеников, Его Императорское Высочество изволил спуститься в нижний этаж дома, где помещается женское училище, учрежденное и содержимое на счет того же Хаминова; встреченный ученицами пением “Спаси Господи люди Твоя”, Его Высочество по выслушании этого тропаря, осчастливив собственноручной выдачей похвальных листов, книг и свидетельств кончивших курс двух учениц, изволил милостиво принять ковер работы учениц и выйти на подъезд; когда Его Императорское Высочество садился в экипаж, на дворе раздалось торжественно-задушевное пение учеников “«Славься, Славься наш Русский Царь, Господом данный нам Царь Государь”. Его Высочество, отблагодарив учеников ласковым поклоном, изволил отбыть в Хаминовскую богадельню на двенадцать призреваемых; после богадельни Его Высочество посетил местный Введенский монастырь, построенный Григорием Аникиевичем Строгановым – сыном строителя собора в 1565 году <…> затем Его Высочество изволил проехать для осмотра в земскую больницу, откуда в 12 ч. 10м. отбыл в дом Хаминова, где был сервирован для Великого Князя завтрак; до приезда Великого Князя в дом Хаминова, Его Высочество угодно было приказать собрать отставных офицеров, запасных и отставных нижних чинов, находившихся в то время в городе; милостиво поздоровавшись с ними, Великий Князь бывших между ними Георгиевских кавалеров осчастливил подарками – серебряными рублями. После завтрака Его Императорскому Высочеству угодно было осчастливить драгоценными подарками следующих лиц: купца Прокопия Васильевича Хаминова – портретом за стеклом в позолоченной оправе в футляре; Городского Голову – портретом без оправы; Председателя Земской Управы – серебряно-вызолоченным стаканом; г. Исправника – золотым кольцом, украшенным посередине рубином с двумя бриллиантами; старшину Борисова – серебряными часами с портретом Его Высочества; затем его высочество изволил отъехать на пристань. В это время соборное и городское духовенство с Крестом и Св. водой ожидало проезда Его Высочества за оградой; выйдя из экипажа, и приложившись к Св. Кресту, Его Высочество пешком проследовал до пароходной пристани, с которой через несколько минут и изволил отплыть обратно по направлению к Архангельску, при неумолкаемых и восторженных криках “ура” и колокольном звоне всех церквей. Посещение Его Императорским Высочеством Великим Князем Владимиром Александровичем особо осчастливило жителей Сольвычегодска, впервые еще имевших счастие видеть в своем городе Августейшую Особу Царствующего Дома, почему Городская Дума, чтобы увековечить память пребывания Его Высочества в г. Сольвычегодске, в дни

10 и 11 июня, от 18 июня постановила: устроенные пристани и триумфальные ворота перенести на набережный реки Вычегды бульвар, первую поставить в одном конце, а другие – в другом конце бульвара, обнесть оградой и просить разрешения через начальство наименовать этот бульвар именем Его Высочества; кроме того в память приезда Великого Князя, т.е. 10 июня ежегодно совершать молебствия, а учащихся освобождать от ученья, о чем тоже ходатайствовать разрешения».

После визита все сделали, как и обещали – и бульвар переименовали, и ежегодно 15 июля на этом бульваре в день тезоименитства молебны о здравии его императорского высочества совершали, и в 1891 году Владимиру Александровичу отбили телеграмму: «Выслушав в день тезоименитства Вашего Высочества торжественный молебен на бульваре, названном Вашим Именем, жители всех сословий и учреждений г. Сольвычегодска пользуются случаем выразить чувства благожелания и преданности Вашему Высочеству». На следующий день 16 июля Городским Головой была получена от великого князя ответная телеграмма: «От души благодарю всех горожан. Владимир». Переименования бульвара и молебнов Городской думе показалось мало и она ходатайствовала перед вышестоящими властями «о разрешении учредить в подведомственной Городской Думе богадельне, основанной тайным советником Хаминовым, кровать в память посещения г. Сольвычегодска в 1885 году Его Императорским Высочеством Великим Князем Владимиром Александровичем, с обращением на сей предмет остатков от процентов с капитала, внесенного учредителем богадельни на обеспечение ее существования». Такое комментировать, как и в случае с докладом чиновника по крестьянским делам Сольвычегодского уезда, – только портить, а потому мы процитируем описание города и Благовещенского собора, сделанное бывшим в свите Владимира Александровича гофмейстером, тайным советником и поэтом Константином Константиновичем Случевским, которое не столько описание, сколько впечатление, и перейдем к рассказу о визите в город еще одного еще одного великого князя.

«Сольвычегодск очень мал; он, так сказать, виден весь насквозь, так что приходится удивляться даже тому, где помещаются его 2000 жителей. Это та блаженная страна, где дичь продается не по родам ее, а просто по 1 руб. 20 коп. с пуда “пера”. <...> Сольвычегодский собор на берегу пустынной, далекой Вычегды, окруженной малонаселенными лесными пространствами, нетронутый радетелями мишурного блеска в церковном благолепии, составляет явление совсем исключительное. Его, высящегося в темени и ветхости годов, следует беречь, как зеницу ока <…>».

Его императорское высочество великий князь Сергей Александрович посетил Сольвычегодск в ходе своей поездки по Вологодской губернии первого июня 1898 года. Тот самый Сергей Александрович, которого через семь лет разорвет на куски бомбой, брошенной эсером Каляевым, но это будет через семь лет, а пока…

Пока в губернских ведомостях помещен отчет о посещении великим князем Сольвычегодска как две капли воды похожий на отчет о посещении города великим князем Владимиром Александровичем – ликование народа, колокольный звон, хлеб-соль на серебряных блюдах, осмотр достопримечательностей, казарм, кухни, хлебопекарни и цейхгауза, усыпанная цветами дорога, по которой ехал высокий гость, смотры ратников ополчения, собранных по такому случаю на учебный сбор, местных воинской и конвойной команд, ревизия неприкосновенного запаса обмундирования и снаряжения. Впрочем, были и отличия – во-первых, серебряных блюд с хлебом-солью было на одно меньше, тюрьму Сергей Александрович не осматривал, арестантскую пищу не пробовал и вообще управился с визитом за несколько часов, а не за два дня, как его брат. Зато, как писали губернские ведомости, «В тот момент, когда Великий князь вошел в собор и молился, пошел сильный дождь, которого не было почти всю весну, почему растительность не шла вперед и начинала уже подсыхать. Дождь так всех обрадовал, что народ начал молиться и слышались слова: “Слава Богу, Князь приехал и Бог дал дождика”».

Несмотря на то что Сольвычегодская Земская Управа через месяц послала через Вологодского губернатора графа Мусина-Пушкина Сергею Александровичу в день его именин поздравительную телеграмму: «Сольвычегодская Уездная Земская Управа, из рук Председателя которой Его Императорское Высочество Великий Князь Сергей Александрович изволил так недавно Всемилостивейше принять хлеб-соль, благодарная и обрадованная столь знаменательным для нее событием, покорнейше просит Ваше Сиятельство передать Его Высочеству ее всепреданнейшее поздравление с днем Его Тезоименитства, пожеланием Ему благоденствия и здравия на многие и многие годы», а великий князь тоже через Вологодского губернатора ответил: «Прошу Вас передать Сольвычегодской Земской Управе Мою глубокую благодарность за поздравления и выраженные благопожелания. Сохраняю самое отрадное воспоминание о посещении Сольвычегодска», до учреждения в память о посещении Сергеем Александровичем еще одной кровати в богадельне Хаминова дело все же не дошло.

Пряники, конфеты, орехи и платки

Конечно, новогодняя елка, устроенная в 1900 году для учеников Сольвычегодского трехклассного училища, по масштабу приготовлений не идет ни в какое сравнение с визитами великих князей, но подробности этого детского праздника, сообщение о котором было напечатано в губернских ведомостях, куда интереснее. «Дети собрались за час до назначенного времени и нетерпеливо расхаживали по классам, а многие старались через щель или замочную скважину высмотреть “убранную елку”, помещавшуюся в более просторной классной комнате.

В 6 часов вечера учитель-инспектор И.М. Михайлов предложил детям посмотреть световые картины. Когда на экране появился портрет Государя Императора, учащиеся исполнили народный гимн. Затем учениками были прочитаны стихотворения и басни: “Дедушка Мазай” “Кот и повар”, “Мартышка и очки”, “Квартет”, “Демьянова уха” и “Маленький мужичок”. К этим произведениям были, конечно, и иллюстрации. Взрывом смеха встречали дети юмористические картины и серьезно рассматривали изображения явлений природы. Еще раз показан был портрет Государя Императора, и дети пропели: “Славься, славься, наш Русский Царь!”

В 6 ¾ вечера дверь в комнату с убранной елкой отворилась. Елка уже горела огнями! Учащиеся под руководством учителя пения Г.И. Богданова пропели: “Слава на небе солнцу высокому”. Затем спели несколько народных песен, а ученики младших отделений образовали два круга и ходили вокруг елки. Потом учениками старших отделений были прочитаны басни: “Два мужика” и “Любопытный”, а учеником 1 отделения (1-й год обучения) стихотворение “Маленький мужичок”. Нашлась гармоника, заиграли русскую и мальчики робко, по одному, начали выходить из толпы и танцевать.

Снова раздались песни, и ученики начали бегать уже не только вкруг елки, а по всему помещению училища. Но вот свечи догорели и приготовленные для детей подарки были сняты с елки. Ученики стали вынимать билеты для получения подарков. Особенно довольны были те из старших учеников, которым достались готовальни или портреты Государя Императора (пожертвованы Я. В. Хаминовым). Одна из классных комнат была обращена в столовую и, после раздачи вещей и гостинцев, им был предложен чай с булками. После чая ученики еще немного побегали и попели. В 9 часов вечера, когда все украшения с елки были сняты, ее с дружными криками опрокинули и вытащили. Детский праздник кончился».

Сведений о том, как проходили в те времена елки для взрослых в Сольвычегодске, до нас не дошло, хотя заметки о проходивших в других уездных городах Вологодской губернии любительских спектаклях, литературных чтениях и вечерах время от времени появлялись на страницах губернских ведомостей. Сказать о том, что сольвычегодцы не веселились и не устраивали балов, тоже нельзя. Когда в Сольвычегодске в 1883 году

праздновали коронацию Александра Третьего, то устроили бал и народные гуляния: «В девять часов вечера, после пушечного выстрела и пения певчими гимна, бал открыт был танцами. В десять часов, по сигналу пушечными выстрелами, началась иллюминация, продолжавшаяся до часу ночи, причем щит освещен был плошками и сотней разноцветных фонарей. Иллюминация перед думой разнообразилась пушечными выстрелами, выпусканием ракет и горением разноцветных бенгальских огней в зелени аллеи. Народ не сходил с площади до окончания бала. 18 мая предположено было народное гулянье в саду, но по случаю ненастной погоды отложено и сделано было 19 числа с пяти часов вечера. Здесь прежде всего раздавались всем детям лакомства: пряники, конфеты и орехи, а бедным женщинам платки. В десять часов сад был иллюминован плошками, разноцветными фонарями и в разных местах бенгальскими огнями. Гулянье разнообразилось пением певчими и командою народных патриотических песен, игрой в кегли, качанием на качели и пушечными выстрелами, которых за все время торжества было произведено сто один. Для дам и представителей общества был устроен большой павильон, украшенный зеленью, где было угощение. В час ночи окончено гулянье, а с сим вместе и празднование торжества в отдаленном нашем севере»[67].

Все же среди списка вопросов, которые решала на своих заседаниях Сольвычегодская Городская Дума в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века, можно найти «О предоставлении губернскому секретарю Трусову устраивать семейные вечера в городском общественном доме за определенную плату в пользу города» и «О предоставлении гражданам г. Сольвычегодска устраивать семейные вечера в городском общественном доме за определенную в пользу города плату». Значит, семейные вечера были, но как они проходили – играли ли в карты на деньги или нет, пили ли на них просто чай или незаметно подливали в чай ром, не говоря о коньяке, варенье приносили свое, крыжовенное, или устраивали вскладчину буфет с привезенными из Вологды или Устюга винами, пивом, ветчиной и сырами, или буфетчик покупал у местных торговцев рыбой стерлядь, свежепросольную семгу, икру и соленые рыжики, обсуждали ли новости, вычитанные в газетах и журналах, или просто сплетничали и перемывали кости тем, кто не пришел, расходились ли по домам своими ногами или некоторых отцов семейств приходилось вести под руки… теперь уже не узнать, а жаль.

Хроника некультурных происшествий

От хроники культурных происшествий перейдем к хронике некультурных. В этом отношении последняя четверть девятнадцатого века ничем не отличается от предпоследней. Самая частая причина смертей, о которых сообщали губернские ведомости – пьянство как мужчин, так и женщин. Умирали от пьянства дома, летом умирали, в пьяном виде упав в какую-нибудь из многочисленных рек, или озер, или прудов; зимой умирали, напившись в соседней деревне на празднике и замерзнув по дороге домой в поле, или в лесу, или провалившись в полынью при переходе по речному льду, умирали от нанесенных ранений в пьяных драках. В октябре 1896 г. крестьянин Метлинской волости деревни Круглицы Петр Павлов Митягин 27 лет, будучи в нетрезвом виде и переходя реку Северную Двину по неокрепшему еще льду, провалился и вытащенный на берег крестьянами деревни Устькурья умер. В ноябре того же года в поле близ деревни Змановского починка Ильинско-Подомской волости найден мертвым Иоаким Афиногенов Тургунов 35 лет. Следствием обнаружено, что смерть Тургунова последовала от переохлаждения. В том же месяце крестьянин Ильинско-Подомской волости дер. Выставки Алексей Васильев Бебякин 60 лет, возвращаясь пешком из соседей деревни домой в нетрезвом виде, дорогой замерз. В декабре крестьянин Березонаволоцкой волости деревни Грибановской Павел Федотов Тропин 39 лет лишил себя жизни, повесившись после продолжительного употребления спиртных напитков.

Матери убивали прижитых вне брака новорожденных. 26 июня 1893 г. крестьянская вдова Никольской волости дер. Костихи П.М. 40 лет, родив девочку, прижитую ею со своим племянником, крестьянином В.М., скрыла ребенка, зарыв его труп в землю. В конце июня 1895 г. крестьянская девица Великосельской волости деревни Мокрой Едомы А.К.Р. 17 лет родила девочку на повети дома родителей, где и оставила, ушедши в дом погреться. Вернувшись через несколько времени, нашла её уже мертвой, почему снесла в поле и зарыла.

Иногда убивали и не новорожденных. В начале мая 1891 г. крестьянка деревни Павловской Никольской волости Анна Береговских свою 12-ти недельную дочь отнесла на Вычегду и положила на льдину, которую вместе с ребенком унесло по течению реки. В сентябре 1897 г. крестьянская девица Гавриловской волости деревни Осташевской А.М.Л. зарыла в песок на берегу реки Северной Двины живым сына своего Дмитрия 1 года. Следствию по этому делу выяснило, что Л., питаясь сбором милостыни, решила избавиться от незаконнорожденного сына.

В 1879 году губернские ведомости опубликовали сведения о деятельности полицейских урядников по Сольвычегодскому уезду. В списке актов и дознаний, составленных урядниками, есть дела о нанесении побоев крестьянину Лапшину, о нанесении крестьянином сотскому удара в грудь при исполнении первым обязанностей службы, о насильном снятии сбруи с лошади крестьянина Тепляшина крестьянами деревни Дьяконова, о найденном в пруде мертвом крестьянине Плаксине со знаками насилия, о краже капусты из огорода крестьянина Углова другим крестьянином, намеревавшимся еще и поджечь дом Углова, об отнятии у крестьянина Лобанова пятнадцати рублей, о нанесении побоев рядовому его братом и сыновьями, о незаконной торговле разными товарами, о покраже рубашки у крестьянина Леднева, о нанесении обиды крестьянину Лаврентьеву, о буйстве в питейном заведении с нанесением побоев сидельцу, об истязаниях крестьянской жены мужем и свекровью, о нанесении удара колом по голове крестьянину Лаврентьеву, о нанесении удара складным ножом в лицо крестьянину Куделину, о нанесении побоев крестьянину Петрову сельским писарем, о нанесении побоев крестьянке ее братом, об увозе разными крестьянами Устьевского общества сена, принадлежащего крестьянину Якутову, об отпуске водки из питейного заведения во время волостного схода, об ограблении крестьянина Спиридонова сотским, о краже овцы, о взятом неизвестном человеке, называвшим себя крестьянином Чичириным, об отобрании фальшивого билета двадцатипятирублевого достоинства, о нанесении побоев крестьянину Спиридонову его братом, о краже со взломом замка из амбара у крестьянина Зубарева имущества на сорок рублей, о нанесении побоев крестьянке ее сыном, о захвате юбки, принадлежащей мещанке, крестьянской девицей… Конечно, это не полная картина повседневной жизни крестьян Сольвычегодского уезда последней четверти девятнадцатого века, а лишь ее небольшая часть, но без нее картина будет неполной.

Не будет она полной и без рассказа о политических ссыльных, которых к концу века в Сольвычегодске и уезде становилось все больше и больше. Дошло до того, что сторонники движения народников появились и среди самих сольвычегодцев. В 1876 году местный сельский учитель Леонид Александрович Каллистратов, которому отроду было в тот год всего шестнадцать лет, был привлечен к дознанию по обвинению «в пропаганде среди крестьян и в порицании существующего строя». Писец Сольвычегодской земской управы Иван Малахов, из крестьян Сольвычегодского уезда, получивший образование в Сольвычегодском уездном училище, хранил у себя запрещенные издания, в частности газету народников «Вперед!», которую у него и нашли в 1878 году при обыске. Оба попали под гласный надзор полиции. В декабре 1876 года в Сольвычегодск приехал отбывать ссылку сын священника Вельского уезда Вологодской губернии и студент Петровской академии Иван Романов, осужденный за участие в революционных кружках, распространение запрещенных книг и переписку «преступного содержания» с вологодскими семинаристами. С 1877 по 1880 годы в Сольвычегодске, за принадлежность

к Южно-российскому союзу рабочих в Одессе, отбывал ссылку известный российский статистик того времени Федор Андреевич Щербина, который ее не просто отбывал, а изучал местные обрабатывающие промыслы, экономическую сторону жизни сольвычегодских крестьян и на основе изученного материала писал статьи в местные губернские ведомости, журнал «Отечественные записки» и газету «Неделя».

В 1880 году Сольвычегодск был взбудоражен побегом четырех политических ссыльных, одним из которых был народник, публицист и агитатор Андрей Афанасьевич Франжоли. Осудили его Особым присутствием Сената по делу революционеров-народников и признали виновным «во вступлении в противозаконное сообщество с целью ниспровержения в более или менее отдаленном будущем правительства и государственного устройства в Империи». В Сольвычегодске Франжоли, успевший там жениться на другой ссыльной – Евгении Завадской, вел обширную переписку с другими ссыльными, сельскими учителями и, как следует из донесений вологодского губернатора вышестоящему начальству, общался с сольвычегодскими мастеровыми «с целью привить им антиправительственные коммунистические убеждения». Вологодский губернатор, понимая, что от такого беспокойного ссыльного, кроме неприятностей, ждать нечего, в феврале 1880 года обратился в министерство внутренних дел с предложением отправить его в Сибирь. Министерство против высылки, конечно же, не возражало, но… Франжоли отправки, дата которой ему стала известна, ждать не стал, а вместе с женой и тремя другими ссыльными скрылся. Побег их, скорее всего, не удался, если бы не халатность сольвычегодского уездного полицейского исправника Кульчицкого, в доме которого перед побегом все четверо и проживали. Сам исправник, которому по должности нужно было за ними наблюдать, и не думал этого делать. В своем доме он появлялся редко, и ежедневной явки в полицию от поднадзорных не требовал, хотя и обязан был. Мало того, еще и другим полицейским запрещал являться в свой дом для проверки. В такой обстановке и ленивый решился бы на побег. Товарищ беглецов, тоже народник Белевский, хотя и сам отказался участвовать в побеге, им помог, уверяя интересовавшихся в те дни местонахождением Франжоли и его подельников в том, что они никуда из города не отлучались. Розыском командовал губернатор, который связывался с губернаторами соседних губерний, а те отдавали приказы нижестоящим полицейским чинам, что при тогдашних средствах связи и расторопности исполнителей… Кульчицкого, конечно, уволили, но Франжоли так и не поймали.

В декабре 1893 года в Сольвычегодск приехал отбывать ссылку Николай Евграфович Федосеев – один из первых пропагандистов марксизма в России, организатор и руководитель первых марксистских кружков в России. Сольвычегодск ему сразу не понравился. В письме своему товарищу по казанскому марксистскому кружку он писал: «Разница между Сольвычегодском и тюрьмой есть, но у меня до сих пор не составилось реальных представлений о значительной разнице; разница остается пока в воображении. Теперь Сольвычегодск мне кажется пока узенькой тюремной стеной, по которой прогуливаешься на привязи, сделаешь шаг на внешнюю сторону – и тебя немедленно притянут в тюрьму или посадят на более короткий аркан. Все же крепко надеюсь, что мое настоящее пессимистическое настроение изменится, как только я ориентируюсь в чуждой для меня окружающей жизни, очень, очень далекой от того мира, в котором я и в действительности, и в грезах жил в последнее время».

Живший в грезах Федосеев довольно быстро освоился на новом месте, списался с Лениным, руководил по переписке марксистами Владимирской губернии, а в самом Сольвычегодске создал марксистский кружок, в котором состояло двадцать пять человек. В членах кружка состоял сосланный на пять дет в Сольвычегодск под гласный надзор полиции Александр Григорьевич Шлихтер – будущий первый нарком земледелия РСФСР, а потом и нарком продовольствия, один из организаторов продотрядов и продразверстки. Само собой, от полиции постоянные сходки ссыльных и занятия кружка скрыть было трудно. Вот что пишет начальник Вологодского губернского жандармского управления

начальнику Владимирского губернского жандармского управления 20 сентября 1895 года: «Вследствие отношения от 28 минувшего августа за № 1545 имею честь сообщить вашему высокоблагородию, что Александр Григорьевич Шлихтер по высочайшему повелению, последовавшему в 22-й день марта 1895 г., по обвинению в государственном преступлении выслан под гласный надзор полиции в Сольвычегодск сроком на 5 лет. С поднадзорным Федосеевым названный Шлихтер находится в коротком знакомстве и сношениях, каждодневно Федосеев посещает Шлихтера и жену его Евгению, тоже высланную вместе с мужем за политическую неблагонадежность под гласный надзор полиции. Кроме того, вместе с Федосеевым посещают супругов Шлихтеров таковые же поднадзорные, находящиеся в Сольвычегодске: Сергей Суворов, Василий Платонов и Николай Сигорский <…>».

В сольвычегодской ссылке в конце девятнадцатого века перебывали многие. Ссылали сюда и народовольцев, и членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», и марксистов. Об их кружках, спорах о том, что делать и кто виноват, о переписке с такими же, как они, борцами за счастье народа, мы здесь рассказывать не будем, поскольку к Сольвычегодску это все имеет мало или вовсе не имеет отношения, но марксиста Константина Максимовича Норинского мы все же упомянем, поскольку именно он в своих воспоминаниях оставил нам описание города Сольвычегодска таким, каким он был в 1898 году.

«Сольвычегодск был в ту пору городишко небольшой, в длину он протянулся на версту и примерно столько же в ширину. Домишки были установлены в центре города по плану, а вдали от него беспорядочно. Лучшими сооружениями города были управление полиции, тюрьма, дом купца, благотворительное заведение и еще два-три каменных дома. Затем тянулись на четверть версты торговые ряды с деревянными навесами, а за ними по левой и правой сторонам улицы располагались одно– и двухэтажные деревянные жилые дома. Архитектура домов простая и однообразная. Всего домов было не более пятисот, а жителей в то время насчитывалось до полутора тысяч. По окраинам расположилось несколько учреждений, обслуживающих городское и сельское население, а у самой границы города – земская почтовая станция. Несмотря на подобное убожество, город поражал контрастом – всем вновь прибывающим бросалось в глаза множество церквей и часовен. С какой бы стороны ни посмотреть на город, в первую очередь бросаются в глаза церкви. Их насчитывалось в то время восемнадцать, да еще строились семь, причем все из камня и хорошо отделаны».

Три стекла

Наконец о событиях незначительных, которые обычно относят к разряду всякой всячины, которые даже и не штрихи к картине, а точки, но без которых картина городской и уездной жизни не будет законченной.

Прогресс, хотя и медленно, но все же приходил в Сольвычегодск. В 1876 году при уездной земской управе на основании утвержденного министерством внутренних дел устава, открыли ссудо-сберегательную кассу служащих в уездном земстве. Как писали губернские ведомости, «Цель кассы состоит в том, чтобы посредством ежемесячных вычетов не свыше 10% из получаемого жалованья, наградных денег и добровольных вкладов дать возможность участникам кассы делать сбережения, которые будут выдаваться им при выходе в отставку. Во время же службы членам кассы предоставляется получать из нее ссуды за умеренные проценты».

В 1879 году Городская Дума постановила заготовить жестяные доски с надписями названий улиц и номерами домов. В 1885 году на участке леса, принадлежащем городу, разгорелся сильный пожар, в тушении которого приняли участие городские жители, подгородные крестьяне, нижние чины Сольвычегодской воинской команды и арестанты городской тюрьмы. Уездному исправнику Фролову за умелое руководство тушением

пожара губернатор объявил благодарность, а нижним чинам воинской команды и арестантам из бюджета города выплатили денежные премии. Не благодарности нижним чинам и арестантам, а уездному исправнику премию, как это обычно у нас водится, а наоборот. И это при том, что в городском бюджете вечно не хватало денег. Не могли купить даже заливную пожарную трубу, потому как «денег по бедности города едва достает на необходимые расходы, лежащие на прямой и неотложной обязанности города и сверх того еще на городе состоит недоимка <…> на содержание полиции, то труба и остается не выписанною». Городские власти отчитывались об использовании каждого рубля и каждой копейки из бюджета города. Для примера приведем отрывок из отчета Сольвычегодской городской управы о движении городских и других сумм, а равно и о предметах городского благоустройства за 1879 год «<…> никаких вновь капитальных исправлений в общественных зданиях произведено не было, а только были произведены следующие мелочные исправления: в казарменном здании исправлены печи, сделаны форточки в окна оного здания, новый очаг под котел в бане при казарме, калитка со двора казармы в огород, перестроена крыша на крыльце, при самом здании казармы оклеен бумагою потолок, в некоторых комнатах дома, отданного под Управление Воинского Начальника, проконопачены стены у городской будки, и исправлена в некоторых местах галерея около гостиного двора, сделаны и исправлены мостки против мест принадлежащих городу. На все это употреблено из городских доходов 41 руб. 61 коп». Ни нового кожаного кресла в кабинет Городского Головы, ни серебряного или хотя бы бронзового чернильного прибора, ни стола из красного дерева. Для того, чтобы Городской Голова имел возможность тратить пятнадцать рублей из городских доходов на непредусмотренные мелочные городские расходы, в 1881 году потребовалось специальное разрешение Городской Думы. Через три года эту сумму Городская Дума увеличила на пять рублей.

И еще один маленький штрих, без которого картина повседневной жизни любого нашего уездного города, а не только Сольвычегодска, и не только последней четверти позапрошлого года, будет неполной. «В Сольвычегодское Уездное Земское собрание. Доклад членов Ревизионной Комиссии Инкина и Мостовского. Убедившись по станционным книгам за прошедший 1887 г., что г. Председатель Управы Климов и член Понков, проезжая к прошлогоднему призыву новобранцев в г. Красноборск и с. Верхнюю Тойму, не изволили платить прогонов содержателям станций как вперед, так и обратно, между тем прогонные деньги ими обоими из земства были получены. Предоставляя Собранию судить о нравственной стороне поступка гг. Климова и Понкова, мы, как члены Ревизионной комиссии в видах интереса и достоинства его представителей, находим нужным, чтобы прогонные деньги были взысканы и переданы ямщикам. Октября 28 дня 1888 г. Подлинный подписали: Члены Комиссии Инкин и Мостовский».

В 1889 году арестанты в Сольвычегодской городской тюрьмы стали в свободное от сидения в камерах время изготавливать соломку для спичек и короба из драни. Через год им организовали для этого специальные мастерские. Короба эти частью продавали на месте, а частью водным путем на баржах отвозили в Вологду на продажу. Заключенные за эту работу получали деньги, и сведения об их заработках регулярно, каждый квартал, печатали в губернской газете. В 1893 году сольвычегодские арестанты в среднем зарабатывали немногим более тридцати рублей в год и были на шестом месте среди одиннадцати в губернии.

В 1890 году в уезде началась эпидемия оспы. В губернских ведомостях по этому поводу писали: «Волостной старшина Ильинско-Подомской волости Сольвычегодского уезда Григорий Семенов Федяев, при появлении в волости оспенной эпидемии, своими энергичными распоряжениями личными внушениями и своим авторитетным влиянием, разуверив крестьян в прежнем предрассудке о вреде оспопрививания, убедил их в пользе привития детям оспы; вследствие чего крестьяне не только перестали скрывать заболевших оспой, а начали сами заявлять об этом и просить фельдшеров о привитии их детям оспы, что имело весьма благотворное влияние на успех борьбы с оспенной эпидемией. За таковые

полезные и похвальные действия старшине Федяеву объявляется благодарность от Господина Начальника Вологодской губернии. <…>

В Сольвычегодском уезде из заразных болезней в настоящем году наблюдалась лишь[68] натуральная оспа. <…> Болезнь развилась по преимуществу между староверами, старательно скрывающими заболевших от полиции и медицинского персонала. <…> Оспа, по донесению Сольвычегодского Исправника, будто бы занесена проезжавшими цыганами. <…> Для прекращения развития оспы постановлено открыть свой телятник, так как из Губернской Земской управы высылка детрита затруднена, причем самый детрит[69] худого качества, усилить число оспопрививателей, разъяснить народу о необходимости прививки предохранительной оспы и проч. <…> Меры к прекращению натуральной оспы принимаются следующие: прививается предохранительная оспа, больные изолируются от здоровых, кроме того, воспрещен со стороны полиции сбор тряпья для продажи. Производится ли дезинфекция платья и белья бывшего на больных, а также жилищ, неизвестно. В заседании комитета общественного здравия, бывшего 6 августа, между прочим, выяснилось, что привитие предохранительной оспы встречает себе затруднение в лице людей суеверных, видящих в этой мере греховную сторону. <…> Исправникам всех кочующих цыган строго осматривать нет ли между ними больных заразными болезнями и если таковые обнаружатся, то немедленно их отделить от здоровых, произведя дезинфекцию одежды и белья последних. <…> в случае существования оспы в тех местах, где живут старообрядцы, устроить там карантин, изолировать здоровых от больных и иметь больнички для последних».

Не стоит, однако, думать, что все крестьяне Сольвычегодского уезда не понимали важности прививок. Еще за два года до описываемых событий, некоторые из них писали в Сольвычегодское Уездное земское Собрание: «Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Сольвычегодского уезда Афанасьевской волости, Афанасьевского сельского общества, будучи в общем собрании на сельском сходе, настоящим приговором честь имеем просить г.г. гласных Сольвычегодского Уездного Земского Собрания выразить от нас благодарность уездному врачу г. Смирнову за прекращение им в 1887 году эпидемической болезни “оспы” и подачи в настоящем году медицинской помощи по существующей болезни “скарлатины”, в том и подписуемся. Подлинный подписали 76 человек. При составлении приговора присутствовал Сельский Староста Капустин». И это письмо не единственное.

В отчете о деятельности Сольвычегодской Городской Управы и подведомственных частей за 1892 год можно прочесть о том, что в беседке общественного сада вставлены три стекла, отремонтирован тротуар около сада, устроено место для загона бродячего скота при ограде зданий присутственных мест и место для загона скота при городской скотобойне, сделаны три новых фонаря для тюрьмы. Сольвычегодск в отчетном году освещался четырнадцатью городскими фонарями в течение четырех месяцев и шестью частными домовладельческими фонарями. Очистка городских улиц и площадей производилась арестантами городской тюрьмы. Поступило в Управу разного рода восемьсот с лишним бумаг, а выпущено Управой в полтора раза больше.

Кстати, о бумагах. В марте 1900 года в губернских ведомостях за подписью «Обыватель» была напечатана заметка следующего содержания: «Сольвычегодск. В корреспонденции из Красноборска, помещенной в одном из предыдущих номеров, автор указывает на бездеятельность нашего земства по отношению земского хозяйства. Одна из главных причин этой бездеятельности та, что наша земская управа всю свою деятельность видит в канцеляризме, который доведен у нее до идеальной высоты лучших времен подьячих. Как пример приведу картинку канцелярского порядка управы. Получается с земской почтовой станции пустая жалоба, какого-либо проезжего чиновника, что лошади были поданы на несколько минут позднее, чем следовало. Жалобы эти, записанные проезжающими в станционных книгах, сообщаются содержателями в копиях управе. Получивши такую жалобу, председатель управы кладет на нее резолюцию: получить

расследование члену управы такому-то. Пишется бумага сказанному члену, хотя он находится тут же, сидя за одним столом с председателем. Бумага пишется сначала одним из писцов начерно, подается для проверки секретарю, который иногда находит, что стиль изложения бумаги не выдержан или есть орфографическая ошибка. Итак, черновая бумага марается и с нее уже с поправками пишется новая, но опять только черновая, чтобы в делах не было перемаранных “отпусков”. Это ли не верх канцеляризма? Новая черновая скрепляется секретарем и с нее уже пишется бумага набело, которая подписывается председателем и секретарем, затем записывается в исходящую, занумеровывается, записывается в разносную и передается под расписку члену управы, сидящему тут же. Член, получивши такую бумагу и определивши ее важность, едет нарочно для расследования или делает это по пути при поездке по другим делам. Сделавши расследование, он пишет в управу донесение о том, что по его дознанию оказалось, записывает это донесение в свою исходящую и разносную, а управа, получив таковое, записывает в свою входящую и, наконец, делается коллегиальным составом управы резолюция: оштрафовать содержателя такого-то пятьюдесятью копейками. Сколько употреблено труда, бумаги и чернил напрасно. Не проще ли было бы, получив подобную жалобу, передать без всяких бумаг со стилем или без стиля, сидящему тут же члену, чтобы он, сделавши расследование, на той же жалобе написал о его результате. Теперь можно судить, если 50-копеечный штраф вызывает такую процедуру, то что же бывает с более важными делами? Понятно, что такой мертвый канцеляризм тормозит живое земское дело. Настоящему составу управы осталось действовать последний год; пожелаем, чтобы в последние месяцы он явил бы себя более живым деятелем великого земского дела и отодвинул на задний план никому не нужный и не приносящий ничего, кроме накопления в архивах негодных бумаг, канцеляризм»[70].

Конечно, в работе Сольвычегодского земства недостатки и ошибки были, что и говорить, но кто же работает без ошибок... К примеру, решило в январе 1900 года Сольвычегодское уездное собрание проложить шоссированную дорогу от Сольвычегодска до Котласа потому, что в Котласе была станция железной дороги. Провели изыскания и выяснилось... что строить ее не выгодно. Еще бы выгодно, если между Котласом и Сольвычегодском течет километровой ширины своенравная Вычегда, которая мало того, что постоянно подмывает берега, так еще и дважды в год весной и осенью затапливает все, что можно затопить. Как умудрились забыть о реке... Между тем деньги на эти изыскания были истрачены. Тогда решили просить из средств дорожного капитала губернского земства восемь тысяч рублей на покупку парохода для устройства водного пути между Сольвычегодском и Котласом. Губернское земство денег не дало. Оно и вообще деньгами Сольвычегодск не баловало. В 1899 году уездное земское собрание попросило губернское земство дать небольшую субсидию «на вычисление метеорологических наблюдений, на составление обзоров погоды и выводов из наблюдений и на печатание их» при том, что сами сольвычегодские власти решили ассигновать двадцать пять рублей ежегодно на устройство в уезде метеостанций, губерния не дала ни копейки.

У самого же сольвычегодского земства денег было в обрез, а просителей стояла целая очередь, и таких, которым не откажешь. Возьмем для примера журнал Сольвычегодского уездного земского собрания за сентябрь 1900 года. Городской староста Колесов просит дать денег на укрепление на укрепление берега крестьянских владений выше городской черты «так как отсутствие мер к укреплению выше лежащего городской черты берега сказанных владений грозит большему разрушению такового городского, последствием чего может встретиться опасность и принадлежащему земству дому, занимаемому земской управой». О том, чтобы не дать ему денег, не может быть и речи, но денег…, а потому земское собрание решает «За неимением городских средств для ремонта вышеозначенных береговых укреплений, уполномочить возбудить ходатайство пред высшим начальством о пособии от казны городского старосту, поручив ему ныне же на находящиеся наличные средства 12 р. 46 к. произвести ремонт по укреплению берега в возможной степени». Вот и ремонтируй береговые укрепления на двенадцать с полтиной

«в возможной степени». Скорее всего Колесов промолчал, когда получил вердикт земского собрания, потому как в присутственном месте таких слов даже и про себя произносить было запрещено.

За городским старостой идет Совет Вологодского благотворительного общества, который, имея на своем попечении убежище для бедных сирот-мальчиков, где призреваются до 50 детей и ремесленный приют с 20 учениками, просит Сольвычегодскую уездную земскую управу назначить субсидию в размерах возможного «ради любви к детям и человечеству». Тем более, что в этих приютах воспитываются два мальчика из Сольвычегодского уезда. Еще и подписано это прошение председательницей общества Верой Александровной Брянчаниновой, у которой муж действительный статский советник и член Вологодской земской управы. Тут нужно раскошелиться. Решено передать это письмо «в предстоящее очередное земское собрание с просьбой ассигновать обществу субсидию по примеру сего года в размере 25 р.».

Сольвычегодское земство открыло в 1900 году две бесплатные народные библиотеки в уезде на средства, завещанные издателем Павленковым. На каждые пятьдесят рублей из сумм по завещанию Павленкова Сольвычегодское земство добавляет свои пятьдесят рублей. Таково условие завещания. Стало быть, еще сто рублей.

Лаборант земской аптеки Мелентьев подал прошение о назначении ему пособия на продолжение образования: «Намерен приготовиться в течение двух годов к экзамену за 4 класса гимназии, т.е. на аптекарского ученика, чтобы иметь свободное время для этого, я должен отказаться от службы, занимаемой мною при Сольвычегодской земской аптеке. Прожить эти два года собственных средств не имею, поэтому осмеливаюсь покорнейше просить Сольвычегодскую уездную управу, не найдет ли она возможным ходатайствовать пред очередным уездным земским собранием о назначении мне денежного пособия в размере ныне получаемого мною двухгодичного оклада жалованья. Расходы же для меня являются неизбежными, так как, по наведенным мною справкам, необходимо будет платить учителю не менее двухсот рублей в год, который бы меня подготовил к вышесказанному экзамену; еще придется покупать книги и другие учебные пособия и, кроме того, нужно на содержание». Управа рекомендует земскому собранию просимые деньги дать, поскольку Мелентьев служит лаборантом в земской аптеке полтора десятка лет, «за все это время отлично исполнял свои обязанности, был трудолюбив, исправен, в совершенстве усвоил свое дело и весьма много работал, в особенности во время отсутствия управляющего аптекой, иногда продолжительного, что особенно часто имело место за последние годы. <…> Управа думает, что г. Мелентьев с успехом подготовится к экзамену за четыре класса гимназии в один год, и потому она полагала бы назначить ему безвозвратное пособие – четыреста рублей».

Просителей пособий на продолжение образования каждый год было более чем достаточно. Не всем, конечно, эти пособия выдавали – кому-то с обязательством вернуть часть, кому-то полностью, а кому-то и вовсе отказывали. Девицы, как и прежде, все как одна, хотели стать повивальными бабками, получив образование в Вологодской повивальной школе, а некоторые, закончив это заведение, просили денег на продолжение образование в Петербургском повивальном институте. Сольвычегодское земство в резолюции на прошение одной из просительниц пишет, что оно «ни разу не встречало того, чтобы на открывшуюся у него вакансию повивальной бабки не было кандидаток, всегда сразу же находились и находятся желающие занять это место. Поэтому земство не нуждается в образовании повивальных бабок на свои средства, и с этой стороны ходатайство просительницы Ивановой о назначении стипендии подлежало бы отклонению», но… мир не без добрых людей. В Сольвычегодской земской управе они тоже были. «Иванова, как известно управе, совершенно бедная, не имеет возможности получить образование без посторонней помощи. Земское собрание может оказать ей эту помощь – дать стипендию на образование. <…> Ее можно было бы назначить Ивановой не безвозвратно, а с возвратом по 25% в год с дохода, какой она будет получать по окончании

образования». Зато крестьянской жене Клавдии Кирилловой в пособии на обучение в столичном повивальном институте отказали дважды, хотя она и обещала вернуть все до копейки после того, как устроится на службу после получения образования. Все потому, что муж ее крестьянин Шенкурского уезда Архангельской губернии и сама просительница держали мелочную лавку в Сольвычегодске.

Еще и саму земскую управу содержать нужно. Председателю управы назначили содержание в две тысячи рублей в год и членам управы по семьсот с лишним рублей... Еще и школы, еще и городскую земскую больницу, которая обходилась сольвычегодскому земству совсем недешево. По смете на содержание Сольвычегодской городской больницы за 1901 год врачу полагалось 1800 р. жалованья в год, смотрителю 360 р., двум фельдшерам и фельдшерице на троих 1250 р., трем сторожам при бараках и двум сторожам при аптечной лаборатории по 120 р. каждому, три сиделки с жалованьем по 120 р., столько же прачке и кухарке, а судомойке 48 р. Цифры, конечно, сухие и скучные, но как подумаешь о том, что сторож должен выживать на десять рублей в месяц, а судомойка и вовсе на четыре при том, что килограмм свежего мяса в переводе с пудов и фунтов на наши килограммы стоил в Сольвычегодском уезде в январе того же года 16 к., килограмм ржаной муки около 6 к., килограмм топленого сливочного масла 55 к., килограмм гороха 11 к. , а еще свечи, а еще дрова, а еще зима, которая здесь как начнется, так и не думает кончаться, а еще и, не дай бог, лекарства… Между прочим, Сольвычегодская земская больница могла в то время принять не более трех с половиной десятков больных одновременно. Кухарке, прачке и судомойке отдыхать не приходилось. Цифры, конечно, сухие, но мокрые от слез сиделок, кухарки, прачки и судомойки. Сторожам слезы не полагались. Тем более, что они наверняка спали на службе, если начальство не видело.

Как ни обидно это признавать, но в начале двадцатого века Сольвычегодск был бедным городом с бедными жителями. Об этом свидетельствует, пусть и косвенно, опубликованная в 1906 году губернскими ведомостями раскладка государственного налога между городами и посадом Вологодской губернии в зависимости от ценности городских имуществ в рублях. Среди тринадцати городов и одного посада Вологодской губернии Сольвычегодск занимал девятое место – стоимость его городских имуществ составляла немногим более пятидесяти тысяч рублей. Стоимость городских имуществ Великого Устюга – в двенадцать раз больше, Тотьмы – почти в четыре раза, даже находящийся на краю губернии, в глухих таежных лесах Устьсысольск, больше трети жителей которого в те времена составляли медведи, и тот по ценности городских имуществ обгонял Сольвычегодск почти в полтора раза.

В 1903 году Вологодский губернатор Лодыженский издал обязательные для жителей г. Сольвычегодска постановления по предметам городского благоустройства. Судя по тому, что делать было запрещено или должно было обязательно делаться, мы можем судить о состоянии городского благоустройства в самом начале двадцатого века.

«Все занимающиеся изготовлением чего-либо съестного для продажи на рынках, улицах или в других местах, должны не только употреблять к тому припасы не испорченные, безвредные, но и самое приготовление производить, не допуская при этом небрежности, которая могла бы иметь опасные для здоровья последствия. Ни в каком случае не подмешивать в напитки чего-либо вредного для здоровья, почему воспрещается подправлять квас и бузу вредными составами, как, например, квасцами, подправлять вина окислые и испорченные посредством свинцового сахара, свинцовой дроби и тому подобных веществ, вредных и вообще подделывать вина посредством разных примесей». Стало быть, были случаи, когда употребляли, подмешивали и подделывали.

Запрещалось «<…> оставлять или бросать не загашенными сигары и папиросы на тротуары, мостовые и проч., курение табаку в гостином дворе и на пространстве прилегающем к оному; запасы сена для домашних нужд запрещается хранить на открытых дворах, а только на сеновалах и в сараях; хранение зажигательных спичек, скипидара и проч. легко воспламеняющихся веществ в кладовых и лавках, имеющих керосин и другие

минеральные масла». Запрещалось хранить порох, серу, солому, смолу, лен и рогожи на печках, ходить с зажженной лучиной или свечой без фонаря на чердаки, в конюшни, сараи и погреба. Велено было содержать ночные караулы в городе каждый год, начиная с первого августа до первого ноября.

«Улицы против домов должны быть содержимы домовладельцами в чистоте и опрятности, для чего весной, при таянии снега, очищать их от накопившегося навоза, летом выметать не менее двух раз в месяц до шести часов утра, в зимнее время заравнивать ухабы и раскаты против своих владений. Воспрещается делать на зданиях и заборах надписи и изображения, портить деревья в городском саду, а равно и деревья на городском бульваре. Бродячий крестьянский скот должен загоняться в отведенное городом место, а хозяева этого скота привлекаются к законной ответственности. Нечистоты, выбрасываемые из отхожих мест и помойных ям, вывозить в указанные для них места в устроенных для того ящиках или бочках, не разливая их ни на дворе, ни на улицах. Для уничтожения зловония в ретирады и помойные ямы вливать деготь смолу или скипидар».

К этим правилам приложим две иллюстрации. Первая – цитата из брошюры «От Вологды до Устькулома. Путевые заметки. Экскурсия учеников Вологодской торговой школы. Вологда», изданной спустя восемь лет после постановлений. «Сольвычегодск в настоящее время имеет крайне патриархальный вид. Население его едва достигает 2000 человек. Улицы пустынны, по ним бродят коровы и лошади в поисках чахлой вытоптанной растительности. Среди города зловонная лужа, запах сероводорода, издаваемый ею, бывает особенно чувствителен при понижении барометра, как это случилось в наш приезд». Как бродил скот по улицам, так и …

Вторая – заметка в «Вологодском листке» сольвычегодского корреспондента о том, как тушили в городе пожар в тринадцатом году. «25 августа сгорел большой частный дом на окраине города. Интересна и поучительна картина тушения этого пожара. В четыре часа утра набат в одной из церквей города встревожил население Сольвычегодска. Проснувшиеся жители увидели в окна большое зарево. Но так как шел дождь и было холодно, то на пожар пошли немногие. Когда уже собралась публика и пришли кое-кто из властей, дом изнутри был весь охвачен пламенем; здание превратилось в огромный костер.

– Что же господа, ведь тушить надо, – слышатся голоса.

– Как же, надо, а то и соседние дома сгорят, – соглашаются присутствующие.

Между тем, несмотря на дождь, пламя растет и растет. Огонь угрожает соседним постройкам. Пожарных нет, за ними еще только послали, а обыватель не может расшевелиться. Но все-таки, в ожидании пожарных, кое-кто берется убирать лежащие рядом с горящей постройкой бревна. Однако, с голыми руками лезть в огонь трудно.

Появляются пожарные. Двое сонных людей привезли искалеченную машину. Прибыла машина, воды нет. Пока происходит починка машины, и в ожидании воды, пожар разгорается. Наконец появляется вода. Едва передвигая усталыми ногами, пожарная кляча кое как с помощью старика пожарного притащила бочку с водой. Не знают куда лить воду. Решают на соседний дом, он сильно накалился. Старик же, привезший воду, ворчит: “Зря воду тратим, дом не горит, воды близко нет, лошадь устала”. Воду лили из ведер, так как машину в это время чинили. А когда машину поправили, то оказалось, что вода вышла. Минут через 15-20 появилась вторая бочка воды. Ее быстро использовали и опять – ожидание воды. Так длилось все время, пока от дома не остались только одни угольки.

Сольвычегодск – Богом хранимый город. Нет ни пожарных средств, ни команды, ни дружины и обыватель на подъем тяжел. От этого пожара не пострадали другие строения только по тому, что ветер все время отбрасывал пламя на незастроенную сторону. Неужели можно надеяться на такую “пожарную команду”, в которой имеются “машины калеки”, две измученных старых лошади, да несколько человек пожарных, совершенно неприспособленных к делу. Неужели горожане сами не могут додуматься, что устроить собственную пожарную дружину является насущной надобностью. При осуществлении этого были бы хотя более расторопные и бойкие пожарные руки».

Сольвычегодские власти не отставали от губернских по части постановлений о городском благоустройстве. Собрание городских уполномоченных в 1911 году разработало обязательные постановления о мерах безопасности от бродячих собак и о езде на велосипедах. О защите животных в те времена мало кто думал, а потому собаки без особых металлических значков, выданных городской управой, без ошейников и намордников, «если не сопровождают на привязи своих хозяев, признаются бродячими и подлежат ловле и истреблению». Собак, которых признавали бешеными, уничтожали немедленно. С велосипедистами поступали не в пример гуманнее. «Езда на велосипедах по городским улицам допускается во всякое время лицам, получившим на то разрешение в установленном порядке от городского управления, за исключением малолетних до пятнадцатилетнего возраста. Езда на велосипедах воспрещается по тротуарам улиц, бульвару, а также и по улицам во время крестных ходов, похорон и процессий. Велосипедисты должны иметь днем звонок, а по наступлении темноты зажженный фонарь. Быстрая езда по городу, в перегонку, воспрещается. Обгоняя пешехода или экипаж, велосипедист должен заблаговременно дать звонок и при этом ехать умеренным ходом. В местах большого скопления публики и экипажей, во время существующих в городе ярмарок и торжков, велосипедист должен сойти с велосипеда и вести его руками. В случае беспокойства лошадей от появления едущего велосипедиста последний обязан остановиться, сойти с велосипеда и, по возможности, скрыть его от испуганной лошади».

Почтенная цифра

В 1908 году собрание городских уполномоченных составило обязательные правила об открытии и содержании пивных лавок. Надо полагать, что пивные лавки и их завсегдатаи доставляли немало беспокойства сольвычегодцам, а потому устроенные по этим строгим правилам лавки «Должны помещаться исключительно в нижнем этаже занимаемых зданий <…> и не должны иметь никакого сообщения ни с другими заведениями, ни с жилыми помещениями, не исключая квартиры хозяина и приказчиков. Должны иметь только один вход и выход для посетителей с улицы. Пивные лавки не могут быть открываемы ближе 20 саженей от храмов и учебных заведений. Окна во время торговли запрещается занавешивать и закрывать. <…> Содержатели заведений, их заместители и приказчики должны быть всегда трезвы, чисто одеты и вежливы; не должны допускать, чтобы посетители напивались до охмеления; они обязаны принимать меры к предупреждению и прекращению ссор и буйства и немедленно извещать полицию о всяком происшествии и беспорядке. <…> Посетители заведения по требованию хозяина или приказчика и их заместителей, должны оставлять заведение. В пивных лавках запрещаются всякие сборища и недозволенные игры». Мало того, возле пивных лавок запрещалось устанавливать скамейки, столы и останавливаться для распития спиртных напитков. Нужно сказать, что продажу спиртных напитков в Сольвычегодске городские власти ограничивали как могли и все же… В 1911 году сольвычегодский корреспондент Вологодских губернских ведомостей в заметке под названием «Хроника городской жизни» пишет: «Но нельзя пожаловаться на торговлю в сольвычегодской казенке[71]. В год она сбывает своего товару свыше сорока тысяч ведер. Для Сольвычегодска это почтенная цифра». С учетом того, что Сольвычегодск в те годы не был ни центром туризма, ни курортом, и жили в нем за редким исключением лишь те, кто там родились, а приезжими были немногочисленные уездные крестьяне, это не почтенная, а просто огромная цифра. По данным губернского статистического комитета в том году население Сольвычегодского уезда вместе с Сольвычегодском составляло без малого полтораста тысяч населения. Выходит, что на каждого жителя уезда и города приходилось, в пересчете с ведер на литры, по 45 литров водки в год[72], включая беззубых младенцев и таких же беззубых стариков со старухами. В день, конечно, выходит всего-то по маленькой, но пить нужно всем и весь год, не исключая выходные, праздники и посты. Без скидок на возраст, болезни, семейное и материальное

положение. Понятно, что какую-то часть этого водочного моря выпивали и увозили с собой приезжие, но Сольвычегодск в те времена, да и сейчас, не перекресток больших дорог, а потому на приезжих много не спишешь. Такое повальное пьянство неминуемо приводило к дракам, а драки к уголовным преступлениям.

Вот что писал в том же одиннадцатом году на эту тему «Вологодский листок»: «Недавно окончила свои заседания выездная сессия Вологодского окружного суда., длившаяся с 17 по 28 мая <...> На скамье подсудимых сидели самые обыкновенные деревенские люди, обвиняемые в убийстве таких же крестьян, как и они сами. Это не убийцы или люди с испорченной злой волей, злодеи-разбойники. Нет, здесь дело обстоит гораздо проще. Эти, сегодняшние преступники-убийцы, вчера еще были самыми заурядными, обыкновенными поселянами. Пришел деревенский праздник, эти поселяне выпили со своими соседями, затем поссорились и подрались, а в драке разгорячились и дело дошло до того, что одна из сторон явилась сильно потерпевшей, ей нанесены сильные побои, угрожавшие жизни опасностью, а далее смерть. Составилось дело: приехал судья и осудил буянов в каторгу. Так, например, за этого рода убийства ушли на каторгу сразу – отец и его три сына, каждый на четыре года. Разорение хозяйства; дома после них остались мать, жены, внучата отца, а сыновей – дети».

Еще две цитаты из «Вологодского листка» тринадцатого года о том же: «Если вы спросите сольвычегодского обывателя о местной торгово-промышленной жизни и если он захочет ответить вам вполне добросовестно, то вряд ли он сможет указать на что-нибудь иное, кроме производства калачей и широко развитой торговлей “монополькой”. Впрочем, вам об этом незачем и спрашивать обывателя. Сольвычегодского промышленника вы всегда можете увидеть у казенки: стоит он испитой, сонный, раздерганный. Стоит и ругается. В правой руке у него “половинка”, а в левой калач. В “половинке” – на донышке, а калач только начат, хоть еще к нему “половинку” прикупай…».

«В нашем небольшом городе наблюдается большое пьянство. По утрам у “монопольки” всегда большие очереди. Существуют здесь довольно суровые правила о закрытии казенок, пивных и ресторанов в праздничные и предпраздничные дни. Казенки у нас закрываются и в будни в обеденные часы. За соблюдением этих правил здесь довольно строгий надзор. Но и в дни закрытия казенок пьяных на улице много. Во все дни набора новобранцев, например, все места с крепкими напитками были закрыты. Между тем пьянство продолжалось все эти дни в больших размерах. Объясняется это тем, что у нас в широких размерах практикуется тайная продажа водки. Полиция должна обратить особое внимание на эти тайные места продажи водки, иначе самое строгое соблюдение правил о продаже питей в разрешенных местах будет и впредь сводиться на нет».

«Вологодский листок» регулярно писал о драках, грабежах, смертельных случаях, виновником которых была водка. Вот лишь несколько примеров. В самом конце декабря двенадцатого года «крестьянин Я.В. Синицын, возвращаясь в нетрезвом виде домой из деревни Кночихинской, вместе с крестьянином Е.М. Чупраковым, повстречали на пути крестьянина Н.И. Чупракова, который взяв Синицына за руку, стал упрашивать его зайти в дом крестьянина деревни Меньшой Е.А. Старцева. Последний согласился на их предложение, и они зашли. Тогда Чупраковы, заперев двери, стали обыскивать Синицына, у которого отобрали силой бывшие с ним 3 р. 80 к. и удалились. Дело передано судебному следователю первого сольвычегодского участка». В начале февраля тринадцатого года «во время свадьбы в доме крестьянина Сольвычегодского уезда Метлинской волости, деревни Малого Соколова, С.В. Мелентьева скоропостижно умер от излишне выпитого вина крестьянин К.П. Курикаев, 45 лет». В ночь на четвертое марта «сапожный мастер при двухклассном Никитинском министерском училище, крестьянин Черевковской волости деревни Акимовской Подойницын 39 лет возвращаясь в пьяном виде домой из деревни Фроловской, по случаю метели сбился с дороги и замерз. Девятого марта крестьянин Алексеевской волости деревни Городищенской Василий Посеговский 75 лет, выходя из чайной в г. Красноборске на улицу, будучи в нетрезвом виде, свалился с лестницы и,

ударившись головой о крыльцо, того же числа, не приходя в сознание, скончался». И таких случаев было не один, не два и не десять…

Некоторое представление о том, за что судили жителей Сольвычегодска и уезда в начале двадцатого века, дает список дел, назначенных к слушанию с участием присяжных заседателей в г. Сольвычегодске в декабре десятого года. Мещанина Петра Махаева судили за кражу со взломом, крестьянку Наталью Смиренникову за покушение на поджог с умыслом обитаемого дома, за то, что скрылась с места преступления и ничем не доказала раскаяния, крестьянку Миропию Сумкину за ложные доносы, крестьян Ивана Кузнецова и Гавриила Базилина за разбой с нападением, причем за разбой с отягчающими обстоятельствами – истязанием и нанесением побоев, а крестьянина Егора Сметанина за нанесение тяжких увечий.

Крестьянин Иван Вяткин обвинялся в том, нанес оскорбительным действием личную обиду родителям, а также как сын, дерзнувший одному из родителей своих или обоим нанести раны, или увечье, или причинить иное телесное повреждение. По этой же, что и Вяткина, статье Уложения о наказаниях уголовных и исправительных обвиняли крестьян Василия Новикова, Герасима Кашинцева, Дмитрия Скрылева, Ивана Шкрябина и Ерофея Маневского.

Мещанина Ивана Кропухинского, крестьян Якова Орлова, Никиту Анисимова, Дмитрия Шестакова, Алексея Губкина, Петра Осинкина, Зиновия Севостьянова, мещан отца и сына Брызгаловых судили за побег из арестантского помещения при волостном правлении и за насилие над стражами. Брызгаловых вместе с крестьянином Терентием Труновым судили еще и за ограбление церкви и церковной ризницы. Григорий Некрасов попался в третий раз на краже, крестьянин Константин Кондаков попал на скамью подсудимых за грабеж, соединенный с насилием и за то, что угрожал ограбленному. Крестьяне Василий Голдин, Илья Баландин, Андрей Синицын, Дмитрий Поротов, Иван Поспеловский обвинялись в причинении кому-либо с умыслом тяжких, подвергающих жизнь его опасности, побоев или иных истязаний, или мучений. Крестьянин Василий Суетин за нанесения тяжких увечий или произведение неизгладимых на лице обезображений без обдуманного заранее намерения, в запальчивости и раздражении, а также за нанесение ран или иного повреждения, без обдуманного заранее намерения в запальчивости и раздражении. По этой же статье обвиняли крестьянина Осипа Останина.

Несколько дел было связано, как определялось Уложением о наказаниях того времени, с нанесением ран или иных повреждений без обдуманного заранее намерения в запальчивости и раздражении, а вот крестьянина Федор Дементьев обвиняли уже не в нанесении ран, а в убийстве без обдуманного заранее намерения в запальчивости и раздражении. Скорее всего эти раны и повреждения без обдуманного заранее намерения и даже убийства совершались в состоянии алкогольного опьянения. Крестьян Ивана Софьина и Павла Клочихина судили за убийства с обдуманным заранее намерением и умыслом.

Убийства на почве ревности были редки. Об одном таком случае «Вологодский листок» зимой тринадцатого года писал: «В ночь на 30 января, крестьянин Ильинско-Подомской волости, деревни Фоминской, П.А. Захаров, 25 лет, на почве ревности задушил свою жену Феодосью Степанову, накинув ей на шею веревку, а затем подвесил ее на перекладине в сеннике, где, по словам Захарова, он нашел ее с неизвестным ему мужчиной, скрывшимся за темнотой ночи, в интимных отношениях. Дело передано по подсудности».

Всех этих преступников, находящихся под следствием и отбывающих сроки тюремных заключений, нужно было где-то содержать. На весь Сольвычегодский уезд и город Сольвычегодск в начале двадцатого века была всего одна тюрьма, в которой могло содержаться не более пятидесяти заключенных. Этого помещения хватало, но при той огромной территории, которую занимал уезд в то время, доставить человека к месту заключения было не так-то просто. То есть просто, но медленно, поскольку добирались арестанты в городскую тюрьму пешком, в сопровождении десятского или сотского, а поскольку в дороге приходилось порой проводить не один и не два дня, то возникали

довольно курьезные ситуации. В письме, направленном в Сольвычегодскую земскую управу в сентябре 1900 года, говорится об устройстве еще одной тюрьмы в глубине уезда, по возможности ближе к отдаленным населенным пунктам уезда и в местности с большей плотностью населения потому, что «<…> жителя Гавриловской волости, приговоренного земским начальником к аресту на два или три дня, ныне приходится, для отбывания этого наказания, посылать верст за двести или за триста в город Сольвычегодск, а так как это расстояние нельзя пройти менее, чем за пять дней, то весь срок, назначенный по приговору, осужденный вынужден бывает провести на пути следования к месту заключения в сопровождении сотского или десятского. Между тем, по закону, время, проведенное на пути следования к месту заключения должно быть засчитано в срок ареста, назначенного по приговору суда, вследствие чего на практике, в силу изъясненных обстоятельств, часто возникают значительные затруднения, например: как поступать с арестованным, которому срок ареста, назначенного по приговору, окончился на половине дороги с местожительства до г. Сольвычегодска – следует ли в таком случае довести его до места заключения, или же отпустить с половины пути на свободу? Если довести до места заключения, т.е. до Сольвычегодского арестного дома, то арестованный пробудет под присмотром или, что то же самое, под стражей, лишних два-три дня, что незаконно, а если отпустить его с половины дороги, то опять вопрос: кто должен это сделать, можно ли возложить сию обязанность на сопровождающего арестанта сотского или десятского?»

Восемь копеек в сутки

Нужно сказать, что Сольвычегодская тюрьма не была тем местом, из которого невозможно было убежать. Побеги оттуда не были чем-то исключительным. Сольвычегодское уездное полицейское управление время от времени публиковало в губернских ведомостях объявления о розыске беглецов. Арестанты бежали и по одному, и группами.

Больше всего, однако, было объявлений о розыске ссыльных, с завидной регулярностью скрывавшихся из-под гласного и негласного надзора полиции. Недели не проходило, чтобы в губернских ведомостях Сольвычегодское уездное полицейское управление или Сольвычегодский уездный исправник не сообщали о розысках пропавших ссыльных[73]. К концу первого десятилетия прошлого века Сольвычегодск и уезд превратились в место ссылки огромного количества крестьян, мещан, почетных граждан, студентов и даже дворян из самых различных губерний Российской империи[74]. Некоторые приезжали в ссылку целыми семьями, и местные власти не знали, куда их расселить. В 1909 году Сольвычегодский уездный исправник Василий Цивилев писал начальнику Вологодского губернского жандармского управления: «Город Сольвычегодск – городок маленький, населенность его до 1600 жителей обоего пола, квартир ограниченное количество, а ссыльных одних более 300 человек, в числе их семейных 52 человека и детей у них 87 человек, последствием чего не представляется никакой возможности воспретить им совместное жительство группами, живут не более 10–12 человек, а не 20. В таких квартирах есть семейные, что же касается наблюдения за таковыми квартирами, то таковое есть и имеется более бдительное. В таких квартирах против других чаще производятся обыски, особенно которые навлекают на себя малейшие в чем-либо подозрения. Воспретить жительство группами невозможно при отсутствии квартир; и вынужденным даже нашел разрешить ссыльным квартировать по селениям вблизи города ввиду полного отсутствия квартир, затем не могу умолчать и о том, что, если какой-либо ссыльный дает повод подозревать его в чем-либо неблаговидном, такого ссыльного тотчас высылаю в уезд в волость, а там уже за ним учреждается более строгий надзор чрез урядника и сторонних при посредстве урядника»[75].

К политическим ссыльным власти предписывали относиться более строго, и на них накладывался целый ряд ограничений. В Сольвычегодске им запрещалось выходить

навстречу прибывающим этапом ссыльных, гулять и охотиться группами, даже небольшими, гулять в вечернее время по набережной Вычегды, останавливаться на улице при встрече друг с другом, посещать пароходную пристань, особенно во время прихода парохода, кататься по Вычегде на лодке, гулять после полуночи, выходить за черту города, провожать ссыльных, отбывших срок ссылки. Запрещалось кататься на коньках на катке, ходить с деревянными палками, читать, хранить газеты и книги, брать заработки, посещать спектакли, за нарушение чего установлен штраф в сумме стоимости входной платы за спектакль, иметь квартиры у чиновников, учителей, в домах, где имеются торгово-ремесленные предприятия, и хоронить коллективно умерших товарищей.

Катались ли политические ссыльные на коньках и ходили ли они с деревянными палками, мы доподлинно не знаем, но книги и газеты, в том числе и те, которые издавались нелегально[76], они читали, за черту города выходили и не только останавливались при встрече друг с другом, но и общались между собой так активно, что устраивали собрания, на которых спорили до хрипоты, выясняя отношения между большевиками, меньшевиками, эсерами, анархистами, социалистами-революционерами и националистами. Мало того, еще и самовольно уходили на железнодорожную станцию Котлас на заработки, поскольку в Сольвычегодске и уезде трудно было заработать. Прожить на мизерное пособие, которое полагалось ссыльным от правительства, было крайне сложно, если не невозможно. Уследить за всеми сольвычегодская полиция не могла, и потому вынужденно смотрела на отлучки сквозь пальцы. Впрочем, даже при том, что на многое полиция закрывала глаза, в сольвычегодской тюрьме за нарушение этих правил постоянно сидели то одни, то другие ссыльные, отбывая административный арест.

Вот что писал в связи со сложившейся ситуацией уездный исправник вологодскому губернатору: «Водворенные на жительство в г. Сольвычегодск административно-ссыльные из рабочего класса в последнее время начали усиленно самовольно группами выбывать на станцию Котлас, так как товарищи им пишут, что там по их словам можно найти заработки и тем поддержать свое существование, ссылаясь на то, что на получаемое ими в пособие восемь копеек в сутки[77] существовать немыслимо, и в г. Сольвычегодске никаких работ положительно нет, что в действительности справедливо. Об изложенном доношу Вашему Превосходительству на распоряжение и прошу дать мне знать, как поступать мне: при этом докладываю, что силой задерживать помянутых ссыльных не представляется никакой возможности, потому что они выезжают скрытно и при том уследить за каждым ежеминутно – немыслимо при таком количестве ссыльных, возвращать оттуда силою стражи будет бесцельно, да и вызовет скандал. Станция Котлас находится в пределах Устюгского уезда на границе Сольвычегодского уезда и в двадцати верстах от города Сольвычегодска. На предложение ссыльным обратиться к Вашему Превосходительству за разрешением отзываются, что времени много напрасного пройдет в ожидании разрешения, а теперь, пока есть работы, надо ими дорожить, и что они никуда не скроются и придут обратно».

Нужно сказать, что и те копейки, которые полагались ссыльным от правительства, выдавались крайне нерегулярно. В начале марта 1908 года двести человек ссыльных пришли к зданию уездного полицейского управления с требованием выдать им причитающиеся кормовые и одежные деньги. Цивилев в ответ на эти требования приказал избить просителей прикладами ружей, что и было немедленно исполнено. Как обычно бывает в таких случаях, исполнители вошли в раж и перестарались – ссыльные были не только избиты прикладами, но и получили штыковые ранения. В результате было избито до смерти несколько человек. Докладывая об этих событиях вологодскому губернатору, Цивилев писал: «<…> Видя, что толпа ссыльных увеличивается, я отдал приказание Полицейскому надзирателю предупредить собравшихся ссыльных, чтобы они разошлись по квартирам, но это требование ими не было исполнено. Тогда я предложил Помощнику Исправника разогнать толпу силою оружия. На предупреждение Помощника моего о том, чтобы ссыльные немедленно разошлись, в противном случае толпа будет разогнана силою

оружия, вся толпа как один человек закричала, что расходиться никто не будет, что бы с ними ни делали, и что они ничего не боятся. После этого толпа ссыльных еще два раза была предупреждена Помощником, но так как ссыльные подчиняться сему требованию не захотели, то и было отдано приказание полицейской страже разогнать толпу силою оружия, которые дружно прикладами ружей моментально же разогнали толпу».

В скобках заметим, что начальство Василия Цивилева его рвение без внимания не оставило. Первого января десятого года высочайшим приказом по гражданскому ведомству ему дали орден Св. Станислава второй степени.

В микроскопических долях

Оставим ссыльных и обратимся к жизни обычных горожан и жителей уезда. В январе четвертого года началась «маленькая победоносная война» с Японией. В конце марта Сольвычегодское Чрезвычайное Земское Собрание ввиду военных событий на Дальнем Востоке постановило: ассигновать на усиление флота и в распоряжение Российского Общества Красного Креста по тысяче рублей. Вологодский уездный исправник собрал и передал в Вологодский дамский комитет восемь пар валенок, два полушубка, пять рукавиц, пять портянок, пару валенок, сорок аршин холста, четыре пары сапог, шесть полотенец, одну фуфайку и около восьмидесяти аршин кретона. Председателем Сольвычегодского Съезда были собраны одна овчина, два полотенца, один платок, одна рубашка, одна пара кальсон, две пары валенок и один револьвер. Крестьяне Сольвычегодского уезда от города не отставали. Волостной сход Ильинско-Подомской волости пожертвовал пятьсот рублей на усиление военного флота, за что его императорское высочество государь наследник и великий князь Михаил Александрович соизволил выразить им искреннюю благодарность через Вологодские губернские ведомости. Император повелел «Искренно благодарить Сольвычегодское Городское Управление за выраженные по поводу событий на Дальнем Востоке верноподданнические чувства и пожертвования».

Сольвычегодский Дамский комитет, организованный в срочном порядке в начале февраля[78], передавал в Вологодский Дамский Комитет Красного Креста кальсоны, рубашки, портянки, наволочки, тюфяки, простыни, полотенца... Закупали для кисетов чай, сахар, табак, курительную бумагу, папиросы, мыло. Сольвычегодские чиновники и учителя Сольвычегодского городского училища стали отчислять по одному проценту от жалованья на усиление военного флота. Чины сольвычегодской полиции пожертвовали около восьми рублей на сооружение миноносца, а с младшего штатного контролера Быстрова удержали на эти цели двадцать шесть копеек. В конце августа губернские ведомости стали регулярно публиковать списки нижних чинов Вологодской губернии, убитых, умерших и раненых в войну с Японией. В этих списках конечно же были и сольвычегодцы – убитые, раненые и пропавшие без вести.

Из журналов очередной сессии 1908 года Сольвычегодского уездного земского собрания. Прошение крестьянского сына Метлинской волости деревни Емышева Николая Александрова Пантелеева в Сольвычегодское уездное земское собрание через земскую управу. «В настоящем году я окончил курс учения в Сольвычегодском городском 4-х классном училище, но вновь желаю продолжить учение в Тотемской учительской семинарии, но на это не имею средств; так как хозяйство наше крестьянское бедное, нет ни отца, ни матери, один брат без ноги, которой лишился в русско-японскую войну, второй брат на военной службе, еще два брата малолетние, а сам же я хром на левую ногу. А потому покорнейше прошу земскую управу соблаговолить предложить предстоящему земскому собранию не найдет ли оно возможным дать мне стипендию для продолжения учения в учительской семинарии. 1908 года 21 Августа. Николай Пантелеев».

Кончилась война с Японией – начались революционные беспорядки пятого и шестого годов. Во многих волостях Сольвычегодского уезда открыто и публично стали уничтожать портреты царского семейства. В ноябре учащиеся Сольвычегодского

городского училища прошли по улицам города под красным флагом и лозунгами «Да здравствует свобода!» и «Долой самодержавие!». В середине декабря пятого года в Семеновской волости в уничтожении царских портретов принимали участие волостной старшина и волостной писарь. Часто в таких акциях принимали участие сельские учителя. В феврале сельская учительница распространяла среди крестьян Сольвычегодского уезда запрещенную брошюру социалистов-революционеров «Хитрая механика. Правдивый рассказ откуда и куда идут мужицкие денежки». В середине октября шестого года крестьяне Пучужского общества Афанасьевской волости Сольвычегодского уезда составили приговор о захвате земли у частных владельцев и о разделе ее поровну между собой. Приговор этот начали приводить в исполнение немедленно. Власти, понятное дело, такие действия пресекли, и часть крестьян была посажена в тюрьму, а часть отдана под особый надзор полиции.

В 1908 году наконец решилась судьба многострадальной богадельни и капитала, подаренных городу купцом Ждановым еще в 1784 году. Возможности построить или купить дом для богадельни на ту маленькую сумму, которая осталась от продажи старого и пришедшего в совершенную негодность дома с землей, в котором жили призреваемые, не было никакой. Собрание городских уполномоченных г. Сольвычегодска, состоявшееся 9 августа 1907 года, возбудило ходатайство о разрешении соединить капитал Алексея Косьмича Жданова с капиталом тайного советника Ивана Степановича Хаминова, имени которого в г. Сольвычегодске уже существовала богадельня. Решено было на эти общие средства и содержать тринадцать человек призреваемых на капитал Хаминова и четверых призреваемых на капитал Жданова, присвоив при этом четырем кроватям наименование Алексея Косьмича Жданова. Это ходатайство губернатором было представлено на усмотрение министра внутренних дел, и со стороны министерства не встречено препятствий к удовлетворению этого ходатайства.

Сведений о повседневной обывательской жизни города Сольвычегодска тех времен в печати сохранилось очень мало, и потому процитируем их почти полностью, с минимальными купюрами. В конце лета и осенью одиннадцатого года в «Вологодском листке» были напечатаны несколько заметок сольвычегодских корреспондентов, из которых можно составить общую картину культурной жизни города и уезда.

«По до сих пор еще остается открытым вопрос, будет ли в Сольвычегодской прогимназии пятый и следующие классы, или ей суждено остаться при четырех только классах. Все зависит от учебного округа. Как будет решен этот вопрос там. Для г. Сольвычегодска, конечно, очень важным было бы иметь у себя шестиклассную прогимназию и даже полную гимназию. На пятый класс земство средства отпускает.

Развлечения в г. Сольвычегодске. В нынешнее лето сольвычегодцам в этом отношении, можно сказать повезло. Смотрели на бег известного бегуна, “человека сокола”. В местной чайной общества трезвости давались вечерние магические сеансы – “волшебный кабинет” или “таинственная пещера чудес Бен Али Бея”. Но такого шарлатанства г. Сольвычегодск, кажется, еще никогда не видел несмотря на то, что такие места, как он, часто посещаются в летнее время всякого рода предприимчивыми развлекателями захолустных жителей. Были спектакли, был концерт, об этом в другой раз.

Тихими шагами, медленно и в микроскопических долях, но все же культура проникает и в такие заброшенные уголки, как Сольвычегодск. Благами технического прогресса цивилизованный мир пользуется и давно, и в огромных размерах. А глухие места России лишь за последнее время стали приобретать крупицы этих благ. Вот и наш город надумал обогатиться приобретением четырех фонарей керосинокалильного освещения; одни из них уже действует и ярко освещает вокруг себя дорогу прохожим. Конечно, четырех фонарей для города слишком мало, но сольвычегодцы и этим гордятся, надеясь, что в будущем им удастся поставить их больше. Фонари заводятся – один на средства городского управления, два – на счет земства и один поставил купец Х.

Развлечения. Каждую неделю у нас ставится спектакль, или дается концерт, а то еще что-либо. Проезжих развлекателей в этом году хоть отбавляй. Но среди них слишком мало лиц, игру и исполнения которых можно смотреть и слушать с удовольствием для себя. В этом отношении нужно отметить концерт артистов Петербургских театров Т. Дарьяни и А. Нинобарро при участии пианистки О. Е. Полевицкой. Нежное сопрано и умелое владение голосом г-жи Дарьяни и мягкий баритон с хорошим исполнением г. Нинобарро сольвычегодцам доставили хорошее удовольствие. Подбор номеров был очень недурен. Особенно хороши ария из оперы "Севильский цирульник" музыка Россини (Дарьяни), "Христос Воскрес" романс, муз. Рахманинова (Нинобарро) и ноктюрн "Крики чайки" дуэт, муз. Гроздского (Дарьяни и Нинобарро). В последние дни второй спектакль ставит "Северное передвижное товарищество русских драматических артистов", при участии артиста С.-Петербургского театра ужасов А.А. Яковлева. Это товарищество в нынешнее лето давало не раз в Сольвычегодске спектакли, но переменный состав артистов дает неровную игру. Одни вещи были исполнены не совсем плохо, но про другие не приходится говорить. Игра г. Яковлева недурна, но гг. Бор-Раменский и другие, или новички, или просто неудачники на театральной сцене.

Жизнь Сольвычегодска за последнее время идет тихо и спокойно. На дворе осень. Давно идущие дожди окончательно уничтожили летнюю погоду. Мрачно, сыро и неприветливо на улице, скучно и дома. Но обыватели, лишь вечер настанет, сидят себе дома. Так много было развлечений летом; теперь все приутихло, замолкло кругом.

Любительский театральный кружок лишь подумывает давать спектакли, но их нет теперь. Нет жизни и в клубе – там идет ремонт помещения. Скучная картинка. Лето быстро пролетело. А как коротко оно здесь: июнь, июль, вот и все; май и август – их нельзя относить к лету, это переходные месяцы, они и холодные, и дождливые. Некоторое оживление на улице за последние дни внесло прибытие запасных. Бойче заторговала казенка, лавки пивные пооживились и в ресторане шумнее стало. Кстати сказать, к чести Сольвычегодска, в обыкновенное время эти учреждения, в особенности пивные лавки и ресторан, оживляются лишь в воскресные дни, да в большие праздники, а в будни они мирно отдыхают. В это время их покой нарушит разве завсегдатай, да случайно забредший прохожий, иль просто человек, захотевший вдруг выпить "пару пива" с приятелем. <…> Оглянешься кругом, везде все мирно и тихо. На улицах больше бродит коров и лошадей, чем людей. Общественные интересы узки и ограничены лишь скромными заботами о ведении повседневных общественных дел, расширить и углубить которые сольвычегодцы, по-видимому, не в силах. Но область общественных интересов мы сейчас оставим, об этом после; в этой заметке отметим еще одно нововведение в нашем городе, оно не общественное, а частное. <…> У нас явилось и электричество, но только не у города, а у купца Х. Х-ов устроил у себя электрическую станцию и ярко осветил свой дом и внутри, и снаружи. Хотелось иметь у себя кое-кому и другому электрическое освещение, да дорого заводить свою станцию, а от станции г. Х. поживиться электричеством не приходится, там его лишь только для себя. Что стоило бы г. Х. завести больших размеров динамо-машину и тогда имели бы у себя электрическое освещение и другие.

После долгого летнего перерыва, 26 сентября любителями сценического искусства дан был первый спектакль. Шла пьеса Потапенко "Чужие". Спектакль организован был с благотворительной целью – на усиление средств по устройству детского садика в Сольвычегодске. Спектакль прошел дружно и оживленно, привлек много публики и дал удовлетворительный сбор. Сольвычегодцам редко приходится видеть на своей крошечной сцене, в чайной общества трезвости, а еще реже вполне хорошее исполнение. Оставляя недочеты отдельных лиц, про исполнение пьесы можно сказать, что оно прошло хорошо и общее впечатление от игры осталось приятное. Цель спектакля вполне симпатичная. Детский садик для Сольвычегодска очень желателен и усиление средств на его устройство дело прекрасное. В скором времени предполагается несколько спектаклей этого же кружка в пользу женской прогимназии, на усиление средств народных развлечений и т.д. 21

октября в с. Метлино, в версте от Сольвычегодска, происходило торжество открытия памятника императору Александру Второму. После литургии в соборе, из города в село направился крестный ход в сопровождении всего городского духовенства во главе с архимандритом, настоятелем Введенского монастыря. После молебствия и водосвятия у памятника присутствующие чины уездной администрации и гости направились в волостное правление, где им предложен был чай. Торжество прошло довольно скромно, без речей. Памятник представляет скромный вид – небольшой каменный пьедестал с бронзовым бюстом. Постановка его обществу стоит около трехсот рублей. Место для памятника выбрано неудачно. Он поставлен в проходе между зданиями – волостного правления и квартирой писаря – и поэтому теряет свой вид, он почти незаметен. Инициатива в постановке памятника принадлежит крестьянам Метлинской волости.

Много и давно говорилось о том, как бы Сольвычегодскому кружку любителей драматического искусства поставить спектакль для народа. Разговоры остались небесплодными. 23 октября кружок под распорядительством Н.А. Лаврова дал народный спектакль. Шла пьеса в трех действиях Куликова “Ворона в павлиньих перьях”. Сама по себе веселая, пьеса проведена была любителями недурно. Спектакль шел днем, по удешевленным билетам – пять копеек за вход, и в праздничный день. Все это сделало его общедоступным и привлекло полный зал зрителей. Преимущественно посетителями явился простой народ.

В Сольвычегодске народные развлечения почти отсутствуют. Нет народных чтений, не показывается туманных картин. Простой народ очень и очень редко получает здесь разумное развлечение. Поэтому весьма желательно, чтобы кружок любителей и впредь не забывал бы про народные развлечения».

В том же одиннадцатом году через северные уезды Вологодской губернии проехал губернатор. Заехал он и в Сольвычегодск. Поездка его была связана с наделением бывших государственных крестьян землей. Освободили крестьян полвека назад, землей они пользовались, но… юридически ей не владели, то есть не являлись ни общественными, ни личными ее собственниками и не имели никаких документов на право земельной собственности. За пятьдесят лет этот вопрос поднимали не раз, собирали совещания, принимали резолюции, но так ничего и не решили. В Сольвычегодске губернатор совещался с членами землеустроительной комиссии, земскими начальниками уезда, лесничими, заведующими уделами и… снова ничего не решили. Пришли, конечно, к выводу о необходимости наделения бывших государственных крестьян Сольвычегодского уезда землей, в форме закрепления ее в их личную собственность, но не наделили. Присутствовавший на совещании чиновник земского отдела министерства внутренних дел стоял на том, что «разрешение этого вопроса в данное время является не вполне своевременным ввиду недостаточного обследования его на местах». Через шесть лет этот вопрос решится самими крестьянами, и не на совещаниях, а пока…

Одиннадцатого октября Сольвычегодское уездное собрание открылось речью председателя, в которой он предложил почтить память трагически погибшего председателя совета министров П.А. Столыпина вставанием. Отслужили по предложению председателя в здании земской управы панихиду, послали по телеграфу вдвое покойного соболезнование и решили отправить триста рублей на постройку памятника Столыпину в Киеве. После этого стали обсуждать самые различные вопросы – открыли должности четырех фельдшеров в уезде, вторую должность провизора при городской больнице, еще одного аптекарского ученика. На втором заседании решили просить у правительства второго агронома в уезд, принятия на счет казны половины расходов на открытие сельскохозяйственной школы, а другую половину оплатить за счет земства…

Корреспондент «Вологодского листка», присутствовавший на всех заседаниях этой сессии уездного собрания, писал: «На заседаниях все вопросы рассматривались очень скоро. При обсуждениях один вопрос мчался за другим. Все подготовлено и решено было заранее управою. В большинстве случаев вопросы решались по ее заключениям и

выходило, что как будто бы собрание было созвано лишь санкционировать постановления земской управы, а не для самостоятельного решения вопросов земского хозяйства. Серьезных прений нет: слышатся лишь отдельные замечания председателя или влиятельных гласных, перекидываются парой-другой слов, и только разговор становится оживленнее, когда дело доходит до более или менее крупных ассигнований. В таких случаях вмешиваются в разговор более молчаливые гласные – крестьяне. За деньги они держатся крепко. Это часто ведет к нежелательным явлениям., сокращаются такие ассигнования, которые имеют крупное культурное значение. Но что поделаешь, когда им еще не все понятно, они мало подготовлены к общественной самодеятельности. Общее впечатление собрание оставляет все-таки невыгодное для сольвычегодских земцев. Наблюдается слаборазвитая общественная самодеятельность, узость интересов и отсутствие энергичных общественных деятелей с широким кругозором и сильной речью. Хозяйство больше вертится вокруг малых дел. От этого цели и задачи истинного социального прогресса стушевываются и скорее наблюдается стремление к мелкому шаблону, который хорошо характеризуется словами: полегонечку, да помаленечку».

Несколько слов о промышленности города и уезда в последние семнадцать лет существования Российской империи. Если в одном предложении, то ее как не было – так она и не появилось. Если в нескольких, то ярмарки… нечего и говорить о ярмарках, которые едва сводили концы с концами. «Вологодский листок» в двенадцатом году писал о том, что они имеют убогий вид, а Введенская ярмарка в Сольвычегодске торгует лишь одной сайдой. Кроме того, бездорожье приводит к тому, что уездным крестьянам на ярмарки можно добраться лишь с большим трудом. Практически отсутствовала даже кустарная промышленность. Крестьяне, как и сто, и двести лет назад, выживали за счет охоты, рыбной ловли, смолокурения и рубки леса. Только смолокурение смогло немного встать на ноги потому, что правительство предоставило крестьянам-смолокурам право на бесплатное пользование пнями, корнями и прочими материалами для нужд смолокурения. К началу девятого года в уезде работало тридцать два смолокуренных завода. Основную часть доходов, составлявших три четверти всего бюджета, сольвычегодские власти получали из сборов с недвижимых имуществ и преимущественно с земель и лесов.

С ремеслами и ремесленниками дело обстояло ничуть не лучше, чем с промышленностью, если судить по заметке в «Вологодском листке» начала апреля тринадцатого года.

«Как ни мал Сольвычегодск, а в нем и для такого захолустного города творится что-то странное. Возьмите вы любое ремесло и везде, кроме жалкого прозябания, вы ничего не увидите. У нас есть до десятка сапожников и, тем не менее, вы, если вам понадобится обувь, вынуждены будете купить какое-нибудь гнилье в лавке. У нас есть лудильщики, слесаря и – некому отдать вылудить самовар, чтобы его не прожгли в нескольких местах, некому починить самый простой замок. Есть портные и некому сшить мало-мальски сносный костюм. Есть у нас немало и столяров, существует даже ремесленная школа, а достать самый простой табурет из сухого дерева, табурет, который не развалился бы после двух-трех дней употребления, – такого табурета вам в Сольвычегодске ни за что не достать. Дома строят отвратительно. В холодное время в них только на печке и спасение. Но и печи, едва успели их сложить местные мастера, разваливаются и дымят. Даже печные трубы вычистить – и то вы не найдете исправного трубочиста.

И так – везде и во всем. Но если вы отсюда сделаете вывод, что Сольвычегодск нуждается в умных и добросовестных ремесленниках, то вы жестоко ошибетесь. Хорошему, добросовестному мастеру у нас делать нечего и если бы такой появился, то, наверное, погибли бы с голоду. Хороший матерьял стоит денег, хорошая работа – времени. А нам надо, чтобы все стоило грош, да и то, по возможности, в кредит. При таких заказчиках и трезвому мастеру немудрено запить горькую: “чтобы этих одних подлостей ихних мои глазоньки не видели…”. <…> Получается какой-то заколдованный круг. Ремесленники гибнут от безработицы, заказчик стонет – нет хороших мастеров».

Автор этих заметок, подписавший их «Old Tramp», рисует даже не серой, а черной краской жизнь Сольвычегодска в первой половине десятых годов прошлого века: «Пройдитесь по набережной Вычегды. Когда-то там почти сплошь по всему берегу тянулась березовая аллея, но теперь от этой аллеи остался незначительный клочок, который с каждым годом редеет и, вероятно, лет через десять совсем исчезнет. А ведь это во всем городе единственное место для отдыха и прогулки. Пошевелил ли обыватель хоть пальцем, чтобы оградить это место отдыха от разрушения? Конечно нет: “за гулянье ведь денег не платят”.

А “город”, так тот даже и поспешил и последние беседки срыть: “баловство одно, а городу каждый грош пригодится”. Недели две, поди, томили управу этим “баловством”. А чем кончалась всякая попытка беспокойных людей насадить новые деревья, развести новый сад? Если молодые саженцы не выдергивали местные хулиганы, то их ломал скот. И все потому, что обывателю жалко заплатить рубль-два пастуху и он обращает весь город в выгон. “Чего там еще, а два рубля – не щенки”. И это проделывается не изголодавшимся мещанином, а особой, а особой, получающей чуть не четыре тысячи в год жалованья.

Но не одни бульвары страдают от скота. Коровы, лошади табунами врываются во дворы, в огороды. И чуть вы немного не досмотрели, труды всего лета у вас пропадут в какие-нибудь полчаса. Все стравят. Не говоря уже о том, что попасть на рога к корове, хотя бы и аристократического происхождения, или получить удар копытом в лоб – удовольствие не из больших. А и такие случаи бывали. Так что детей даже и небезопасно пускать на улицу. И все это, повторяю, происходит только потому, что жаль заплатит пастуху рубль-два пастуху, жаль купить несколько лишних пудов сена…

Вот старинный собор… Но что это за движение вы видите около него? Вы, может быть, думаете, что это скопление богомольцев? Нет, это грузчики товаров. Под собором устроен… склад товаров. “Доход!” Даже в храме не постеснялись с грошом влезть. А в то же время сторожа этого собора с кучей детишек принуждены ютиться, без преувеличения, – в выгребной яме. “Экономия!”

У города очень много земли. Есть лес, торфяники, соленые источники. А он год от года беднеет и разоряется. И не мудрено. Чтобы умело вести городское хозяйство, необходимы знания, ум и энергия. Но все это… “дорого стоит”. А потому город систематически выбирает в городские старосты старичков инвалидов. “Недорого, да и экономию наблюдают…”. И, действительно, наблюдают… Так, что не будь у нас почва песчаная, город утонул бы в грязи: даже у городского дома до сих пор не удосужились мостки устроить. Если не особое счастье, город давно бы весь выгорел. Пять-шесть веселых пейзан из окрестных деревень – вот и вся пожарная команда. Да и тех трудно найти на месте. То они к себе страдовать поехали, то они к кому-нибудь кладь перевозят, а то так и просто “без задних ног лежат”. Зато – “цена подходящая”.

Да. Куда бы вы ни пошли, о чем бы вы ни заговорили, – одна и та же песня: грош, грош и грош. Пусть из-за этого гроша пропадут тысячи. Что за дело?! “Прежде всего – экономия”. О просветительных учреждениях, о трудовой помощи обнищавшему населению и говорить не приходится. О таких “дорогих затеях” у нас и слыхом не слыхать и видом не видать. Мы все представляем из себя не жителей одного города, то есть нечто – худо ли, хорошо ли – сплоченное общими интересами, а каких-то, в своем роде, “отдельных посетителей” жизни. И даже в таких вещах, где задеты исключительно наши материальные интересы и где, казалось бы, и самое место для проявления наших наклонностей к “экономике жизни”, – мы и тут ухитряемся в слепой погоне за грошом все исковеркать и изломать».

Еще одна заметка другого автора, напечатанная в «Вологодском листке» осенью того же года, о сольвычегодской земской публичной библиотеке. Еще один штрих к коллективному портрету городских властей, и тоже черного цвета.

«Сольвычегодская земская публичная библиотека за последнее время приобрела неузнаваемо жалкий вид. Болезнь, истощающая ее организм, имеет тенденцию и дальше

осложняться. Поэтому своевременно обратить на нее внимание общества. Библиотека содержится земством. И не так давно было время, когда сольвычегодское земство обращало на содержание библиотеки должное внимание, заботясь своевременно о приобретении новых книг, в то же время разнообразя их содержание. Но когда-то богатая библиотека ныне превратилась в хранилище нескольких сот книжек, частью уже устаревших и разрозненных томов. Выписка новых книг почти окончательно прекращена. А между тем, спрос на книгу как в самом Сольвычегодске, так и в уезде сильно возрос. Подобное явление управа обходит, не желая с ним считаться. При библиотеке имеется читальня. Прежде в ней можно было найти почти все большие столичные газеты и журналы. Теперь же вместо читального зала остался всего один маленький столик с тремя газетами: “Свет”, “Биржевые Ведомости” и “Русское Слово”. И библиотека, и читальня ютятся всего в одной небольшой комнате, тогда как прежде они имели в том же здании управы две просторных комнаты, отдельно для библиотеки и для читального зала. Ни в библиотеке, ни в читальне нет периодических изданий не только северного края, но и собственной Вологодской губернии. Прежде они были. Зато теперь земская управа выиграла: она меньше тратит денег на такую затею как библиотека. За последние три-четыре года бюджет библиотеки хронически чахнет и чахнет. Быть может, это обстоятельство и радует чье-либо сердце, но духовные запросы сольвычегодцев от этого терпят очень и очень много. Библиотека в таком виде оставаться не может. Приближается время земского собрания и гласным от города необходимо энергичнее и определеннее поднять вопрос о пополнении библиотеки новыми изданиями и расширить читальный зал, отделив его опять от библиотеки, в то же время его нужно снабдить и большим числом периодических изданий и особенно следует приобрести издания своего края и губернии»[79].

Примечания

[53]Сукманник – двубортная верхняя демисезонная одежда из толстой шерстяной домотканины, застёгивающаяся на крючки. Название связано с тканью, из которой он изготавливался – пониточины. Это толстая ткань из льняных и шерстяных нитей или сукна домашнего приготовления. Одним из видов верхней одежды для холодного времени года в XIX веке в России являлся пониток, или сукманник.

[54]Два типичных случая смерти от пьянства в Сольвычегодском уезде, о которых писали губернские ведомости в 1875 году: «22 декабря крестьянин деревни Ристухинской Иван Парухин 65 лет, бывши на празднике в Вилегодском Спасском приходе, напился пьян до того, что женою своею был привезен домой в бесчувственном состоянии и вскоре помер. 18 декабря крестьянин деревни Слудки-Павшинской Михайло Федяев 39 лет умер в питейном доме, содержимом крестьянином Александровым, от излишнего употребления вина».

Вот не очень типичный и в некотором роде курьезный случай, связанный с пьянством: в сентябре 1863 года смотритель сольвычегодской тюрьмы коллежский регистратор Варяжский за нетрезвое поведение и самовольную отлучку с места службы был уволен от занимаемой им должности.

[55]Не было в городе никаких дворянских и купеческих клубов, общественных собраний и дамских обществ. В Устюге был благородно-купеческий клуб, в Устьсысольске общественное собрание, в Грязовце дворянский клуб, в Вологде дамское семейное собрание и даже благородное семейное собрание, а в Сольвычегодске... Собирались, конечно, в питейном доме рядового Григорьева пропустить рюмку Строгановки или Сольвычегодской горькой и закусить свежепросольной семгой или нельмой после службы и по выходным. Даже могли подраться, если выпивали лишнего, но кабак – он и есть кабак. Так, чтобы культурно, с буфетом, усатым буфетчиком, бильярдом, курительной комнатой, преферансом

по полкопейки в вист, накрахмаленными скатертями на столах и со свежими губернскими ведомостями... – нет, этого и в заводе не было.

[56]Новое училище открыли в ноябре 1870 года в селе Черевково, Черевковской волости Сольвычегодского уезда. В губернских ведомостях была напечатана заметка преподавателя вновь открытого училища Фалина об этом событии, которую мы и приводим с небольшими сокращениями.

«27 ноября 1870 года останется незабвенным для жителей Черевковской волости. В этот день по распоряжению Начальства С.-Петербургского учебного округа г. Инспектором народных училищ Вологодской губернии нарочно прибывшем в Черевково, открыто в Черевковской волости первое образцовое одноклассное училище, первое не только в Черевковской волости, но и во всей Вологодской губернии.

Накануне означенного дня г. Инспектор народных училищ заявил волостному правлению о предстоящем открытии училища и просил известить о том всех родителей, желающих отдать своих детей в училище. В день открытия все мальчики, пожелавшие поступить в училище, в числе 60 человек прибыли в здание училища и отсюда в сопровождении учителя отправились в церковь для слушания Божественной литургии. После литургии и освящении священником Прокопием Чуриным училищных икон <…> духовенство крестным ходом отправилось в здание училища. Здесь, в присутствии прибывших нарочно из Сольвычегодска мирового посредника и председателя земской управы, местного станового пристава, волостных начальников и довольно значительного числа крестьян и крестьянок, (обе классные комнаты были наполнены прибывшими, которых было бы еще гораздо более, если бы не отвлекла крестьян Красноборская ярмарка, важная для всего уезда), собравшихся на этот знаменательный для Черевковской волости праздник, совершено было молебствие с водоосвящением и провозглашением многолетий. По окончании молебствия и по окроплении здания Св. водою законоучитель, священник Аполлоний Замараев сказал речь, заключавшую в себе пожелания успехов детям в новом училище. Затем была сказана речь г. Инспектором народных училищ, в которой он, поздравив жителей с дарованным им благом, выяснил обязанности, падающие на общество, преподавателей и детей с открытием этого первого образцового одноклассного училища. За речью г. Инспектора сказано было несколько слов г. председателем земской управы Семеном Ивановичем Климовым об участии Сольвычегодского земства в поддержании училища открытием при оном классе ремесел и готовности поддерживать училище на будущее время. Затем некоторыми детьми пропет был, заученный накануне при помощи г. Инспектора училищ, народный гимн “Боже Царя Храни”, а мировой посредник Василий Иванович Савваитов в очень выразительных словах высказал крестьянам благодарность за их готовность иметь у себя хорошо устроенное училище и выразил надежду, судя по первоначальной, более, чем удовлетворительной обстановке, на счастливую будущность училища. После всего этого г. Инспектор, объявив училище открытым, сообщил о желании учителя обучать в праздничные дни и неграмотных взрослых крестьян. Затем духовенство, в сопровождении всех присутствующих, прежним порядком отправилось в церковь; из церкви дети снова возвратились, и там местным становым приставом Иваном Васильевичем Назарьевым было предложно им угощение.

В заключение всего в ознаменование открытия училища местный крестьянин Иван Артемьевич Пирогов пожертвовал в пользу училища шесть стульев, два стола, комод для хранения книг и отдал в распоряжение училища на три года бесплатно квартиру в нижнем этаже его дома, состоящую из пяти комнат, кухни и сеней. Кроме того, прибывшие из Сольвычегодска чиновники и местные крестьяне пожертвовали 32 рубля на учреждение библиотеки для бесплатного чтения крестьян в воскресные дни. До открытия же училища поступили следующие пожертвования: а) От Преосвященнейшего Палладия Епископа Вологодского и Устюжского икона Спасителя и б) от крестьян Черевковской волости 15 руб. 69 коп. на переделку дома под училище и на первоначальное обзаведение его.

В заключение нельзя выразить надежды на счастливую будущность училища; ручательством этому служит то, что довольно значительное число детей пожелало учиться в нем и что училище имеет достаточный запас учебных книг и пособий. Несмотря на недавнее открытие училища, в библиотеке его числится весьма полезных книг до 150 разного наименования и находятся следующие учебные пособия: картины из Св. истории ветхого и нового завета Шрейбера, картины из Св. истории с текстом, составленным Золотовым, картины Семенова: зима и лето, картины для наглядности Шрейбера и изданные Московским Комитетом грамотности: глобус, компас, магнит, весы, складной аршин, термометр и многие другие предметы для наглядного обучения. В будущем предполагается снабдить училище образцами мехов, кож и прочим».

[57]Есть статистические данные, которые на первый взгляд не несут никакой полезной информации нынешнему читателю, но хочется их привести, потому что и они не будут лишними штрихами в картине сольвычегодской жизни того времени. В 1873 году по данным губернского статистического комитета в Сольвычегодске не родилось ни одного незаконнорожденного православного ребенка. Таких уездных городов в губернии было всего четыре – заштатный город Красноборск, принадлежащий Сольвычегодскому уезду, заштатный Лальск, входивший в Великоустюжский уезд, и уездный Яренск. Во всех остальных уездных городах Вологодской губернии незаконнорожденные были. Правда, если вспомнить случаи, когда новорожденных их матери убивали... Тем не менее, в Сольвычегодском уезде в 1873 году родилось 93 незаконнорожденных мальчика и 68 незаконнорожденных девочки. Можно, конечно, высчитать процент от общего количества новорожденных по уездным городам и уездам, а по этим данным нарисовать график, но мы этого делать не станем.

Еще один пример статистических данных, которых ни к промышленности, ни к торговле не отнесешь – количество писем, которые написали жители Сольвычегодска в первой половине шестидесятых годов позапрошлого века, количество полученных ими писем и отношение количества отправленных писем к числу городских жителей. В Памятной книжке Вологодской губернии на 1864 год перед таблицей с этими данными написано: «Количество корреспонденции также служит отчасти признаком как степени просвещения жителей, так и объема их сношений». Итак, в 1864 году жители города Сольвычегодска отправили 3302 письма и получили 3599. На каждого жителя города приходилось 2,4 письма отправленного и 2,7 письма полученного. По этому показателю Сольвычегодск занимал пятое место в губернии, уступая Верховажью, Кадникову, Вологде и Грязовцу. Середина списка, если учесть, что всех мест, включая Вологду, одиннадцать. Если же судить по полученным письмам, то здесь Сольвычегодск на четвертом месте после Вологды, Верховажья и Кадникова. С 1860 года по 1864 год включительно количество отправленных писем увеличилось на 15%, а количество полученных на 50%.

[58]В женском училище Хаминова в 1881 году обучалось 38 девочек в возрасте от 7 до 15 лет, из них дочерей потомственных дворян две, личных дворян и чиновников семь, священнослужителей восемь, почетных граждан и купцов три, мещан и цеховых пятнадцать, крестьян шесть. Все православные.

[59]Проценты с эти капиталов, согласно воле жертвователей, раздавались в виде пособий бедным мещанам Сольвычегодска с капитала, пожертвованного Чирковым на праздники Святой Пасхи и Рождества Богородицы, а последнего на день тезоименитства жертвователя купца Хаминова 24 июня и Рождества Христова, а также пополнялись из процентов с последнего повинности за бедных мещан.

[60]В 1890 году Сольвычегодск принял капитал в тысячу рублей, пожертвованный по духовному завещанию мещанкой Михайловой для выдачи процентов с этого капитала бедным горожанам.

[61]Видимо, мещанская девица Левзинова была настойчивым просителем – как следует из протоколов заседаний Сольвычегодской городской думы, в середине декабря 1883 года ей отказали в выдаче пособия, а в феврале следующего это пособие все же назначили.

[62]Деньги на содержание городской кладбищенской церкви пожертвовал граф Строганов, за что Городская Дума поблагодарила его специальным постановлением.

[63]Трудно удержаться, чтобы не процитировать, пусть и в примечаниях, еще два прошения об отправке учиться. Первое – от крестьянского сына Березонаволоцкой волости Александра Колотова. «Окончив полный курс учения в Вешкурском начальном народном училище в мае месяце 1884 г., а потом в Сольвычегодском городском двухклассном училище в настоящем 1888 г., я желал бы еще продолжить учение, но не имею средств, так как отец мой помер 12 лет и оставил нас двух братьев и сестру малолетними на попечение матери, которая воспитывала нас своими трудами и дала мне возможность окончить курс учения в Сольвычегодском городском двухклассном училище, но более воспитывать не имеет возможности. В виду сего покорнейше прошу Земское Собрание отправить меня в будущем 1889 г. для обучения в Тотемскую учительскую Семинарию стипендиатом от сольвычегодского земства, а по окончании курса в семинарии, я обязываюсь прослужить положенный срок учителем в Сольвычегодском уезде. Препровождаю в Земское Собрание свидетельство об окончании курса Вешкурского начального училища, аттестат Сольвычегодского Городского двухклассного училища и три похвальных листа, выданные мне во время учения от училищного начальства».

Второе – от крестьянского мальчика Алексеевской волости деревни Мануиловской Василия Копылова. «В настоящее время достигши я четырнадцатилетнего возраста и в обучении Закона Божия кончил курс в двух школах, а именно: в местном земском Алексеевском и двухклассном Песчанском за свой счет. Ныне желая достигнуть к более знанию Закона Божия и другим нравственным наукам, намерен поступить в Тотемскую Семинарию, но для содержания себя средств не имею и приобрести не могу. А потому Сольвычегодской Земской Управе честь имею заявить и покорнейше прошу предложить имеемому быть Земскому Собранию о разрешении мне положенного законом месячного денежного вознаграждения на содержание меня к обучению и познанию Закона Божия и других наук при Тотемской Семинарии в течении четырехгодичного времени по казенному содержанию, по случаю неимения своих средств и о последующих результатах меня не оставить без объявления. Октября 16 дня 1888 г. Подлинное подписал крестьянский мальчик Василий Иванов Копылов».

Третье – от унтер-офицерской вдовы Февронии Засолоцкой, которое тоже прошение, хотя и совершенно по другому поводу, но без него картина тогдашней сольвычегодской жизни будет неполной. «Муж мой отставной унтер-офицер Степан Григорьев Засолоцкий, с мая месяца 1878 г. по май месяц сего 1888 г., т.е. ровно десять лет состоял от земства сторожем при земском пороховом складе в г. Сольвычегодске, в течении этого времени не подвергался со стороны членов Земской Управы ни выговорам и ни штрафам, одним словом исполнял свою обязанность исправно, что могут подтвердить и настоящий состав членов Управы, 8-го же мая сего года муж мой волею Божией умер, оставив меня с несовершеннолетним сыном без всяких средств к пропитанию. Такое бедственное мое положение и заставляет меня прибегнуть к Земскому Собранию с всепокорнейшей просьбой, не найдет ли оно возможным за десятилетнюю безукоризненную службу мужа моего назначить мне какое-либо единовременное пособие приняв во внимание и мою бедность в преклонных уже летах, на что и осмеливаюсь питать надежду. Октября 26 дня 1888 г. Подлинное подписал неграмотной Февронии Засолоцкой, сын ее Александр Засолоцкий».

И еще одно «Покорнейшее прошение» от крестьянина Гавриловской волости деревни Вахтинской Семена Миронова Заборского, которое, хотя и не имеет отношения к образованию, но имеет отношение и к тогдашней медицине, и к жизни крестьян Сольвычегодского уезда, и к способам добычи пропитания, а, точнее сказать, выживания, в тех суровых северных краях в конце девятнадцатого века. «В 1885 г. при перевозке хлеба, заготовленного земством для нашей местности по случаю неурожая такового, я волостным правлением командирован был в числе прочих возчиком для передвижения хлеба натурою

из с. Черевкова и Пучуги и во время пути пришибло меня возом и размяло мне правую ногу так сильно, что по прибытии в больницу гг. доктора вынуждены были отнять мне ногу, почему я в настоящее время по случаю отнятия моей ноги, лишен возможности производить крестьянские работы, а в особенности ходить по лесу для добычи рябка, тетери, белки и проч., а в нашей местности, как известно всем и каждому, что единственно только от лесных промыслов и уплачиваются государственные подати, семейство же я имею: жену, двух сыновей, из коих старший 10, а младший 6 лет, и дочь 13 лет, которые также не в силах производить тяжелой полевой работы. А потому нахожу себя вынужденным обратиться к Земскому Собранию и покорнейше прошу не найдет ли оно возможность из каких-либо источников дать мне хотя наималейшее денежное пособие для поддержания малолетнего моего семейства, так как в нашей бедной местности я не в состоянии пропитывать своего семейства, а далее куда-либо в Подвинские волости я без ноги идти не могу, в справедливости моей просьбы представляю удостоверение местного волостного правления. Сентября 20 дня 1888 г. Подлинное подписано за неграмотного Семена Заборского крестьяниным Василием Леготиным».

[64]К фельдшерам и повивальным бабкам у сольвычегодских уездных врачей к концу века накопился целый ворох претензий. Вот что сообщали губернские ведомости о заседаниях врачебного совета при Сольвычегодском Уездном земстве в августе 1900 года: «Одно из постановлений врачебного совета заслуживает особенного внимания. Врачебный совет постановил ходатайствовать пред уездным земским собранием о постепенной замене фельдшеров и повивальных бабок фельдшерицами-акушерками. В настоящее время в каждой волости Сольвычегодского уезда имеются фельдшер с окладом в 360 р. в год и повивальная бабка с жалованьем в 180 р. в год. Врачебный совет находит, что фельдшера стоят обыкновенно гораздо ниже фельдшериц, и по своим специальным познаниям, и по своим нравственным качествам. Опыт других земств доказал, что фельдшерицы добросовестнее относятся к исполнению своих обязанностей, чем фельдшера, и что среди последних очень трудно найти трезвых людей. Повивальные бабки по мнению врачебного совета совершенно невежественны и не пользуются доверием населения, так что у одной из них за год было всего 6 рожениц; таким образом, в этом пункте каждые роды обходятся земству в 26 рублей. Фельдшерица-акушерка, по мнению врачебного совета, легко может одна справиться с теперешними обязанностями фельдшера и повивальной бабки, причем, благодаря ее добросовестности, дело врачебной помощи населению выиграет. В распоряжение фельдшериц предполагается предоставить необходимые медикаменты и приемные покои с 3–5 кроватями для постоянных больных. Так как фельдшерицам предположено назначить жалованья по 600 р. в год, то на первый год предположено во избежание чрезмерного увеличения бюджета ходатайствовать пока только о замене фельдшеров и повивальных бабок фельдшерицами-акушерками в 4 пунктах».

[65]По данным губернской статистики за десятилетие с 1867 по 1877 год наибольшее количество незаконных рождений приходилось на город Вологду, Верховажский посад и уезды Устьсысольский, Сольвычегодский и Яренский. В г. Сольвычегодске среднее число незаконнорожденных в год 4,1. В % от общего числа рожденных 11,3. В Красноборске 0,4, что составляет 1,7%. По уезду среднее число незаконнорожденных в год 174,3 или 4,1%. Правда, непонятно как губернские статистики учитывали тех незаконнорожденных младенцев, которых душили, топили и закапывали их матери сразу после родов.

[66]В 1875 году в городе Сольвычегодске на 1228 человек выписывалось 60 изданий или одно на 21 человек. Сольвычегодск по числу выписываемых изданий занимал среди уездных городов Вологодской губернии второе место, уступая только Вельску.

[67]Городская дума по такому случаю ассигновала из городских денег пятьдесят рублей «на угощение в день Священного Коронования Их Императорских Величеств, Сольвычегодских местной воинской и полицейских команд, на улучшение в течение трех дней пищи содержащимся в местном тюремном замке арестантам, на иллюминацию

городских общественных домов и сада и на раздачу учащимся в Сольвычегодских уездном и женском училищах альбомов по случаю означенного торжества».

[68]Это «лишь» потому, что в соседних с Сольвычегодским уездах, наблюдались еще и эпидемии скарлатины, сыпного и брюшного тифов.

[69]Детрит в медицине XIX века – это тонко измельчённое вещество телячьих и коровьих оспин, смешанное в определённой пропорции с глицерином. Детрит использовали как сырьё для вакцины против оспы. Простейший способ приготовления состоял в соскабливании оспенных пустул у телят и растирании с глицерином. В 1871 году Императорское Вольное экономическое общество в России устроило первый телятник для получения детрита.

[70]Немного скучной статистики как постскриптум рассказа о последней четверти девятнадцатого века в истории Сольвычегодска и уезда. Посмотрим на динамику изменения цен на некоторые продукты питания и на некоторые виды работ за последнюю четверть девятнадцатого века в Сольвычегодском уезде.

По ведомости о справочных ценах на провиант и фураж Вологодской губернии за декабрь месяц 1875 г. в Сольвычегодском уезде девятипудовый куль ржаной муки без рогожи стоил 8 руб. 15 коп., пуд сена 20 коп., пуд соленого мяса 1 руб. 85 коп., пуд свежего мяса 2 руб., пуд топленого сливочного масла 6 руб. 95 коп., пуд гороха 1 руб. 55 коп., плата за день работы одному человеку 30 коп., одному человеку с лошадью 65 коп.

По ведомости о справочных ценах на провиант и фураж Вологодской губернии за декабрь месяц 1900 г. в Сольвычегодском уезде: девятипудовый куль ржаной муки без рогожи стоил 7 руб. 50 коп., пуд сена 18 коп., пуд соленого мяса 2 руб. 33 коп., пуд свежего мяса 2 руб. 58 коп, пуд топленого сливочного масла 8 руб. 94 коп., пуд гороха 1 руб. 64 коп., плата за день работы одному человеку 33 коп., одному человеку с лошадью 65 коп.

Таким образом за 25 лет ржаная мука подешевела на 8%, сено подешевело на 10%, соленое мясо подорожало на 20,6%, мясо свежее подорожало на 22,5%, масло сливочное топленое подорожало на 22,3%, горох подорожал на 5,5%. Средняя скорость инфляции, если рассчитать ее на три продукта – мясо соленое, свежее и масло сливочное топленое – 0,87% в год*. При этом за четверть века оплата за день работы одному человеку без лошади выросла на три копейки или на 9%, а с лошадью осталась такой же.

Для справки: городской голова в 1876 году получал 400 руб. в год, гласные городской думы по 200 руб. в год, а секретарь 300 руб. Зарплата уездного врача составляла 1800 руб. Врач, заведовавший городской земской больницей, получал 400 руб., фельдшеры и акушерки получали по 300 руб., повивальные бабки по 60 руб. В 1900 году фельдшеры получали по 360 руб. в год, а повивальные бабки по 180 руб.

Учитель в 1877 году получал 200 руб. в год, а в 1884 году учитель в Сольвычегодском уезде получал уже 276 руб. в год. Жалованье эконома городской богадельни им. Хаминова составляло в 1889 году 120 руб. Трое призреваемых, содержавшиеся на частных квартирах за счет выплат из богаделенного капитала купца Жданова, получали на свое содержание по 27 руб. в год.

*Сравнивать скорость инфляции на эти три продукта со скоростью инфляции в последней четверти двадцатого века или со скоростью инфляции в первой четверти двадцать первого не имеет ровно никакого смысла. Той скорости инфляции, тех цен на мясо и масло и даже на горох с сеном уже не вернуть, а потому «Не говори с тоской: их нет; но с благодарностию: были».

[71]Государственная винная лавка для продажи казённой хлебной водки, продажа которой в Российском государстве до 1917 г. составляла монополию государства.

[72]Для сравнения приведем цифры потребления водки в двух уездных городах соседней Олонецкой губернии – Вытегре и Олонце. По данным Вестника Олонецкого губернского земства за девятьсот седьмой год в Вытегорском уезде приходилось по 25 литров на одного жителя уезда. В этом же году в Вытегре каждый житель выпивал в год 20,

3 литра водки. В Олонце на одного жителя города приходилось 38,5 литров водки в год. Куда им до Сольвычегодска...

[73]Из многих десятков объявлений о розыске скрывшихся из-под полицейского надзора ссыльных и об их поимке процитируем два. Первое было напечатано в Вологодских губернских ведомостях 10 июля 1909 года: «Сольвычегодский Уездный Исправник разыскивает скрывшегося от гласного надзора полиции из места водворения г. Сольвычегодска, административно-ссыльного крестьянина Тифлисской губернии и уезда, села Тидивили Иосифа Виссарионова Джугашвили. Приметы его: 29 лет, роста выше среднего, лицо в оспенных пятнах, продолговатое, глаза карие, волосы, брови и усы черные, нос, рот и подбородок обыкновенные, особых примет нет», а второе 19 ноября 1910 года: Сольвычегодский Уездный Исправник объявляет, что находившийся в самовольной отлучке гласно-поднадзорный Иосиф Виссарионов Джугашвили, 29 сего октября этапным порядком прибыл в гор. Сольвычегодск, почему розыск его подлежит прекращению».

Между этими двумя датами уместился побег Иосифа Виссарионова Джугашвили из сольвычегодской ссылки. Сталин, который тогда был еще Кобой, а Сталиным стал тлоько через четыре года, приехал в Сольвычегодск 27 февраля 1909 года, и поселился он в доме Григорова на Крестовоздвиженской улице. Теперь это улица Ленина, но все тридцатые, сороковые и начало пятидесятых она конечно же называлась улицей Сталина.

Уже весной того же года благодаря энергичной организаторской деятельности Кобы была создана большевистская ячейка. Летом, после большого весеннего разлива реки и соленого озера в черте города, политические ссыльные на лодках, украшенными красными флагами, катались по озеру и пели революционные песни. На берегу в это время переминалась с ноги на ногу беспомощная сольвычегодская полиция, а уездный исправник бегал, ругался последними словами и требовал прекратить пение.

Сталин недолго пробыл в Сольвычегодске. Собственно, как только он туда прибыл – так сразу и начал готовиться к побегу. Помогала ему в этом колония ссыльных большевиков. Кроме того, служащие земства собрали семьдесят рублей. Накануне побега Сталин в местном клубе выиграл в карты еще столько же. За городом, в одной из деревень, у сельской учительницы был приготовлен сарафан, и будущий лучший друг физкультурников, переодевшись в женское платье как какой-нибудь Керенский восемь лет спустя, перебрался в лодке на другой берег Вычегды и бежал.

23 марта 1910 года его арестовали в Баку, и во второй раз Сталин прибыл в Сольвычегодск по этапу 29 октября 1910 года. Поселился он сначала в том же доме Григорова, но поскольку хозяин в скором времени продал дом и уехал, Сталин в январе 1911 года переселился в дом к Марии Прокопьевне Кузаковой, с которой в полиции взяли письменное обязательство сообщать куда следует всякий раз, когда ее постоялец будет отсутствовать дома более трех часов. По воспоминаниям сольвычегодцев Коба ежедневно посещал публичную и частную городские библиотеки, пользовался богословской литературой местного священника, часто сидел в чайной, бывал в местном клубе, где время от времени ставились спектакли. Все это время не прекращались собрания большевистской ячейки, в которых «кавказский Ленин», как его некоторые называли, принимал самое активное участие, и... подготовка к новому побегу. Власти об этом знали. В предписании начальника Вологодского жандармского управления полковника Штольценбурга сольвычегодскому исправнику Цивилеву от 16 февраля 1911 года говорится: «По имеющимся во вверенном мне управлении негласным сведениям* политический ссыльный в г. Сольвычегодске Иосиф Виссарионов Джугашвили намерен бежать из ссылки. Сообщая о вышеизложенном, прошу усилить наблюдение за Джугашвили и принять меры к воспрепятствованию ему побега из-под надзора полиции».

31 декабря 1910 года Сталин пишет письмо Ленину в Париж: «Мне остается шесть месяцев. По окончании срока я весь к услугам. Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно». Видимо, острой нужды не было, и Сталин прожил в Сольвычегодске до окончания срока, то есть до июня 1911 года.

В тридцать третьем году местные власти решили создать в доме Марии Кузаковой музей политической ссылки и настойчиво предложили Кузаковой продать дом. Мария Прокопьевна соглашалась продать дом только при том условии, что ей предоставят равноценное жилье. Сошлись на том, что она сдаст в аренду переднюю часть дома, где жили политические ссыльные, в том числе и Сталин. В течение года власти понемногу выкупали у нее части дома вместе со всем имуществом. В конце концов Кузаковой подыскали подходящее жилье, и в тридцать четвертом году весь дом стал музеем, а она, хотя и не хотела продавать его, переехала в квартиру в Сольвычегодске, а через три года уехала в Ленинград, к сыну. Власти в тридцать седьмом году выкупили для музея и дом Григорова, стоявший на той же улице напротив дома Кузаковой. Дом Кузаковой получил название домика Сталина и весь музейный комплекс стал называться Сольвычегодским музеем революции.

Через девять лет после смерти отца народов, в 1962 году, музей стал называться Сольвычегодским музеем-памятником политической ссылки, а еще через год вошел в состав Сольвычегодского историко-художественного музея. Заодно и четырехметровый памятник Сталину, стоявший во дворе дома, убрали и закопали где-то в лесу. Между прочим, убрали и закопали совсем не сразу, потому что никак не могли найти в Сольвычегодске людей, которые соглашались бы это сделать. С трудом нашли мальчишек старших классов, которые повалили памятник, расколовшийся при этом на три части. Обломки спрятали в сарае и через две недели, ночью, вывезли на грузовике эти обломки в лес. Улицу Сталина, как рассказывают старожилы, переиминовали в улицу Ленина тоже ночью.

В 2006 году через газету «Советская Россия» Сольвычегодский историко-художественный музей объявил сбор средств на восстановление музея Сталина в Сольвычегодске и на капитальный ремонт дома Григорова. Денег собрали так мало**, что удалось на эту сумму в двадцать три тысячи рублей восстановить один пролет забора и мостки возле дома Кузаковой. Дом Григорова так и стоит без ремонта.

В экспозиции музея личных вещей Иосифа Виссарионова Джугашвили нет, и потому верующим сталинистам, которые, как правило, преклонного возраста, приложиться не к чему. Впрочем, как рассказывал мне экскурсовод сольвычегодского краеведческого музея, некоторые старики и старушки просто гладят стены, а потом в книге отзывов пишут: «Я рад, что сбылась моя заветная мечта – побывать в доме-музее И.В. Сталина, перед именем которого я преклоняюсь»***.

Историю Константина Степановича Кузакова, который 1995 году рассказал газете «Аргументы и факты» о том, что, скорее всего, является внебрачным сыном Сталина, мы здесь рассказывать и комментировать не будем, поскольку ни к истории города Сольвычегодска, ни к истории его уезда она не имеет ровно никакого отношения.

И еще. В декабре 1910 года в Сольвычегодск в качестве ссыльного приезжает двадцатилетний Вячеслав Молотов, тогда еще Скрябин. Активной политической деятельностью Молотов в Сольвычегодске не занимался и старался вести себя осторожно, поскольку хотел, чтобы власти разрешили ему сдать экстерном экзамены при Вологодском реальном училище. Вологодский губернатор Хвостов ему такое разрешение дал, и в конце марта того же года Вячеслав Скрябин получил от уездного исправника Цивилева проходное свидетельство с предписанием ехать в Вологду «безостановочно прямым путем по железной дороге». После сдачи экзаменов Молотов остался в Вологде под надуманным предлогом сдачи еще одного эказмена по латинскому языку. В Сольвычегодск он так и не вернулся до конца ссылки в 1911 году. Со Сталиным Молотов впервые встретится через год в редакции газеты «Правда».

*Конечно, у властей были свои осведомители среди ссыльных. Последние, однако, с разоблаченными осведомителями воспитательных разговоров не вели. Как только стало известно, что один из ссыльных является полицейским агентом, его немедленно утопили в Вычегде.

**Оно и неудивительно, поскольку посылали по большей части пенсионеры, отрывая от своих очень скромных пенсий.

***В годы Великой Отечественной войны и сразу после нее любительским хором при сольвычегодском Доме культуры руководила Зоя Синицкая. Хор этот выступал в эвакогоспиталях перед выздоравливающими военными. Однажды Синицкая услышала песню-сказ местной сказательницы Прасковьи Степановны Губиной о реке Вычегде. Собственно, это была песня не столько о реке, сколько о Сталине, которого Вычегда поила водой во время Сольвычегодской ссылки. В сольвычегодском музее политической ссылки хранится красиво оформленный рукописный альбом с былинами о лучшем друге советских физкультурников. Там и о том, как Сталин идет этапом в сольвычегодскую ссылку, и о том, как бежит оттуда, и о том, как пишет письмо Ленину в Париж. Всю главу о письме из экономии места мы приводить не станем, но от цитирования отдельных строф не удержимся.

По лугам по тем широкиим,
Серед лесов дремучиих
Пробегает река Вычегда,
Река Вычегда могучая.
    На пустынном ее бережке
    На высоком, на обрывистом
    Разудалый стоял молодец,
Млад Иосиф свет Виссарионович <…>
Он смотрел и думал думушку,
Думу крепкую заветную.
И своей заветной думою
Поделиться хотел с Лениным.
    Кто снесет поклон мой к Ленину
    О моей расскажет думушке?
Ой ты, реченька студеная
Ты студеная извилиста! <…>
Ты снеси поклон, ты кланяйся
Другу верну свету Ленину
Про житье ему скажи мое
В ссылке дальние на севере.
У меня ли добра молодца
Крылья связаны, закреплены
Все пути мне здесь заказаны,
Все дорожки заколожены <…>

Вернемся к Зое Синицкой, которая переложила эти песни-сказы на музыку, а хор, которым она руководила, их разучил и в сорок пятом году на фестивале художественной самодеятельности в Архангельске занял с этим репертуаром одно из призовых мест. Прасковья Степановна Губина получила денежную премию и ценный подарок, а Зоя Синицкая шелковое платье. На этом история не закончилась. С сорок пятого года песню «Река Вычегда» в исполнении Северного русского народного хора исполняли по всесоюзному радио вплоть до самой смерти отца народов. Потом не исполняли и старались забыть, что исполняли, потом прошло шестьдесят шесть лет, и 14 декабря 2019 года на праздновании 85-летия музея политической ссылки, а заодно и 140-летия со дня рождения Сталина, фольклорный ансамбль «Сольвычегодские приплывухи» эту песню исполнил. Перед тем как исполнить, сотрудники музея долго и безуспешно искали по всем архивам ноты и в конце концов нашли их в сборнике «Колхозные песни» пятидесятого года, изданном в серии «Библиотека художественной самодеятельности».

[74]Губерний, уроженцы которых подавались в бега из ссылки в Сольвычегодск и уезд, было пятьдесят с лишним – от Варшавской до Тобольской*. Чаще всего, если судить по объявлениям о розыске, скрывались из-под надзора полиции крестьяне Харьковской

губернии. За харьковскими крестьянами шли тамбовские, а за тамбовскими все остальные. Убежавшие крестьяне в девяти из десяти случаев отправлялись домой, где их уже ждала полиция, чтобы отправить в Сольвычегодск по этапу. В объявлениях о поимке беглецов в таких случаях писали: «задержан в месте родины». Некоторые, очень непоседливые ссыльные, снова убегали и… снова в родную деревню, откуда их полиция отправляла по этапу в Сольвычегодск и еще дальше в уезд. Так могло повторять до трех, четырех и даже пяти раз. Небольшая, десятая часть ссыльных, могла походить, походить и… добровольно вернуться обратно в место своей ссылки. Чаще всего добровольно возвращались зимой, когда бродить по этим диким северным местам было просто опасно для жизни. Особая статья – политические ссыльные, которые и к побегам готовились тщательнее, и следы умели заметать, и в некоторых случаях ухитрялись уехать заграницу. Поиски и возвращение беглецов занимали немного времени – от нескольких недель до нескольких месяцев, но были случаи, когда скрывшиеся от полицейского надзора крестьяне годами жили в родной деревне или в соседней, не попадаясь властям.

*Обычному читателю поименный список губерний ни к чему, а ~~буквоед~~ краевед без них не обойдется, а потому здесь, в примечаниях к примечаниям, мы его приведем: Харьковская, Воронежская, Московская, Нижегородская, Вологодская, Калужская, Могилевская, Херсонская, Тамбовская, Воронежская, Минская, Курская, Витебская, Орловская, Курская, Минская, С.-Петербургская, Киевская, Каменец-Подольская, Ковенская, Рязанская, Смоленская, Полтавская, Казанская, Гродненская, Новгородская, Варшавская, Кутаисская, Костромская, Екатеринославская, Тифлисская, Волынская, Люблинская, Псковская, Владимирская, Терская, Петроковская, Олонецкая, Архангельская, Бессарабская, Тобольская, Курляндская, Могилевская, Бессарабская, Ярославская, Лифляндская, Подольская, Тверская и Подольская, области Дагестанская, Терская, Акмолинская и Область Войска Донского.

[75]Сольвычегодское уездное полицейское управление не справлялось со своими обязанностями настолько, что в июле двенадцатого года из-под гласного надзора полиции Сольвычегодска смогла скрыться целая семья австро-венгерского подданного Георгия Рада с восемью детьми, младшим из которых было всего шесть и пять лет, а самому маленькому – два года.

[76]Начальник Вологодского губернского жандармского управления писал Устюжскому уездному исправнику в феврале 1909 г. «Совершенно секретно. По полученным, безусловно достоверным, негласным сведениям, в гор. Сольвычегодск, на имя некоторых политических ссыльных, высылается из Парижа нелегальная газета “Пролетарий”. В виду изложенного, прошу иметь тщательное наблюдение за поступающими на имя ссыльных посылками и бандерольной корреспонденцией и, в случае обнаружения указанной газеты, таковую отбирать и немедленно сообщать мне с препровождением конфискованных номеров и подробными сведениями о лицах, коим корреспонденция была адресована».

[77]По табелю на продовольствие арестантов сольвычегодской городской тюрьмы в 1907 году суточная норма составляла восемь копеек. Поскольку цены на продовольствие в Сольвычегодске росли не переставая, губернским правлением по соглашению с вологодской казенной палатой, эту сумму в том же году увеличили на копейку, потом еще на одну, а в пятнадцатом году еще на одну.

На повышение цен и невозможность прожить на те деньги, которые они получают, жаловались и те, кто арестантов охранял. В журналах Сольвычегодского уездного земского собрания за 1908 год можно прочесть заявление смотрителя Сольвычегодского земского арестного дома Малетина с просьбой о повышении жалованья: «По случаю сильно вздорожавших съестных припасов первой необходимости, а равно поднятия цен на все предметы, а потому и жизнь становится при получении 16 руб. 66 коп. в месяц за вычетом еще в пенсионную кассу 1 руб. содержание весьма затруднительной при моей ответственной должности, которая требует постоянного надзора за арестованными лицами,

в особенности в настоящее время, арестованные бывают постоянно и большинство из них ссыльно-поднадзорные, за которыми нужно следить и следить держа ухо востро, в настоящем году перебывало под арестом с 1 января по 1 октября 81 человек разного люда и племени, да еще к тому же г. Сольвычегодский уездный исправник посылал в арестный дом для ночлега и дневки пересыльных арестантов, как это было а именно: 22 мая 27 чел., 5 июня 8 чел., и 12 сентября 31 чел. Эти последние как побывают и по уходе их непременно нужно мыть и мыть не только полы, даже и стены, а о ретирадах как загажены и говорить не буду, мыть же нужно нанимать, ибо чистоту требуют ревизующие лица, а потому и осмеливаюсь покорнейше просить земскую управу не найдет ли она возможным доложить нынешнему земскому собранию об увеличении мне содержания хотя бы до 240 руб. в год, и если этого невозможно, то хотя бы нельзя единовременно сколько будет благоугодно г.г. земским гласным за мою шестилетнюю службу, начавшуюся с 15 апреля 1903 года. Не лишним считаю доложить, что во всех уездах, даже в Яренском, смотрителя арестных домов получают далеко более содержания. Г. Сольвычегодск октября 3 дня 1908 г. Смотритель Ф. Малетин».

Земская управа в своем заключении писала, что смотритель арестного дома в г. Сольвычегодске до 1908 года получал содержание в в размере 180 руб. Уездное земское собрание очередной сессии 1907 года увеличило размер получаемого смотрителем содержания до 200 руб в год, и потому управа не просит прибавить жалованье Малетину, а имеет честь представить на благоусмотрение земского собрания. Не отказали прямо, но и...

[78]Сольвычегодский Дамский Комитет был серьезной организацией. При открытии в него вступили 54 дамы. Ежемесячный членский взнос мог быть любого размера, но не менее двадцати копеек. Пожертвования поступали деньгами, материалами и вещами. Для увеличения средств Комитета было дано два любительских спектакля. Для пошива белья и вещей для больных и раненых солдат Комитетом была открыта мастерская в помещении Общественного Собрания, предоставленного Комитету безвозмездно. В этой мастерской ежедневно, кроме суббот и праздничных дней, работали члены Комитета с участием и под непосредственным руководством и наблюдением председательницы и ее помощницы. Кроме того, некоторые из членов комитета брали работу на дом. Конечно же бесплатно. Вся материальная и денежная отчетность регулярно проверялась ревизионной комиссией.

[79]В то время как в Сольвычегодске морили голодом публичную библиотеку, пили горькую и сетовали на то… и на это тоже, в соседнем Великом Устюге культурная жизнь била ключом. В Вологодском листке под заголовком «Война Белой и Алой розы» была описана война не на жизнь, а на смерть двух местных электротеатров в погоне за публикой. «В этом междоусобии принимает живейшее участие и публика; кажется, весь город разделился на две стороны – любителей того или другого электротеатра. Рассказывают, что даже писались и декламировались самодельные стишки (до которых такие любители коллежские регистраторы и писцы из сиротских судов), посвященные конкурирующим театрам. Ближайшими результатами кинематографической войны являются необыкновенно длинные программы, чуть ли не из пяти отделений, очень доступные цены и афиши, написанные столь вдохновенным языком, что сердце и кошелек раскрываются сами собою. Попробуйте-ка устоять против “Сатаны”, “Жрицы сладострастия” из “Золотой серии Нордиск” или, тем более, против “Двух миллионов (в скобках на афише прибавлено для точности и большей убедительности цифрами: 2 000 0000) наслаждений”, которые за плату от пятиалтынного до полтинника, обязуется причинить нам один из конкурентов. В общем, оба театра работают хорошо, устюжанам на утешение и синематографщикам на пользу. Что касается до содержания идущих в театрах картин и их исполнения, устюжские синематографы приближаются к вологодским и вообще не отличаются от прочих своих собратьев».

Продолжение следует